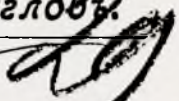

полка №

4/16

А. В. Кругловъ.

Веселыя похороны.

РОМАНЪ.

МОСКВА.

Изданіе А. С. ПАНАФИДИНОЙ,
Покровка, Лялинъ пер., собств. домъ № 11—13.

1903.

А. В. Кругловъ.

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ.

РОМАНЪ.

МОСКВА.

Изданіе А. С. ПАНАФИДИНОЙ.

Покровка, Лялинъ пер., собственный домъ № 11—13.

1903.

I.

Въ небольшой комнаткѣ, въ одно окно, оклеенной свѣтлыми обоями, обставленной во вкусѣ провинціальнаго средняго чиновничества, у круглаго стола сидѣло двое: довольно пожилая, полная женщина, не смотря на сѣдѣющіе волосы и мелкія морщины, еще сохранившая слѣды былой красоты, и молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, съ румянымъ лицомъ, которое оживлялось голубыми глазами съ мягкимъ ласкающимъ свѣтомъ. Женщина была одѣта въ темное шерстяное платье свободнаго фасона; плечи ея покрывала ковровый платокъ. Костюмъ молодого человѣка—длинный, суконный сюртукъ и широкія черныя брюки—сразу обличали въ немъ семинариста.

Это такъ и было.

Иковъ Аонасьевичъ Крестовоздвиженскій, ученикъ богословскаго класса Сѣвской духовной семинаріи, только что вернулся изъ деревни съ пасхальныхъ каникулъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ городъ и родители: мать для покупокъ, а отецъ по своимъ дѣламъ.

О. Анастасій съ утра ушелъ въ консисторію. Въ ожиданіи его мать и сынъ сидѣли у стола, уже накрытаго для обѣда, и вели между собой разговоръ.

— А здѣсь хорошо, Яна,—промолвила понадыя:—не то, что на прежней квартирѣ. Ладно сдѣлать отецъ, что перевелъ тебя съ осени сюда. Лучше, какъ одинъ-то: безъ товарищей соблазна меньше. Тамъ васъ много жило вмѣстѣ.

— Это все равно, маменька.

— Что ты, Яна, какъ можно!—возразила понадыя:—товарищи иной разъ противъ воли сманятъ: ты, Яна, вообще подальше отъ всѣхъ держись. Не ходи къ нимъ. Того и гляди—втянешься... Постѣснись отстать отъ другихъ. А сегодня заодно, да завтра заодно, такъ и пойдетъ.

— Вѣдь я же, маменька, жить до сего времени... Ничего...

— Славу Богу, Яна! Благодарю Господа! Я тебя и не хаю: ты у насъ хорошиѣ. Вѣь тобой довольны... Да вѣдь мало ли... Въ послѣднемъ-то классѣ всегда вольнѣй ведутъ себя: мы, дескать, на выходѣ... А тутъ-то какъ разъ и легко свихнуться... Развѣ не бывало?

Она ждала подтвержденія своихъ словъ отъ сына, съ любовью глядя на его розовое лицо, дышавшее здоровьемъ.

— Случается,—сказала молодой человѣкъ.

— Вотъ то-то и есть, голубчикъ.

Она вздохнула и продолжала:

— А здѣсь хорошо. Вѣдь ты доволенъ квартирой?

— Доволенъ, маменька.

— Хорошо здѣсь, Яна. Видишь, какъ чисто... Обои веселенькіе, занавѣсочки тюлевые, — совѣмъ на благородную погу. И хозяева хорошиѣ: Павель Ивановичъ — человѣкъ уважаемый, о супругѣ его никто дурного слова

не скажетъ. Да и чего еще: отъ семинаріи близко. Вотъ, немножко подороже, чѣмъ тамъ, ну, да это что же... Было бы лучше.

Но, какъ бы спохватившись, Анна Михайловна сейчасъ же добавила:

— Ты не подумай, голубчикъ, что отецъ твой такъ богатъ, что швыряться деньгами ему ни по чемъ. На нужду жаловаться нельзя, а все-таки не Богъ вѣсть какіе недостатки. Да и ты не одишь. Сестры подрастаютъ. Дѣвчонки, а заботы еще больше. Надо приданое принасти, ни съ чѣмъ-то не отдашь,—да и стыдно: не дьячковскія дѣти... Скажутъ: отецъ благочинный!

— Да что вы, маменька, развѣ я что говорю? — произнесъ сынъ, поправляя узенькій черный галстукъ, повязанный сверхъ крахмаленной рубанки съ отложнымъ воротникомъ.

— Да, Мишенька: что можно, мы тебѣ все дѣлаемъ, не отказываемъ. Смотри, я тебѣ четыре рубанки новыя положила, поддюжны майшиекъ, носковъ шесть штукъ. Береги! Неужли къ лѣту сызнова заводить?

— Хорошо, маменька.

— Старательно учись, Мша. Вотъ ты теперь хорошо идешь, кончини въ первомъ разрядѣ — мѣсто лучше получишь. А то еще и въ академію, пожалуй, назначать.

— Что гадать объ этомъ, маменька?

— И такъ, родной... Всякій человекъ о судьбѣ своей думаетъ. Конечно, все въ Божьей волѣ. Ты, Мша, молись, не смотри на другихъ. Безъ Бога что можно получить?

Анна Михайловна вздохнула, перекрестилась на образъ Спасителя, висѣвшій въ углу, и промолвила, глядя въ окно:

— Что это отца долго пѣть? И гдѣ онъ?

— Да въ консисторіи, должно-быть.

— Наказанье, право! Какъ вызовуть, такъ и траты. Другіе завидуютъ: благочинный! А что въ этомъ корысти? Только хлопоты да разореніе. То не ладно, другое не такъ, за все отвѣчай да откунайся.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ отецъ Аонасій, высокій коренастый шатень, съ широкимъ мясистымъ лицомъ, усѣяннымъ веснушками и рѣдкими осинками. Длинная рыжеватая борода росла высоко, поднимаясь почти до скуль. Узенькіе глаза какъ-то мало освѣщали заурядное лицо, лишенное выразительности.

— Вотъ лежокъ на поминѣ! Только о тебѣ говорили,— сказала Анна Михайловна.

— Стосковались обо мнѣ, что ли? — спросилъ о. Аонасій, улыбаясь глазами, при чемъ около нихъ радусомъ собралась мелкія морщинки и снова исчезли.

Онъ снялъ верхнюю теплую рясу и повѣсилъ ее на гвоздь около кровати сына.

— Обѣдать пора,—произнесла жена.

— Пора, понады. Я проголодался.

— Чего же такъ долго-то?

— Развѣ не знаешь, гдѣ быть! Скоро не отпустятъ.

— Поди, немало высосали? — съ недовольствомъ въ голосѣ проговорила Анна Михайловна.

— Дома сосчитаемъ,—уклончиво отвѣтилъ о. Аонасій:—а теперь давай обѣдать, да и собираться. Дома дѣла ждутъ, некогда здѣсь прохлаждаться, и то задержали на лишній день консисторекія проволочки.

Черезъ нѣсколько минутъ на столѣ появилась миска со щами и пирогъ со свиной, привезенный изъ деревни.

Нѣкоторое время все трое ѣли молча. Слышалось только чавканье да легкое покрывиванье о. Аонасіа, у котораго

это вошло въ привычку, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь доволенъ. Это служило признакомъ того, что онъ собирается что-то сообщить. Понадья знала характеръ мужа и дѣла, ожидая разсказа. Но о. Аонасій продолжалъ бѣть и побрякивать. Анна Михайловна начала терять терпѣніе. Наконецъ, она не выдержала и промолвила:

— Чего ты кряхтишь-то, отецъ? Разскажь бы лучше, какъ дѣла, что слышать?

О. Аонасій опять крякнулъ, отеръ губы и усы салфеткой и промолвилъ, отламывая кусокъ пирога:

— А вотъ славный пирогъ, понадья... Хорошо ты стряпаешь.

— Я это и безъ тебя знаю,—съ улыбкой же замѣтила жена.

— Ну, вотъ,—произнесъ о. Аонасій:—а когда пирогъ хорошъ, да щи вкусны, такъ и на сердцѣ весело.

— А дѣла-то какъ, говори? Все ли хорошо?—спросила Анна Михайловна, вызывая мужа на разсказъ.

— Все хорошо. Отца ректора видѣлъ...

— Ну?

— Одобряетъ нашего сына возлюбленнаго. Краса, говорить, богословскаго класса. Понимаешь, мать?

— Слава Богу, если такъ.

Она съ ибъжной любовью посмотрѣла на сына и снова обратилась къ мужу:

— А въ конекторіи какъ?

— И въ конекторіи все изрядно. Недоразумѣніе и все. Секретарь совѣвъ на моей сторонѣ. Такой обходительный, на чай къ себѣ звалъ меня, да я отказался. Когда мнѣ распивать чай!

— На чай! Пуди, и слушай онъ съ тебя на чай?— снова съ раздраженіемъ промолвила жена.

— Ужъ всеконечно, какъ водится, — отвѣтилъ о. Аонасіій. — Зато улажено, и дѣло въ шляпѣ.

Онъ собралъ крошки, положилъ ихъ въ ротъ и добавилъ, взглядывая на жену:

— У пресвященнаго былъ, мать.

— Что же? Поди, ругался?

— И не думалъ. Все шутилъ. Въ такомъ добромъ настроеніи сегодня, что удивительно. Все миѣ: «благочинный да благочинный». А какъ сталъ прощаться и говорить: «ну, благочинный, человѣкъ многочинный, поѣзжай съ Богомъ». Ха, ха, ха! Острякъ онъ вѣдь, надо сказать. Любить пошутить!

— Когда какъ, — сказала попадья. — Это на него сегодня нашла благодать такая, а то такъ шугнетъ, что не знаешь, куда и дѣться. Забылъ что ли?

— Всяко бываетъ, мать. Человѣкъ не машина. Горячь онъ у насъ, прямо князюкъ, а сердцемъ добръ. Ну, а сегодня словно отецъ родной. Даже по плечу меня похлопать.

Доѣвши пирогъ и заливъ его квасомъ, о. Аонасіій поднялся съ мѣста. Онъ помолился на икону и обратился къ женѣ:

— Ну, собирайся! Скажу Михею, чтобы лошадей запрягать. Все купила?

— Все. Вотъ только по пути къ Андрееву заѣдемъ.

— Эхъ, мать! Лучше бы все сразу... Ну, да ладно, это по дорогѣ. Собирайся же!

— А чаю не стаетъ ли развѣ пить?

— Какой тамъ чай! Дома напьемся. Вотъ кваску на дорожку еще выпью. Это и лучше: съ горячаго-то простудиться легко, а квасокъ ничего. Надо, попадья, еще къ хозяйкамъ зайти. Деньги уплатить да поблагодарить.

Хорошіе люди... Слунай-ка, Яковъ,—обратился о. Аонасіій къ сыну:—ты заходи къ хозяевамъ-то, не дичись. Павелъ-то Ивановичъ говоритъ, что тебя не дозовутся.

— Я захаживаю. Вѣдь, я учу мальчика у ихъ.

— Ну, это что. А ты послѣ урока когда останься, не будь медвѣдемъ-то.

— Ужъ больно онъ у насъ смиренъ,—сказала Анна Михайловна.

— Это не худо, попадая, — возразилъ о. Аонасіій:— смиреніе качество не дурное. Дичиться не надо, извѣстно. Нужно приучаться, какъ себя держать. Ну, да погоди, попадая, все будетъ въ свое время: онъ у насъ паренъ съ мозгами.

О. Аонасіій любовно посмотрѣлъ на сына, который завязывалъ мѣшокъ.

Черезъ полчаса лошади стояли у крыльца. Дрожій работникъ Михей возсѣдалъ на козлахъ. Сытые кони выражали петеригбіе и рвались впередъ. Михей едва сдерживалъ ихъ.

— Ну, Яковъ, прощай! — сказали о. Аонасіій, обращаясь къ сыну:—хозяевамъ, что слѣдуетъ, уплачено... Теперь говори: надо тебѣ денегъ?

За сына посиѣнила отвѣтить Анна Михайловна:

— Чего и спрашивать-то, отецъ: какъ же онъ безъ копейки останется, словно сынъ просвирии!

— Баловаться тоже нечего, попадая! На что ему особенно?

О. Аонасіій досталъ кошелекъ изъ кармана подрясника и вручилъ сыну пятирублевку:

— Вотъ тебѣ, Яковъ... За глаза будетъ,—сказалъ онъ.

— Да прибавь еще... Сыну жалѣнь, а на чужихъ сегодня, поди, сколько посѣять,—снова промолвила жена.

— И не хочешь, да съешь... И не даль бы, да требуютъ. Щедра ты больна у меня, какъ я погляжу. Ну, ну, будь по-твоему: бери, Яковъ, еще трешинку! Теперь ты совсѣмъ Крезъ! Пусть не говорятъ, что сынъ благодушнаго безъ грона сидитъ. А только зря не трать. До окончанія больше ни алтына не дамъ.

Молодой человекъ поцѣловать у отца руку.

— Ну, храни тебя Христось!

О. Доанасій благословилъ сына и расцѣловался съ нимъ. Анна Михайловна заплакала.

— Чего ты, понады! — воскликнулъ мужъ: — никакъ старое веюмила, когда впервой Якова въ училище отпраивала... Охоча же ты до слезъ!

— Какъ же... — начала Анна Михайловна.

— Присядемъ-ка лучше да помолнмся на дорожку, — перебилъ мужъ.

Всѣ трое присѣли, потомъ встали и молча помолнись на образъ.

— Ну, Яковъ, такъ я ужъ въ надеждѣ на тебя, — проговорилъ о. Доанасій, обращаясь къ сыну: — не осрами себя и насъ, кончай перворазряднымъ. И хоть не охотникъ до академикомъ, а если тамъ... ну, что дѣлать... а то и безъ академїи хорошо. Подвернется мѣсто настоящее — братъ надо. При мнѣ устроишься — лучше. Теперь главное — кончай, веди себя такъ же хорошо, какъ и раньше. Видишь, какъ ректоръ: «краса богословскаго класса», говорить. Это надо цѣнить и поддерживать такую репутацію. Ну, прощай!

Онъ обнялъ сына и слова поцѣловать его.

— Прощай, Яненька, прощай, голубчикъ! — со слезами промовила Анна Михайловна. — Храни тебя Царица Небесная! Молнсь, Яна, не забывай моихъ словъ.

Она долго цѣловала сына.

Въ переднюю вошли хозяева. Крестовоздвиженскіе и съ ними расцѣловались.

— Ужъ вы, пожалуйста, Марья Ивановна, не оставьте нашимъ вниманіемъ, — сказала попадья, обращаясь къ хозяйкѣ.

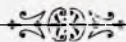
— Ну, полно, мать! Не мальчикъ вѣдь теперь, чай, не обидятъ, — ухмыляясь, замѣтилъ о. Аонасій. — Всего вамъ хорошаго, — добавилъ онъ, кланяясь хозяевамъ.

— Счастливаго пути!

Уже сидя въ тарантасѣ, Анна Михайловна наклонилась и поцѣловала сына въ лобъ.

— Ну, пора, пора, попадья, довольно! Трогай, Михай! — крикнулъ о. Аонасій.

Тарантасъ, стуча тяжелыми колесами, съѣхалъ со двора. Молодой человекъ вышелъ за ворота. Анна Михайловна нѣсколько разъ оглядывалась и отвѣчала на поклоны сына, который стоялъ до тѣхъ поръ, пока тарантасъ не скрылся изъ вида.

II.

Яковъ Крестовоздвиженскій шелъ по наукамъ въ числѣ первыхъ и считался однимъ изъ самыхъ скромныхъ и благонравныхъ семинаристовъ. Это было сказано немножко сильно — «краса богословскаго класса», но ректоръ любилъ скромныхъ вообще и особенно благоволилъ къ Крестовоздвиженскому. Неофитъ Целмо-

нѣвцевъ, пріятель и землякъ Крестовоздвиженскаго, звать его «красной дѣвушкой». Молодой человекъ дѣйствительно былъ очень застѣчивъ, но ректоръ, находившій въ немъ «задатки къ монашеству», глубоко ошибался. Крестовоздвиженскій любилъ жизнь съ ея радостями и часто мечталъ о семейномъ счастіи. Онъ былъ влюбчивъ, но застѣчивъ, и это вредило ему. Онъ по нѣсколько разъ перечитывалъ тѣ романы, въ которыхъ описывалась «хорошая любовь», какъ онъ самъ выражался. Большую часть денегъ, получаемыхъ отъ родителей, Крестовоздвиженскій тратилъ на театръ. Онъ былъ не прочь потанцовать, и русскую плясать такъ хорошо, что заслуживалъ общее одобреніе, хотя ему и здѣсь мѣшала его застѣчивость.

— Ты пляшешь чудесно, Яковъ, — говорилъ Псалмонѣвцевъ, — только размаха у тебя нѣтъ настоящаго, а все потому, что ты робѣешь.

Но когда Крестовоздвиженскому приходилось плясать русскую въ товарищеской компаніи, гдѣ роль дамы исполнять тоже семинаристъ, онъ набирался храбрости и приводилъ въ восторгъ Псалмонѣвцева.

— Ну, вотъ, это такъ, — говорилъ пріятель: — это совсемъ по-настоящему. Эхъ, Яковъ, да ты любишь и поплясать!

— А ты не любишь? — съ улыбкой спрашивалъ Крестовоздвиженскій.

— Что я! — отвѣчалъ Псалмонѣвцевъ: — я въ свѣтскіе выйду, а тебѣ скоро крышка: будешь пономъ, всякій плясать по боку!

Крестовоздвиженскій росъ и учился съ мыслию, чтобы стать пономъ. Это ему казалось такимъ непреложнымъ закономъ, который невозможно и нарушить. Вѣдь и всѣ съ этой цѣлью учатся, только очень немногіе поступаютъ

на свѣтскую службу. Но это—исключеніе, что о немъ и думать. О. Аонасіи и Анна Михайловна постоянно твердили сыну: «Вотъ когда будешь пономь», или: «вѣдь пономь быть тебѣ придется»... и т. д. Выйти въ «свѣтское званіе» родители не позволятъ. Да и зачѣмъ? Развѣ въ понахъ хуже? Нельзя только будетъ танцовать и ходить въ театрѣ... Конечно, это большое лишеніе. Но что же дѣлать, если это такой же непреложный законъ, какъ и законъ смерти? Надо умереть, надо идти въ поны. Не ему одному придется отказаться отъ разныхъ развлеченій. Вотъ и надо теперь навестывать. Въ первыхъ классахъ семинаріи его мало смущало то, что будетъ еще «потомъ»; однако, чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще у него сталъ являться невольный вопросъ: идти ли въ поны? Этотъ вопросъ казался ему празднымъ, но все-таки беспокоилъ. Какъ бы покоряясь судьбѣ, молодой человѣкъ старался отогнать отъ себя тревожныя мысли и не думать о невозможномъ. Онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что еще не теперь рѣшать, «а тамъ будетъ видно»; онъ продолжалъ плясать и посѣщать театрѣ. Но это «потомъ» становилось все ближе и ближе. За послѣднее время вопросъ началъ сильнѣе тревожить благоправнаго семинариста. А Псалмопѣвцевъ и другіе товарищи такого же направленія невольно продолжали вліять на него. Случайно онъ какъ-то прочелъ романъ, въ которомъ герой-семинаристъ противъ воли родителей уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ. Нѣсколько дней молодой человѣкъ ходилъ самъ не свой. «Въ университетѣ!» — это другое дѣло, тутъ карьера хорошая. Ему было и страшно, и въ то же время пріятно думать объ этомъ. Онъ, намеками, робко подѣлился своими думами съ Псалмопѣвцевымъ.

Тотъ засмѣялся и промолвить:

— Конечно, важно, да тебя не пустятъ... Быть тебѣ пономѣ! Что же, только плясать нельзя будетъ... ну, да ничего, привыкнешь!

Пріятель понизировать.

— У меня призванія нѣтъ къ священству, — въ первый разъ признался Крестовоздвиженскій.

Псалмопѣвецъ сдѣлать инокіе глаза.

— Вотъ тебѣ на! — воскликнуть онъ: — давно ли ты сіе познать?

— Да вотъ...

— Ты же все время готовился въ поны! И не думалъ никогда такъ!

— Нѣтъ, думалъ, да вотъ отецъ...

— Да, онъ едва ли позволитъ! Послушай, Яковъ, да ты не шутнишь?

— Нѣтъ! Все думалъ, что это такъ только... а теперь убѣдился, что не годусь въ поны.

— Друже, да вѣдь ты воскресаешь! Писовать, земляче! Орудуй!

— А ты?

— Я, братъ, въ медицинскую академію. Это рѣшено!

Но у Крестовоздвиженскаго еще не было рѣшено. Его признаніе было скорѣе порывомъ, возникшимъ подъ вліяніемъ прочитаннаго романа. Чѣмъ больше Крестовоздвиженскій размысливалъ, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что его мечты неосуществимы. Онъ затосковалъ. Затѣмъ мало-по-малу онъ опять началъ свыкаться съ мыслью «о непреложности закона» и сталъ избѣгать Псалмопѣвца, словно боялся, что пріятель догадается о томъ, въ чемъ ему не хотѣлось признаться и самому себѣ. Пріѣхавъ на Пасху, онъ не посмѣлъ даже намекнуть отцу объ университетѣ.

Онъ не открылся и матери, но не переставалъ дѣлать въ мечтахъ то, что ему казалось невозможнымъ въ жизни. Вотъ почему на намекъ Анны Михайловны о священническомъ мѣстѣ и духовной академіи онъ недовольно замѣтилъ: «Что гадать, маменька!».

Проводивъ родителей, Крестовоздвиженскій вернулся къ себѣ въ комнату съ намѣреніемъ почитать лекціи по богословію, но хозяинъ помѣшалъ занятіямъ.

— Яковъ Аонасевичъ, вы что дѣлаете?— крикнулъ онъ, подходя къ комнатѣ постояльца.

— Собираюсь читать лекціи,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Усѣдете еще, идите къ намъ пить чай.

Павель Ивановичъ Пунковъ, чиновникъ губернскаго правленія, получилъ образованіе также въ семинаріи, но только не кончилъ полного курса. Выйдя изъ богословскаго класса, онъ, благодаря протекціи дяди, поступилъ въ губернское правленіе и скоро добился мѣста помощника столоначальника. Теперь онъ былъ столоначальникомъ и считался дѣльцомъ. Онъ любилъ вспоминать семинарскіе годы и рассказывать анекдоты изъ бурсацкой жизни. Онъ ихъ рассказывалъ прекрасно и вызывалъ у слушателей искренній смѣхъ. Онъ любилъ также щегольнуть знаніемъ и начиналъ иногда диспутъ съ постояльцемъ. Крестовоздвиженскій изъ скромности нерѣдко уступалъ ему. Пунковъ, не догадывавшійся объ этомъ, оставался доволенъ своей побѣдой и произносилъ съ гордостью, обращаясь къ женѣ:

— Смотри-ка, Марья Ивановна, лучший ученикъ богословскаго класса и тотъ побѣжденъ. Вотъ какой у тебя мужъ! Вѣдь когда еще было учено, а не забыто. Да-съ, мы еще за себя стоимъ!

Пушковъ былъ очень расположенъ къ постояльцу: это расположеніе выражалось и въ похвалахъ и разныхъ одолженіяхъ, начиная отъ приглашенія на чай и кончая безплатнымъ билетомъ въ ложу.

Своимъ гостямъ, которые еще не были знакомы съ Крестовоздвиженскимъ, Пушковъ всегда такъ рекомендовалъ постояльца:

— Позвольте представить вамъ: Яковъ Домнаевичъ Крестовоздвиженскій, сынъ Доминскаго благочиннаго, примѣрный молодой человекъ, лучшій ученикъ богословскаго класса.

Постоялецъ конфузился отъ такихъ похвалъ, но онѣ были ему пріятны.

Крестовоздвиженскій засталъ хозяевъ за самоваромъ. Павелъ Ивановичъ сидѣлъ въ драповомъ халатѣ, подаренномъ ему женою въ день именинъ.

Пушковъ не отличался красотою, но имѣлъ видъ настоящаго начальника отдѣленія. Даже большая лысина шла къ нему. Въ молодости Павлу Ивановичу, рано лишившемуся волосъ, эта лысина доставляла немало огорченія. Впослѣдствіи онъ нашелъ, что лысина придастъ ему «сановитость», и успокоился. Онъ старательно ежедневно мылъ лысину, и она доспѣлась у него, какъ хорошо натертый паркетъ.

Жена Пушкова, высокая, полная брюнетка, справедливо гордилась своими чудными волосами, которые щадило время. Несмотря на бальзаковскій возрастъ, у Марьи Ивановны въ ея косѣ, доходившей до колѣнъ, не было еще ни одного сѣдого волоса. Черная, съ легкимъ синимъ отливомъ, какъ вороново крыло, коса Пушковой приводила мужчинъ въ восторгъ, а у женщинъ порождала зависть. Марью Ивановну нельзя было назвать

дурнушкой, но ее полное лицо отличалось дряблостью, а глаза, слишком выпуклые, производили странное впечатление: казалось, что они вот-вот сейчас выскочат из орбитъ. Носъ у нея былъ очень красивъ по формѣ, но его портила краснота, которую Марья Ивановна напрасно старалась уничтожить различными средствами. Пуикова была веселаго характера и любила общество, особенно мужское. Къ постояльцу она относилась хорошо, онъ ей даже нравился, но она звала его про себя «размазней», а прямо въ глаза говорила ему: «Яковъ Аванасьевичъ, вы настоящая барышня».

Она такъ говорила, потому что Крестовоздвиженскій имѣлъ несчастную привычку краснѣть и смущаться, особенно, если ему приходилось быть среди женщинъ. Онъ любилъ ихъ общество и въ то же время чувствовалъ въ немъ себя стѣненнымъ.

— Вы очень самолюбивы, Яковъ Аванасьевичъ, это отъ того,—говорила Пуикова:—самолюбивые люди всегда застѣнчивы.

Она отчасти была права. Молодой семинаристъ боялся уронить себя въ глазахъ дамъ, показаться смѣшнымъ, неинтереснымъ. Ему представлялось, что сюртукъ на немъ сидитъ хуже, чѣмъ на другихъ, и говоритъ онъ не такъ, какъ другіе.

Цсалмонѣвцевъ успокоивать его:

— Полно, Яковъ, бери примѣръ съ меня! Вотъ еще обращать на бабъ вниманіе! Да чѣмъ съ ними храбрѣе, тѣмъ лучше. Кто ихъ боится, надъ тѣми онъ и смѣется. И вотъ надъ ними смѣюсь, и онъ меня боится.

Крестовоздвиженскій не могъ слѣдовать примѣру пріятеля. У него не хватало смѣлости. Онъ обыкновенно забирался въ уголокъ и оттуда наблюдать за той дѣвущ-

кой, которая ему больше нравилась. Стоило ей въ разговоръ съ нимъ засмѣяться, переглянуться съ подругой, какъ онъ уже смущался отъ мысли, что она смѣется надъ нимъ. Онъ краснѣлъ, терялся и дѣйствительно иногда попадавъ «на зубокъ» бойкимъ дѣвицамъ.

— Бѣда, земляче, — говоритъ Псалмопѣвецъ: — до дѣвиць ты охочь, а обращаться съ ними не умѣешь. Ну, что будетъ, какъ ты всерьезъ полюбишь?.. Погибло твое дѣло!.. Вѣдь предъ той ты совсѣмъ растеряешься, это ужъ вѣрно и согласно со всѣми законами психологiи такихъ натуръ, какъ твоя. Если храбрые иногда въ этихъ случаяхъ теряются, то что же съ тобой-то будетъ?

Влюбляясь часто, Крестовоздвиженскiй еще не любилъ ни разу серьезно. Ему одно время нравилась и Пушкова, но потомъ онъ нашелъ, что глаза ея портятъ все лицо, и послѣ этого влюбился въ дочь дьякона, которая бывала въ гостяхъ у Пушковыхъ.

Подавая стаканъ чаю постояльцу, Пушкова замѣтила съ улыбкой:

— А вамъ кланяется Дуня (такъ звали дочь дьякона). Крестовоздвиженскiй всыхнулъ. Пушкова засмѣялась.

— Готово... зарево! — сказала она.

— А ты не конфузъ его, — произнесъ мужъ: — что у тебя за привычка высмѣивать Якова Аонасьевича. Онъ не изъ тѣхъ...

Пушковъ не могъ найти подходящаго выраженiя и : амялся.

— Я вовсе не смѣюсь, — проговорила жена: — я просто шучу. Ну, да это пустяки. Вотъ, Яковъ Аонасьевичъ, скоро вы забудете и Дуню и всѣхъ дѣвиць.

— Почему? — спросилъ постоялецъ, мѣшая ложечкой въ стаканъ.

— Прїѣдетъ моя племянница изъ Самары...

— Она вовсе не такая красавица,—перебилъ Павелъ Ивановичъ.

— Красавица не красавица,—возразила жена,— а только всё наши здѣшніи барышни передъ ней ничто. Не даромъ ее прозвали дворяночкой. Я увѣрена, что Яковъ Аонасьевичъ въ нее влюбится по уши... Бѣдная Дунечка!

— Да что вы, Марья Ивановна,—расхрабрясь, промолвилъ Крестовоздвиженскій:—я, кажется, ничего не говорилъ насчетъ Авдоты Максимовны... Это вы все...

— Ладно, ладно! Развѣ я не замѣчала, какъ вы смотрите на нее? А не вы вызвались проводить ее? А? По-краснѣли, небось! Тутъ нѣтъ ничего худого. Вотъ только вамъ не придется дѣлать выбора, когда станете жениться.

— Какъ такъ?

Крестовоздвиженскій даже пересталъ пить чай.

— Конечно,—промолвила Пушкова.—Вѣдь вы на мѣсто выйдете. Хорошо, если владыка дастъ согласіе на выборъ, а если онъ прямо укажетъ дѣвицу, либо придется брать мѣсто съ невѣстой?

Крестовоздвиженскій не сразу отвѣтилъ.

— Это еще... потомъ!—произнесъ онъ свою любимую фразу, которую такъ часто повторялъ про себя.

— Чего тутъ потомъ,—возразила хозяйка:—дѣло не за горами.

— Яковъ Аонасьевичъ еще, можетъ-быть, въ академію пойдетъ,—сказалъ Пушковъ.—Да это и въ порядкѣ вещей: такой ученикъ, какъ онъ...

Крестовоздвиженскій вдругъ перебилъ хозяйку:

— А если не въ академію?

Пушковъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ.

— Вѣдь можно и не въ академію,— снова повторилъ князецъ.

— Куда же?— спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— А, напримѣръ, въ университетъ.

Его слова своей неожиданностью поразили Пушкова и его жену.

— Въ университетъ?— переспросилъ чиновникъ, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ.— Да какъ же это такъ?

— Очень просто... Идутъ же люди. Вотъ, напримѣръ, Исидоръ Гвинецъ.

— Ну!— воскликнула Марья Ивановна:— этотъ не въ счетъ, да его и некому удержать, а васъ родители не пустятъ.

— Почему же?

Задавая этотъ вопросъ, Крестовоздвиженскій и самъ не вѣрилъ въ родительское позволеніе, но ему словно хотѣлось, хотя на словахъ, разбить доводы хозяйки и убѣдить ее въ возможности того, во что онъ самъ почти не вѣрилъ.

— Потому что это... это... Ну, конечно, не пустятъ! Вы одинъ сынъ у Аѳанасія Григорьевича, онъ такъ горячо желаетъ, чтобы вы были священникомъ, и вдругъ въ свѣтское званіе! Нѣтъ, вамъ объ этомъ и думать нечего.

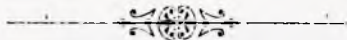
— Да, вѣдь, онъ шутитъ,— сказалъ мужъ.— Развѣ можно серьезно говорить объ этомъ? Съ какой стати въ университетъ, если прямая дорога въ академію или на хорошее мѣсто? Яковъ Аѳанасьевичъ не взбалмошный человѣкъ.

Крестовоздвиженскому показалось, что хозяева его мысль объ университетѣ нашли недѣльной, даже преступной, и что настаиваніе на ней можетъ уронить его въ ихъ глазахъ. Онъ не соглашался съ хозяевами, но не сталъ защищать своего мнѣнія и промолвилъ:

— Я это такъ, конечно.

— Ну, разумѣется, — подхватилъ Павелъ Ивановичъ: — вамъ ли думать объ университетѣ? Пусть Псалмогѣвцевъ туда идетъ, а вамъ духовная дорога. О. Афанасій передавалъ мнѣ слова ректора: «краса богословскаго класса». Ну, какъ же можно вамъ послѣ этого да мечтать объ университетѣ? Вамъ надлежитъ быть красой духовенства.

Крестовоздвиженскій хотѣлъ сказать: «у меня нѣтъ призванія къ священству», но онъ не сказалъ этого, а всталъ, поблагодарилъ за чай и отправился въ свою комнату.

III.

Недѣли полторы спустя, вернувшись изъ семинаріи, Крестовоздвиженскій услышалъ за перегородкой звонкій голосокъ, который могъ принадлежать только очень молодой дѣвушкѣ.

«Кто это?» — невольно подумалъ богословъ. Онъ забылъ совсѣмъ о племянницѣ, про которую говорила ему недавно хозяйка. Встрѣтившись съ нею въ кухнѣ, Крестовоздвиженскій спросилъ:

— У васъ гости, Марья Ивановна?

— Никакихъ гостей.

— А я слышать звонкій голосокъ.

— Ахъ, вотъ что! Ишь, сейчасъ услыхалъ,—засмѣявшись, промолвила хозяйка. — Это Соня, моя племянница. Помните, я говорила? Она прѣѣхала погостить.

— Значить, мой ученикъ будетъ ей братъ? — спросилъ семинаристъ, учившій маленькаго племянника Пушкиныхъ.

— Да, только двоюродный. Коля отъ брата, а Соня отъ сестры.

Послѣ обѣда Крестовоздвиженскій отправился на хозяйскую половину, чтобы заниматься съ мальчикомъ. Въ этотъ разъ молодой человекъ старательно причесался, надѣлъ новую машинку, долго чистилъ сюртукъ и два раза перевязывалъ галстукъ.

Крестовоздвиженскій смѣло отворилъ дверь въ столовую, черезъ которую надо было проходить въ кабинетъ хозяина, но едва сдѣлалъ шага два, какъ почувствовалъ, что храбрость его оставляетъ.

Хозяева пили чай.

Съ «заревомъ на щечахъ», по выраженію Пушкиновой, семинаристъ подошелъ къ столу и, въ смущеніи, забывъ все правила приличія, прежде всего поклонился дѣвушкѣ, разливавшей чай. Сознаніе промаха окончательно лишило его самообладанія, и онъ, совѣмъ растерявшись, делового поздоровался съ хозяйками.

— Вотъ, Соня, нашъ плеецъ, Яковъ Аванасьевичъ Крестовоздвиженскій,—сказала Марья Ивановна.

— Краса богословскаго класса, — добавилъ Павелъ Ивановичъ. — Угости-ка его чайкомъ.

Дѣвушка приѣтливо поклонилась; ея щечки также слегка зарумянились.

— Вы какой любите чай... крѣпкій?—спросила она, обращаясь къ молодому человѣку, который сѣлъ невдалекѣ отъ нея.

— Не очень,—поспѣшно отвѣтить онъ.

— Въ накладку?

— Нѣтъ-съ, лучше такъ, въ прикуску.

Замѣнительство молодого человѣка не ускользнуло отъ вниманія дѣвушки, и она едва замѣтно улыбнулась.

Крестовоздвиженскій поймать улыбку Соии, и эта улыбка задѣла его самолюбіе. Желая поправиться и показать себя настоящимъ кавалеромъ, онъ рѣшился заговорить съ дѣвушкой.

Онъ пододвинулъ къ себѣ стаканъ и промолвилъ:

— А я пришелъ это изъ класса и слышу серебрястый голосокъ... Кто бы это?—задаю себѣ вопросъ... А вотъ кто...

Онъ сказалъ и сейчасъ же подумалъ: «и глупо же сказано!»

Цуикова съ удивленіемъ посмотрѣла на жальца. Ее удивила его храбрость.

— Это вотъ и есть моя племянница, о которой я вамъ говорила, помните?—произнесла Марья Ивановна.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Вся его смѣлость какъ бы исчезла. Ему хотѣлось еще что-нибудь сказать, но слова какъ-то не сходили съ языка. Допивъ стаканъ, онъ не рѣшился обратиться къ дѣвушкѣ съ просьбой палить еще, а Соия не замѣтила, что онъ уже выпилъ чай.

Крестовоздвиженскій не хотѣлъ уходить, да у него и не хватало отважности подняться. Онъ сидѣлъ и молчалъ.

— Не желаете ли еще чай?—предложила хозяйка.— Соия!—обратилась она къ племянницѣ:—что же ты не палешь Якову Аонасевичу?

— Простите, тетя, я и не замѣтила, что они откушали. Что же вы не сказали мнѣ?—прибавила она, взглядывая на молодого человѣка.

— Онъ у насъ такой конфузливый,—промолвила Пункова.

— Въ монахи собирается,—понутиль мужъ.

Крестовоздвиженскій всыхнулъ.

— Вотъ уже вовсе не правда!—воскликнуть онъ:— и не думаю собираться въ монахи. Откуда вы это взяли, Павель Ивановичъ?

— Позвольте вамъ стаканъ,—сказала дѣвунки, протягивая маленькую, нухлую ручку.

Крестовоздвиженскій привсталъ, подавая стаканъ.

— Опять безъ сахара?—спросила Соня.

— Безъ сахара-съ!

Крестовоздвиженскій уже давно разсматривалъ дѣвунку. Она была ягучая брюнетка, лѣтъ семнадцать, съ живыми, умными карими глазами. На дѣвункѣ было надѣто простенькое свѣтлое платье изъ легкой матеріи. Недурно сшитое, оно ловко обхватывало стройный станъ Сони. Она была очень изящна, ея движенія граціозны. Такой дѣвунки семинаристу еще не приходилось встрѣчать въ своемъ кругу. Когда она брала стаканъ, онъ замѣтилъ тонкіе длинные пальчики, словно выточенные изъ мрамора. Соня казалась олицетвореніемъ молодости, свѣжести и здоровья.

Молодого человѣка начала оныянять близость дѣвунки; онъ почувствовалъ, принимая отъ нея второй стаканъ, что кровь ударила ему въ голову и горячей волной прилила къ лицу. Ему захотѣлось сказать Сонѣ что-нибудь «очень хорошее, пріятное», но онъ не могъ никакъ придумать подходящаго комплимента. Все, что

приходило на умъ, ему казалось глухимъ и не отвѣчало его желаніямъ.

Онъ допилъ второй стаканъ и поблагодарилъ Союю.

— Вамъ еще?

— Пить-съ, довольно.

— Можетъ быть, я не умѣла налить вамъ чая? Вы не такой любите?

Въ словахъ дѣвушки слышалось кокетство.

— Помилуйте, чай прекрасный! Я еще...

— Что еще?—спросила дѣвушка, и улыбка задрожала на ея полныхъ пуцовыхъ губахъ.

Крестовоздвиженскій не рѣшился докончить фразу. Онъ сдѣлать видъ, что не слышалъ вопроса дѣвушки, и провизнесъ, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Гдѣ же Коля?

— Онъ ушелъ по моему порученію и сейчасъ вернется,—отвѣтила за мужа Марья Ивановна.

— Такъ... я пойду къ себѣ пока,—промолвила постоялецъ.

— Куда же вы?—остановила его хозяйка.—Посидите! Неужели опять за лекціи? Я думаю, что моя Соня гораздо интереснѣе лекціи.

— Миѣ было бы очень пріятно остаться, — сказать молодой человѣкъ,—но надо, право, надо.

Онъ всталъ, сдѣлать общій поклонъ и, словно спасаясь отъ кого-то, поспѣшно вышелъ изъ столовой. Ему очень хотѣлось остаться, никакого снѣннаго дѣла у него не было, и все-таки онъ ушелъ. Онъ самъ не понималъ, почему онъ сдѣлать такъ.

Вернувшись въ свою комнату, Крестовоздвиженскій досталъ изъ стола лекціи, но сейчасъ же оставилъ ихъ, и раскрылъ романъ, взятый въ библіотекѣ. Онъ пробѣ-

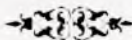
жалъ страницу, всталъ и началъ ходить по комнатѣ крупными шагами.

Передъ его глазами стояла Соня, стройная, изящная, съ лукавыми глазками, съ пухлыми бѣлыми ручками. Въ ушахъ молодого человѣка продолжать звучать голосокъ дѣвушки.

Крестовоздвиженскій былъ недоволенъ собою. «Этакимъ оболтусомъ держался я сегодня,—размышлялъ онъ, шагая по комнатѣ:—развѣ такъ надо было? Развѣ такъ держатся другіе?»

Онъ вспомнилъ прочитанные романы, ихъ героевъ...

«Да, надо будетъ иначе»,—проговорилъ онъ громко, съ сердечнымъ біеніемъ прислуниваясь къ серебристому голоску, который звенѣлъ за перегородкой.

IV.

Стояли чудные весенніе дни. Было еще только начало мая, а словно уже настало лѣто.

Крестовоздвиженскій сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна и перечитывалъ чуть ли не въ десятый разъ стихотвореніе Некрасова «Застѣчивость».

Ахъ, ты, страсть роковая, безплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмѣть пашь красавица модная,
Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
Что ни скажутъ — ихъ рѣчь хороша.
А вотъ я-то войду, какъ потерянный,
И ударится въ пятки душа.

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Какъ свинцомъ палита голова,
Страшно руки торчатъ бесполезныя,
На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь — нероворная, жесткая,
Не въ улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покрасѣю мучительно я.

Помѣнусь, молчаливо досадуя,
Въ дальшій уголь... уныло смотрю
И сижу неподвижень, какъ статуя,
И судьбу потихоньку корю:

„Для чего-де меня, горемычнаго,
Дуракомъ ты на свѣтъ создала?
Ни умника, ни вида приличнаго,
Ни довольства собой не дала?“

Ахъ! судьба-ль меня полно обидѣла?
Отчего жъ, какъ домой ворочусь
(Удивилась бы, если-бъ увидѣла),
И умень и пригожь становлюсь?

.....

«Какъ это вѣрно, какъ это вѣрно! — съ тоской и досадой повторялъ про себя молодой человекъ. — Именно такъ! Прекрасно сказано у Некрасова. Тамъ, съ ней, я совѣмъ не тотъ, что здѣсь у себя въ комнатѣ. Вѣдь не дуракъ же я? Сочиненія пишу такія, что профессора

хвалить, и вдругъ съ дѣвушкой, которая и гимназін, можетъ-быть, не кончила, я слова сказать не умѣю. И ни передъ кѣмъ такъ раньше не робѣлъ. Правъ Песифъ. Но развѣ я уже люблю Соно?»

Онъ не успѣлъ отвѣтить на свой мысленный вопросъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Псалмопѣвецъ.

— Здорово, будущій протопопъ!—громко промолвилъ онъ.—Что дѣлаешь? Зубришь?

Онъ подошелъ къ товарищу, пожалъ ему руку и взглянулъ въ раскрытую книгу.

— «Застѣчивость»!—прочелъ онъ вслухъ.—Что, братъ, провѣряешь свою психологію, что ли? Вѣрно изображено у поэта. И не только относительно тебя, а и всѣхъ насъ.

— Но не тебя,—замѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— А почему?—спросилъ Псалмопѣвецъ, опускаясь на стулъ и доставая изъ кармана напросы.

— Ты—бойкій.

— Съ кѣмъ? Съ нашими-то дѣвцами? Развѣ я былъ въ настоящемъ свѣтѣ? Съ тѣми барынями, около которыхъ львы увиваются? Тамъ и я навѣрно спасую. Видишь...

Псалмопѣвецъ взялъ книгу съ окна и прочелъ:

„Поступь гордая, голосъ увѣренный,
„Что ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша“..

— Вотъ, братъ,—произнесъ онъ, кладя книгу обратно на подоконникъ:—а мы что? Развязны, только и всего, какъ писаря. А на самомъ дѣлѣ—что мы?

— Вѣрно, вѣрно,—согласился Крестовоздвиженскій.

— Конечно, вѣрно,—подтвердилъ Псалмопѣвецъ, закуривая напроску.

— Да отчего же, Неофитъ? Не глупцы же мы всё?

— Отчего?—произнесъ гость, пуская струйку дыма:— всему виной семинарична. Образованія настоящаго нѣтъ... Это отцы наши воображаютъ только, что мы ученые, а мы просто дикари. На герминевтикѣ сидимъ, свѣта не видимъ. Обидно слышать, какъ говорятъ: «точно семинаристъ». А развѣ не правда? На всѣхъ насъ особый отпечатокъ.

— А вѣдь выходили же замѣчательные люди изъ семинаріи,—сказалъ Крестовоздвиженскій.

— Кто?

— Мало ли ихъ!

— Скажешь опять: Сперанскій?

— Не только онъ одинъ: десятки, сотни.

— Бери больше!—засмѣявшись, промолвилъ Неатмофѣвцевъ.—Эхъ, Яковъ Аонасьевичъ, хорошо ты считаешь, да плохо смекаешь! Во-первыхъ, на счетъ свѣтскости мы не знаемъ, какіе они были; можетъ статься, тоже походили на героев Некрасовскаго стихотворенія. А если относительно просвѣщенія, такъ развѣ семинаріи сдѣлала ихъ людьми? Университетъ, вотъ кто образовалъ ихъ. Тамъ свѣтъ и истинное знаніе; тамъ—лабораторія мысли... Хорошо сказано?

— Хорошо, а кто это сказалъ?

— Умный человекъ. Ты вотъ все стихи да романы читаешь, а книгъ настоящихъ не любишь. Бокля читать?

— Нѣтъ.

— Дарвина читать?

— Тоже нѣтъ.

— Да слыхать ли про нихъ?

— Ну, вотъ еще, конечно, знаю.

— Этого, братъ, мало, если хочешь въ университетъ.

Слушай, Яшка, поповская душа: вытряхай скорѣе всю схоластику и прочую срунду изъ головы и выходи на широкую дорогу. А то надѣнуть на тебя рясу, и ниши пропало.

Крестовоздвиженскій согланался въ душѣ съ пріятелемъ. Но онъ попробовать все-таки замѣтить:

— Ты ужъ очень сильно: ниши пропало!

— А развѣ пѣть?—воскликнуть Псалмопѣвецъ. — Хочешь защищать эту тухлятину?

— Не хочу, а все-таки какъ же! Ну, напримѣръ, витин знаменитые, замѣчательные церковные дѣятели, ты что про нихъ скажешь?

— То, братъ, изъ другой глины люди. И время другое, а главное духъ не тотъ. Ты еще, пожалуй, подойдешь, а я ужъ никоимъ образомъ. Пусть тамъ...

Псалмопѣвецъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь и воскликнулъ:

— Ба, ба, ба! Это что за фея такая? Скажи, пожалуйста!

— Гдѣ? — спросилъ Крестовоздвиженскій, и сердце его невольно забилось сильнѣе.

— Да вонъ тамъ, въ саду.

Псалмопѣвецъ указалъ рукою въ окно.

Въ саду гуляла Соня. Крестовоздвиженскій покраснѣлъ.

— Да чего ты пушцовѣешь, семинарскій Цицеронъ?— улыбаясь, проговорилъ Псалмопѣвецъ.—Дѣй, Яшенька, не оттого ли ты и за стихи принялся? Ай, да скромникъ! ай, да будущій протоиерей! Втюрился! Говори, кто?

— Племянница хозяйки.

— Что же раньше-то ся не было видно?

— Въ гости прѣехала.

— Откуда?

— Изъ Самары.

— Воиъ откуда! Кажется, недуренькая, кананика! Вѣрно говорю, Яковъ Аонасевичъ?

— Не знаю,—въ смущеніи отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Какъ не знаешь? Да гдѣ же у тебя глаза? Вѣдь встрѣчаесть?

— Да.

— Какъ же ты не разглядѣлъ? Такой влюбчивый, и не разглядѣлъ. Или, приближаясь къ посту великаго служенія въ санѣ іерея, проникся наставленіями отцовъ благочестивыхъ и рѣшилъ побѣдить свою грѣховную склонность?

Исалмоѣвцевъ пронизировать.

— Врете, ваше преподобіе,—продолжалъ онъ, какъ бы наслаждаясь смущеніемъ товарища:—не повѣрю я вашему смиренству. Проникаю въ тайники вашего сердца и читаю, какъ по-писемному. Яковъ!—вдругъ произнесъ Исалмоѣвцевъ, стараясь быть серьезнымъ:—вотъ тебѣ случай: сблизайся съ сей феей и учишь галантному обращенію. Практика важнѣе всего. Дѣвица, кажется, хорошенькая, ну, а львы-то около нея, вѣроятно, не возвращаются. Да и что тебѣ робѣтъ: рожа у тебя смазливая, барышнямъ нравится... Не будь такой трусъ, сколько бы побѣдъ ты одержалъ.

— Полно тебѣ,—остановилъ Крестовоздвиженскій пріятеля.

— Что полно! А зачѣмъ запрашиваешь?

— Не думаю. Въ чемъ мнѣ запараться?

— Ой, попове!

Исалмоѣвцевъ выглянулъ въ окно. Соны приближалась къ дому.

— Я запою сейчас,—иногда промолвить Псалмопѣвецъ и затянуть въ полголоса:

„Полюби меня, красавица-дѣвица!...“

— Ради Бога, перестань! — испуганно воскликнуть Крестовоздвиженскій и схватить пріятеля за руку.

Псалмопѣвецъ захохотать.

— Какъ перепугался-то! Шабанъ, вторился!

Крестовоздвиженскій быстро отошелъ отъ окна.

— Ну, вотъ, и дуракъ! — сказалъ пріятель. — Затѣмъ ушелъ? Я бы на твоёмъ мѣстѣ раскланялся и сейчасъ комплиментъ барыни. Экая семинарская неотесанность! Ну, чертъ съ тобою! Пойду къ себѣ. Какъ никакъ, а надо заняться. Начать писать сочиненіе?

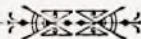
— Немножко написать.

— А я и не принимался. Тема здоровая: «Истина бытія Божія есть коренное условіе достовѣрности всѣхъ нашихъ познаній». Надо будетъ обмозговать. Потѣшу напостѣдяхъ преподобныхъ отцовъ. Такіе тексты подберу, что любо-дорого. Они вѣдь думаютъ, спасенныя души, что я тоже надѣну рясу... Мерси, благодаримъ! И удивлю я ихъ!

— Они не знаютъ, что ты пойдешь въ медики?

— Знаютъ, да не вѣрятъ, а я ихъ увѣрю. До свиданія, земляче!

Псалмопѣвецъ крѣпко пожалъ руку пріятелю и, наскитывая, вышелъ изъ комнаты.

V.

Соня произвела на молодого богослова сильное впечатлѣніе. Онъ чувствовать, что это не такое увлеченіе, какъ всё прежній. Красивыя дѣвушки нравились Крестовоздвиженскому, но онѣ не занимали собой всёхъ его мыслей, тогда какъ Соня всецѣло овладѣла его думами и наполнила собой весь его душевный міръ. Все тускло до передъ нею и отодвигалось на второй планъ. Душа была забыта. Для Крестовоздвиженскаго перестали существовать всё другія дѣвицы. Его не интересовали лекціи, книги. И дома, и въ семинаріи онъ только и думаетъ о Сонѣ. Онъ возвелъ Соню въ идеаль, награждать ее всевозможными нравственными и умственными совершенствами. Все, что бы она ни говорила, ему казалось умнымъ и прекраснымъ. Такое скорое и сильное очарованіе объяснялось не одною влюбчивостью Якова Аоанасевича. Оно было естественно. Соня для него явилась первой дѣвушкой, которая была такъ изящна и такъ свѣтски воспитана,—конечно, для него, видѣвшаго дѣвиць только извѣтнаго круга. И эта изящная, краевая дѣвушка встрѣчалась съ нимъ не изрѣдка, какъ другія, а ежедневно, иногда два-три раза въ день; происходило небольшое сближеніе въ такую пору жизни, когда достаточно одного взгляда, чтобы некру превратить въ пожаръ. Не удивительно, что частыя встрѣчи и разговоры, хотя и короткіе, малозначительные, пробудили въ сердцѣ семинариста то гѣжное чувство, которое и соловью диктуется страстныя гѣсени. Соня начала держаться съ Крестовоздвиженскимъ проще, и онъ сталъ гѣбеколько меньше стѣбняться ея. Весна расцвѣтала, согрѣвала сво-

лнмъ дыханіемъ воздухъ и способствовала расцвѣту любви въ сердцѣ молодого человѣка. Да, именно любви, потому что Крестовоздвиженскій горячо полюбилъ дѣвушку.

Ежедневно, около пяти часовъ, онъ давалъ уроки Колѣ. Уже задолго передъ тѣмъ, какъ надо было идти къ хозяйкамъ, семипариста охватывала нервная дрожь. Въ сильномъ волненіи онъ отворялъ дверь въ столовую, гдѣ въ это время хозяйка всегда пили чай. Крестовоздвиженскаго приглашали выпить стаканчикъ. Молодой человѣкъ не отказывался (онъ нарочно и шелъ, чтобы получить приглашеніе и побыть около Сони) и садился недалеко отъ дѣвушки, которая обыкновенно разливала чай. Илья Аонасьевичъ напрягалъ все усилія, чтобы скрыть свое душевное волненіе и казаться спокойнымъ. Это ему почти не удавалось. Онъ пытался острить, но веселость выходила натянутой, а шутки мало остроумными. Онъ внутренно удивлялся себѣ: почему такъ неестественна его веселость (онъ это невольно чувствовалъ), когда ему дѣйствительно весело съ Соней. Онъ не могъ понять, что въ глубинѣ его души гнѣздилась грусть, соединенная со страхомъ, и это-то было причиною неразгаданнаго имъ явленія. Каждая улыбка Сони смущала его. «Какъ она относится ко мнѣ?» Этотъ вопросъ не выходилъ изъ ума Крестовоздвиженскаго. Дѣвушка держалась просто, и въ ея отношеніяхъ проглядывала даже теплота. Но молодой человѣкъ боялся довѣриться всему этому, и жгучая боль перѣдко сжимала его сердце, бившееся любовью къ Сонѣ. Крестовоздвиженскому иногда казалось, что дѣвушка ему симпатизируетъ, и тогда его вдругъ охватывала безумная радость. Онъ смѣялся, шутилъ (и въ эти минуты шутилъ очень удачно), дѣлался развязнѣе. Но вотъ опять тяжелое сомнѣніе пускало свое жало въ его сердце, и

онъ дѣлался грустнымъ, робкимъ, терялся въ разговорахъ съ Соней и переживалъ тѣ минуты, въ которыя его любящее сердце готово было разорваться отъ муки. Онъ бранилъ себя, семинарское воспитаніе и завидовалъ тѣмъ, кого считалъ умнѣе и ловчѣе себя. Но стоило Сонѣ привѣтливо улыбнуться, сказать ласковое слово, и Крестовоздвиженскій оживалъ, въ его душѣ расцвѣтала весна, что сейчасъ же отражалось на его лицѣ, глазахъ и улыбкѣ... Хозяйка замѣчала все это и посмѣивалась про себя, глядя на постояльца. Она не придавала серьезнаго значенія его чувству и думала: «пусть увлекается, когда же и увлекаться, какъ не теперь! Особенно ему: будетъ попомъ, тогда ужъ не до увлеченій».

Марья Ивановна не догадывалась, что Крестовоздвиженскій обдумывалъ серьезный планъ жизни, что въ этомъ планѣ играла главную роль Соня, отъ которой если онъ и скрывалъ свои предположенія, то только потому, что не былъ увѣренъ въ отвѣтъ. Онъ боялся признаться въ чувствѣ двушникъ, но ему хотѣлось какъ-нибудь намекнуть ей о томъ, что она ему очень нравится.

Случай помогъ робкому и церѣшительному семинаристу.

Былъ уже конецъ мая. Стояло утро. Солнце, поднявшись довольно высоко, пріятно грѣло, но не пекло. На ясномъ небѣ не видѣлось ни одного облачка. Золотые кресты Сонскихъ церквей горѣли яркими звѣздочками. Воздухъ былъ напоенъ тонкимъ ароматомъ. Расцвѣтшія черемухи и яблони бѣлѣли, словно осыпанные снѣгомъ. Палетавиній изрѣдка вѣтерокъ слегка покачивалъ ихъ вѣтки; качаясь, онѣ бросали на траву и дорожки прихотливыя свѣтловыя свѣтки. Веселое щебетаніе птичекъ, крикъ ибтуховъ, карканье воронъ и отдаленный гулъ проснувшейся городской жизни—все эти разнородныя

звук производил какую-то странную, но въ высшей степени своеобразную музыку, волнованную дуню.

Въ комнатѣ было душно. Крестовоздвиженскій вышелъ въ садъ, захвативъ съ собою лекціи. По ему совсѣмъ не читалось. Свернувъ тетрадку, онъ ходилъ по саду, мечтая. Совершенно машинально, онъ подошелъ къ бесѣдкѣ, скрывавшейся въ зелени старыхъ развѣсистыхъ березъ, опустился на скамейку и прилонился къ тонкой стѣнѣ бесѣдки. Козырекъ съѣхавшей фуражки почти совсѣмъ закрывалъ ему глаза. Легкій казюкетовый сюртукъ былъ разстегнутъ. Крестовоздвиженскій слышалъ, какъ птичка чирикала, сидя на крышѣ бесѣдки. Онъ забылся, унесся на крыльяхъ сладкой мечты, и не слышать, какъ подошла Соня. Она не знала, что въ бесѣдкѣ сидѣлъ жилецъ. Уже войдя въ бесѣдку, она замѣтила Крестовоздвиженскаго. Зардѣвшись, она воскликнула: «ахъ, вы здѣсь!» и, словно испугавшись, отступила назадъ.

Крестовоздвиженскій пришелъ въ себя. Онъ быстро вскочилъ, поправилъ фуражку и застегнулъ сюртукъ.

— Извините, я помѣшала вамъ,—сказала Соня.

— Нѣтъ, нѣтъ, Софья Львовна! Что вы! Входите, я уйду сейчасъ!—промолвилъ семинаристъ.

— Зачѣмъ же?—сказала она съ улыбкой.—Сидите, мечтайте! О чемъ вы это мечтали?

— Я... хотѣлъ читать лекціи...—смущенно проговорилъ молодой человѣкъ.—А вы гуляете?

— Да, передъ завтракомъ.

Съ этими словами Соня вышла изъ бесѣдки. Крестовоздвиженскій послѣдовалъ за дѣвушкой.

Она была въ ситцевомъ розовомъ платьѣ съ воротникомъ, немного открытымъ. На шеѣ молочной бѣлизны

едва замѣтной полоской чернѣль ишурокъ отъ креста. Прюпелесые банмаки кокетливо обрисовывали маленькія позмки. Густыя пряди волосъ едва держались въ сѣткѣ. Эта небрежность костюма дѣлала дѣвушку еще болѣе привлекательной.

Крестовоздвиженскій шелъ рядомъ съ Соней, и сладкая истома наполняла его сердце. Мысли и желанія смѣнялись съ быстротою молніи. «А вотъ взять и поцѣловать ее!—подумалъ Крестовоздвиженскій, весь трепеща.—Поцѣловать и сказать: я люблю тебя, Соня, милая Сонечка!»

Онъ чуть не произнесъ вслухъ послѣднихъ словъ и невольно покраснѣлъ при этомъ.

— Какое чудное утро!—промолвила дѣвушка.

— Прелестное!—подхватывала семинаристъ.—Все цвѣтеть! Въ саду—восхищеніе!..

— Да,—согласился Соня.—Весна—пора мечтаній.

— А вотъ вы еще удивились, Софья Львовна,—сказалъ Крестовоздвиженскій.—Теперь нельзя не мечтать.

— О чемъ же вы мечтали? Вы такъ мигъ и не отвѣтили.

Она взглянула на него.

— О многомъ, Софья Львовна.

— О чемъ же?

— Это...

— Это долго разсказывать... да?

Она улыбнулась и добавила:

— А мигъ пора и домой!

— Пройдемтесь еще разъ, Софья Львовна,—просительно промолвила молодой человекъ.

— Мигъ пора.

— Одинъ разокъ!

— Какой вы, право! Ну, хорошо.

Крестовоздвиженскій чувствовать, какъ сердце ускоренно билось въ его груди, и все трепетало внутри него. Какимъ-то туманомъ окутывалось сознание, что-то росло въ душѣ молодого человѣка и придавало ему смѣлость.

— Слышите, Софья Львовна, какъ заливаются птички?

— Вы поэтъ, Яковъ Леонасьевичъ. Можеть быть, вы пишете стихи?

— Нѣтъ, не пишу. Но я люблю все прекрасное!

Она ничего не сказала на это.

— А знаете что... Софья Львовна...

У Крестовоздвиженскаго захватило дыханіе. Онъ чувствовалъ, что словно падаетъ съ высоты въ какую-то пропасть.

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на спутника.

— Видите этотъ цвѣтокъ, Софья Львовна?—спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Вижу.

— Не правда ли, очень миленькій, прелестный цвѣтокъ?

— Это... да...

Дѣвушка вдругъ засмѣялась.

— Вы походите на него,—произнесъ Крестовоздвиженскій задышающимъ голосомъ.

Соня всыхнула, опустила низко голову, и быстро пошла впередъ.

Семинаристъ догналъ ее.

— Вы обидѣлись, Софья Львовна? Вы обидѣлись?—повторялъ онъ, не дожидаясь отвѣта, и въ голосѣ его звучалъ испугъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила тихо Соня.—Но что вы говорите!

— Развѣ это неправда? Вы такой же цвѣтокъ!

— Перестаньте, Яковъ Леонасьевичъ!

Въ этотъ мигъ слышался голосъ:

— Соня, гдѣ же ты? Иди завтракать!

— Вотъ видите, тети зоветь. Я говорила вамъ, что пора,—шепотомъ произнесла дѣвушка и сейчасъ же отозвалась своимъ звонкимъ голоскомъ:

— Иду, тети, иду!

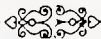
Она почти бѣгомъ пустилась изъ сада.

— До свиданія, Софья Львовна!—крикнуть ей вслѣдъ молодой человѣкъ.

Дѣвушка обернулась, кивнула головкой и скрылась за калиткой.

Крестовоздвиженскій долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, переживая сладкое, еще невѣдомое ему до сихъ поръ чувство.

Онъ развернулъ тетрадку, но сейчасъ же опять свернулъ ее и, снявъ фуражку, пошелъ по аллеѣ, въ глубь сада.

VI.

Чувство Крестовоздвиженскаго росло. Послѣ бесѣды въ саду у молодого человѣка вѣра въ отвѣтную любовь Сони начала крушиться. «Конечно, этой любви у нея теперь еще нѣтъ...—думать онъ,—но ясно, что я ей непротивенъ, что она не отвергаетъ моего чувства». (Онъ былъ убѣжденъ, что дѣвушка догадалась объ этомъ чувствѣ). Новыя короткія встрѣчи съ Соней у Цуниковыхъ подтверждали предположеніе Якова Афанасьевича. Дѣвуш-

ка продолжала держаться привѣтливо, и въ этой привѣтливости проскальзывала теплота и какъ бы шное, болѣе горячее чувство. Только проскальзывало, — «но развѣ можетъ быть иначе, пока не произошло настоящаго объясненія?» — размышлялъ Крестовоздвиженскій. У него точно выросли крылья и онъ оцѣнцалъ приливъ бодрости, силы для борьбы. А борьба предстояла нелегкая, это онъ понималъ и, несмотря на готовность къ борьбѣ, неловко боялся ея. Боялся, но рѣшился не отступать, если только Соня дастъ положительный отвѣтъ.

Марья Ивановна, давно догадавшаяся объ увлеченіи жильца, продолжала не придавать серьезнаго значенія этому увлеченію. «Пусть возьмутъ свое съ молодости, — разсуждала она сама съ собою: — опасности никакой нѣтъ. Соня двунка выдержанная, благоразумная, онъ человѣкъ прекрасный, честный. Да и Соня съ роу уѣдетъ къ себѣ, а онъ на родину». Марья Ивановнѣ было просто жаль лишать жильца тѣхъ поэтическихъ дней, которыхъ у него, можетъ-быть, впоследствіи и не будетъ. Все-таки какъ-то, сидя съ мужемъ наединѣ, она сказала ему:

— А ты ничего не замѣчаешь, Павелъ?

— Ты про что это?

— И про нашу молодежь.

— Ахъ, это ты про то, что Яковъ Афанасьевичъ увлечается Соней? Я давно замѣтилъ. Только что же: онъ вѣдь влюбчивый. Въ пошы готовится, а влюбчивъ, словно прапорщикъ, какъ говоритъ наша секретарь. Я хотѣлъ было надъ нимъ пошутить, да жаль мнѣ стало и Сони и его. Зачѣмъ конфузить?

— Ты не думаешь, что они серьезно полюбятъ другъ друга?

— Ну, вотъ! — проговорилъ Пушкивъ: — какая тутъ

серьезная любовь, просто дѣти развлекаются. Соня вѣдь ни за что не согласится стать попадѣей. Она мнѣ какъ-то прямо сказала: «поишь, говоритъ, и не мужчина. Ни за что не пойду за пона». А Якова Аонасьевича родители не пустятъ въ свѣтскую службу. Да онъ и самъ не пойдетъ, настолько онъ благоразуменъ. А что увлекается такъ, вѣдь, въ его годы это естественно.

— Помнишь, онъ какъ-то говорилъ объ университетѣ?—замѣтила Марья Ивановна.

— Такъ болтать, какой ему университетъ!

— А если все-таки Соня полюбитъ серьезно, что тогда? Родители ему не позволятъ жениться.

— Полно тебѣ. Никакой серьезной любви не можетъ быть. Ты придаешь значеніе пустякамъ. Тутъ ничего нѣтъ.

Марья Ивановна поддалась доводамъ мужа, которые совпадали съ ея мнѣніемъ, и рѣшила «не мѣшать поэтическому роману молодыхъ людей». Но она все-таки стала слѣдить за ними.

Прошло около недѣли.

Однажды, вечеромъ, въ обычное время, Кресто-воздвиженскій отправился къ хозяевамъ.

Войдя въ столовую, онъ чуть не столкнулся съ Соной, которая бѣжала по комнатѣ и ловила Колю.

— Здравствуйте, Софья Львовна, — сказалъ молодой человѣкъ.

Соня со смѣхомъ протянула ему руку. Онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вотъ какая вы, — произнесъ онъ, любуясь прекраснѣвшимся личикомъ дѣвушки.

— Она вѣдь большая малуныя, — замѣтила тетка. — Васъ только стѣсняется немного, а то такая стрекоза, что поискать надо другую.

— Тетя, вы меня конфузите,—сказала Соня.

— Что же въ этомъ дурного?—заступаясь и какъ бы оправдывая дѣвушку, проговорилъ Крестовоздвиженскій.— Въ годы Софьи Львовны это простительно... Даже очень идетъ...

Онъ посмотрѣлъ на Сою. Ихъ взгляды встрѣтились. Соня потупилась.

— Конечно, такъ,—согласилась Пункова.— А вы хорошиі адвокатъ, Яковъ Аонасьевичъ. Я и не знала за вами такой способности.

Марья Ивановна засмѣялась. Крестовоздвиженскій не смутился на этотъ разъ словами хозяйки и также засмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— А вамъ не налить ли чай?—предложила Соня.

— Что же это я буду пить одинъ?—сказала семинаристъ.

— Мы сейчасъ тоже станемъ,—проговорила Пункова.—Мы поджидали Павла Ивановича, да онъ, вѣрно, не скоро придетъ.

— Если такъ, то пожалуй,—согласился молодой человѣкъ.

Яковъ Аонасьевичъ и Соня были сегодня очень оживлены.

Послѣ чая молодой человѣкъ отправился съ Колей въ кабинетъ хозяина, гдѣ обыкновенно давать урокъ мальчику. Марья Ивановна пошла за чѣмъ-то къ сосѣдѣ; Соня осталась въ столовой и сѣла за работу.

Крестовоздвиженскій занимался съ Колей грамматикой, но мысли его были заняты Соней. Онъ чутко прислушивался къ тому, что дѣлалось въ столовой. Послышались легкіе шаги, и въ кабинетъ вошла Соня.

— Простите, что я помѣшаю вамъ,—сказала она.— Я, кажется, здѣсь оставила пошницы.

Она стала ихъ некать на письменномъ столѣ дяди. Крестовоздвиженскій прервалъ объясненіе, которое дѣлать ученику.

— Вы продолжайте, продолжайте, Яковъ Анастасьевичъ! Я сейчасъ,—сказала Сося.

Она все еще не могла найти пошницъ.

— Какъ онъ учится?—спросила она, перебирая бумаги.

— Ничего, онъ мальчикъ хорошій.

— Не лѣнитесь?

— Темножко бываетъ, но это рѣдко.

— А вы съ нимъ поостроже, вы очень добры.

Сося съ улыбкой посмотрѣла на мальчика. Тотъ сдѣлать смѣшную гримасу.

— Вы находите, что я очень добръ?—промолвить молодой человѣкъ.

— Да. Вотъ вы и за меня недавно заступились.

— Я всегда за васъ.

— А если я неправа?

— Вы не можете быть неправы.

— Какъ? Почему?—съ удивленіемъ спросила дѣвушка.—Развѣ я не могу ошибаться?

— Не можете.

Вернулась Марья Ивановна, и ея голосъ послышался въ передней.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Сося:—вотъ безпаятная!.. Ницу пошницъ здѣсь, а вѣдь я ихъ оставила въ комнатѣ тети!

Она засмѣялась и быстро вышла изъ кабинета.

Возвращаясь послѣ урока къ себѣ, Крестовоздвиженскій снова засталъ Сосю въ столовой. Она была одна.

— А гдѣ же Марья Ивановна?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Ушла опять къ собесѣдѣ. Какіе-то образчики понесла.

— А что вы шьете?

Она подошла къ дѣвучкѣ.

— Не скажу,—отвѣтила она.

— Отчего?

— Потому что вы очень любопытны.

— Развѣ тайна?

— Нѣтъ... Да вѣдь вы все равно не поймете.

Соня вѣла нитку въ иголку и, замѣтивъ въ рукахъ Крестовоздвиженскаго книгу, добавила:

— Что это у васъ за книга?

— Грамматика.

Она помолчала и промолвила:

— Какой чудный русскій языкъ, Софья Львовна!

— Чѣмъ же? Все говорятъ, что онъ очень трудный, немногимъ легче китайскаго. Я знала одного француза, такъ онъ прямо говорилъ: «вашъ языкъ ужасный! Сколько дѣтъ живу и не могу научиться правильно говорить». Смѣшной такой онъ. Я ему говорю: «ици», а онъ «тиш». Я всегда хохотала.

— Да, русскій языкъ трудный.

— А вы говорите—чудный.

— И все-таки чудный! На какомъ другомъ языкѣ можно такъ измѣнять слова?

— Какія слова?

Соня подняла на собесѣдника лучистые каріе глаза, взгляда которыхъ она не могла выносить безъ трепета.

— Да вотъ какія,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, волнуясь:—возьмемъ, напримѣръ, ваше имя.

— Ну, Софья,—сказала дѣвучка.

— Софья,—повторилъ семинаристъ,—а дальше: Соня, Сонечка, Соноша...

Онъ сказать, удивляясь своей храбрости, и остановился, какъ бы испугавшись. «Что если обидѣлась?» пронеслось у него въ умѣ.

София не обидѣлась, а только замѣтила:

— Какой вы странный, Яковъ Аонасьевичъ!

— Чѣмъ же? Развѣ не вѣрно?

— Вѣрно. Но вѣдь и ваше имя можно такъ же измѣнять.

— А ну-ка попробуйте,—сказала она.

Дѣвушка засмѣялась.

Въ эту минуту въ столовую вошла Пушкова.

— Чему ты такъ смѣешься?—спросила она племянницу.

— Яковъ Аонасьевичъ смѣшнѣе.

— Ну? Яковъ Аонасьевичъ,—проговорила Марья Ивановна:—вы совсѣмъ измѣнились за послѣднее время.

— Я?

Крестовоздвиженскій не могъ не покраснѣть при этомъ замѣчаніи хозяйки.

— Да, вы. Храбрый такой сдѣлался, разговорчивый. А сегодня особенно какъ-то веселы. Не получили ли вы какого нибудь пріятнаго извѣстія?

Марья Ивановна пытливо посмотрѣла на племянницу.

Та низко склонилась надъ нитъемъ.

— Нѣтъ, не получила,—отвѣтила Крестовоздвиженскій,—но жду и... надѣюсь получить,—докончила она, взглядывая на Софию.

Онъ самъ не узнавалъ себя. Онъ ни за что бы не могъ такъ отвѣтить раньше.

Онъ еще болѣе получаса оставался въ столовой. Веселое настроеніе не покидало его. Ему хотѣлось болтать,

смѣяться, говорить всёмъ пріятное. Онъ вдругъ къ чему-то похвалить умѣнье Пушкиновой печь булки.

— Вы вообще прекрасная хозяйка, Марья Ивановна,—сказала онъ.

— Положительно, не узнаю васъ,—сказала она, польщенная словами жильца.—Вы въ первый разъ говорите мнѣ комплиментъ.

— Это не комплиментъ, Марья Ивановна, это то, что я давно думаю.

Пушкова всплеснула руками.

— Яковъ Доанасеевичъ, это не вы! Васъ подмѣнили!

Она засмѣялась. Засмѣялась и Соня. Молодой человекъ не смутился. Его охватила какая-то безумная радость.

— Вы что-то очень веселы,—сказала Марья Ивановна.—Это хорошо, но, знаете, есть примѣта: иногда очень много смѣются передъ слезами.

Крестовоздвиженскій измѣнился въ лицѣ.

— Затѣмъ вы это говорите, тетя!—не удержавшись произнесла Соня, замѣтлившая дѣйствіе словъ Марьи Ивановны на молодого человека.—Яковъ Доанасеевичъ рѣдко бываетъ такъ веселъ, а вы пугаете.

— Ну, вѣдь, я шучу. У меня не злой языкъ... Яковъ Доанасеевичъ, не придавайте значенія моимъ словамъ.

Но замѣчаніе хозяйки уже спугнуло веселость Крестовоздвиженскаго.

Онъ вѣтаетъ, простился и сейчасъ же ушелъ.

— Папрасно я пошутила,—сказала Пушкинова по уходѣ его.

— Да, тетя, вы его разстроили,—сказала Соня.

Марья Ивановна въ словахъ племянницы послышалась упрекъ.

— А тебѣ его жалко стало? — сказала Пушкова не безъ пронія.

— Жалко, — искренно отвѣтила дѣвушка. — Онъ такой хорошій.

— Ужъ не влюбилась ли ты въ него? — спросила Пушкова.

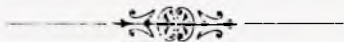
Она приницирившись посмотрѣла на племянницу.

Соня ничего не отвѣтила, только щечки ея ярко зардѣлись.

Марья Ивановна помолчала и промолвила:

— Онъ прекрасный человѣкъ, это правда, только, вѣдь, онъ будетъ попомъ, и ему не придется выбирать невѣсту по своему вкусу. У нихъ, вѣдь, онѣ готовыя.

Соня низко наклонилась надъ шитьемъ. Пушковой показалось, что при послѣднихъ словахъ легкое облачко затуманило лицо дѣвушки.

VII.

Крестовоздвиженскій не могъ оставаться въ комнатѣ. Несмотря на то, что нужно было готовиться къ экзамену, онъ отправился гулять. Его что-то дунило. Недавняя веселость смѣнилась щемящею тоскою, предчувствіемъ чего-то недобраго. Слова, сказанныя Пушковой въ шутку, сильно подѣйствовали на молодого человѣка. Онъ, вообще былъ не чуждъ нѣкоторой суевѣрности, а теперь, когда тревога постоянно не оставляла его, эта склонность,

сохранявшаяся отъ дѣтскихъ лѣтъ, сказала се сильнѣе. Несмотря на оживленность, которую Пункова справедливо подмѣтила въ жильцѣ, онъ за послѣднее время тревожился чаще и болѣе, чѣмъ раньше. Веселость при Сонѣ являлась какъ бы реакціей тоскливой тревоги, какую онъ переживалъ наединѣ въ отсутствіи дѣвушки. Чувство его крѣпло, Соня становилась ему съ каждымъ днемъ дороже, ближе; онъ серьезно полюбилъ ее. Развязка была недалеко. Крестовоздвиженскій ждалъ ее, какъ запахъ битвы, волнуемый неизвѣстностью, но съ надеждой на то, что онъ избежитъ гибели. И вдругъ напоминаніе Пунковой! Оно спугнуло радость въ душѣ молодого чело-вѣка и лишило его надежды, становившейся уже вѣрою, хотя и колеблющейся, но все же вѣрою. Оно лишило его и той бодрости, съ какою онъ намѣревался броситься въ борьбу, когда понадобится.

Взволнованный, разстроенный, отираившись Крестовоздвиженскій на бульваръ, а оттуда на Соборную гору, съ которой открывался чудный видъ на рѣку и на всю зарѣчную сторону города.

Онъ здѣсь опустился на скамью между двумя старыми березами. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на гладкое, какъ зеркало, дно рѣки, и мысли вихремъ проносились въ мозгу. Но одна мысль, какъ гвоздь, пронзала до боли мозгъ и съ такой же ягучей болью отзывалась въ сердцѣ. «Неужели все рухнетъ? Если она любитъ меня, все будетъ зависѣть отъ воли родителей. Не написать ли имъ?» Ему показалось это невозможнымъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что какъ-то на-дняхъ Пункова сказала: «а Соня скоро увидеть». У него, какъ и тогда, теперь опять болѣзненно скалось сердце. Онъ не можетъ безъ нея жить. «А если родители не позволятъ?»—словно кто-то

шепнуть ему: «Что тогда? О, я не перенесу этого», — чуть не вслух произнесъ онъ. — «Безъ нея жизнь хуже смерти. Нѣтъ!» — вдругъ рѣшилъ онъ: — «я все разкажу родителямъ. Станетъ же имъ жалко меня. Развѣ не равно, гдѣ служить? Я все равно не могу быть пономъ. Если бы и не полюбилъ Соши, — я не пошелъ бы въ поны. У меня нѣтъ призванія, а быть худымъ пономъ, какъ, напримѣръ, Палтусовъ, вѣдь это же грѣхъ, этого не долженъ желать мой отецъ. А владыка? Какъ онъ можетъ посвятить въ священники такого человѣка, который не чувствуетъ никакого призванія?» — Мысли его вдругъ приняли новое направленіе: «Отчего все это произошло? Вѣдь прежде же онъ не думалъ такъ? Отчего теперь? Это все Псалмопѣвецъ». И ему вспомнились бесѣды съ пріятелемъ и другими товарищами. «Счастливые, — подумалъ Яковъ Аоанасьевичъ. — Вотъ хотя бы этотъ Неофитъ: отца нѣтъ, мать согласна на все. А Пискаревъ? Отецъ протопопъ, членъ консисторіи, а какъ разсуждаетъ: «миѣ, говорить, все равно, куда пойдетъ мой сынъ, по духовной, или свѣтской дорогѣ; пусть только служитъ честно, и будетъ счастливъ». «Господи! — воскликнулъ молодой человѣкъ: — отчего мой отецъ не такъ разсуждаетъ? А что если я сумѣю убѣдить, тронуть?»

И вдругъ опять надежда проникла въ огорченное сердце семинариста. Словно тяжелый грузъ спалъ съ души. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь отецъ его любитъ, о матерн нечего и говорить. Они поймутъ, тронутся его горемъ.

Крестовоздвиженскій облегченно вздохнулъ.

Невдалекѣ слышались голоса нѣсколькихъ людей. Толпа семинаристовъ и дѣвицъ шла по аллеѣ. Крестовоздвиженскій поднялся стремительно и быстро направился къ выходу.

Было время, которое трудно опредѣлить: поздній ли это вечеръ, или уже ночь. Для однихъ это только конецъ вечера, а для другихъ—ночь. Но въ городѣ уже наступила глубокая тишина. Теплый воздухъ, напоенный ароматомъ, словно застылъ въ дремотѣ. Было свѣтло, какъ днемъ: стояли тѣ чудныя бѣлыя сѣверныя ночи, которыя пробуждаютъ въ душѣ сладкую грусть и невольную жажду любви.

Подойдя къ дому, Крестовоздвиженскій замѣтилъ, что одно изъ оконъ хозяйской квартиры растворено.

«Не сидитъ ли Соня?» — подумалъ семинаристъ.

Онъ не ошибся. Соня сидѣла у окна, подперши голову рукой и устремивъ задумчивый взоръ на бѣлосоватое небо.

— Мечтаете, Софья Львовна? — тихонько окликнулъ Крестовоздвиженскій дѣвушку.

— Ахъ! — воскликнула она и добавила, узнавъ молодого человѣка: — какъ вы меня не узнали, Яковъ Леонасьевичъ!

— Мечтаете? — оный спросилъ онъ.

— Гдѣ вы были? — вмѣсто отвѣта произнесла Соня.

— Гулялъ.

— Гдѣ?

— На бульварѣ, на Соборной горѣ... Что за ночь, Софья Львовна!

— Да.

Она тихо вздохнула.

— А экзамены? — спросила она участливо.

— Не до нихъ!

Эти слова, какъ бы стономъ, вырвались изъ груди молодого человѣка.

Соня пристально посмотрѣла на него.

— Что съ вами?

Въ ея голосѣ зазвучали участіе и тревога. Въ эту минуту Соня услышала шорохъ въ комнатѣ тетки. Дѣвушка быстро поднялась со стула.

— Куда же вы?— сказала Крестовоздвиженскій такимъ тономъ, словно онъ въ эту минуту лишился счастья на всю жизнь.

— Спать надо.

— Софья Львовна, я хочу вамъ...

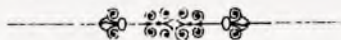
— Потомъ... завтра... — уже шепотомъ проговорила дѣвушка и закрыла окно.

Крестовоздвиженскій не хотѣлъ и не могъ спать. Онъ вернулся въ свою комнату, гдѣ окно оставалось открытымъ, сѣлъ у окна и сталъ глядѣть безцѣльно въ садъ, топявшій въ подумракѣ.

«Надо скорѣе объясниться съ Соней!» — рѣшилъ молодой человѣкъ.

Чудная сѣверная ночь какъ бы вызвала его на это объясненіе, задѣвая всѣ струны любящаго сердца. Въ саду безъ усталости целкала соловей, и его страстная пѣсня, какъ музыка любви, отзывалась въ дунѣ семинариста.

Поздно легъ Крестовоздвиженскій и видѣлъ странный сонъ. Ему снилось, что Соня сидитъ у него на колыняхъ и перебираетъ руками его волосы, а онъ цѣлуетъ ее. И вдругъ является о. Анасій въ черной рясѣ и въ камлавкѣ. Онъ подходитъ къ сыну, беретъ его за руку, съ силой бросаетъ на полъ и начинаетъ сѣчь. Крестовоздвиженскій зарыдалъ отъ стыда и проснулся.

VIII.

На другой день Яковъ Аонасьевичъ сдать экзамень блистательно, хотя совѣмъ не готовился къ нему. Возвращаясь домой изъ семинаріи, Крестовоздвиженскій зашелъ въ городской садъ. Онъ утомился въ классѣ, гдѣ было жарко и душно. Онъ сѣлъ на диванчикъ, вблизи качели, снявъ фуражку и съ жадностью вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ. Здѣсь нашелъ пріятеля Псалмопѣвцевъ, также возвращавшійся съ экзамена.

— Вотъ ты гдѣ,—сказалъ онъ, подходи къ дивану.— Ну, братъ, поздравляю: такъ отвѣчалъ, что меня удивленіе взяло. Говорилъ, не готовился. Вотъ тебѣ и не готовился! Или ужъ раньше такъ хорошо выучилъ?

Псалмопѣвцевъ оустился рядомъ съ товарищемъ и тоже снялъ фуражку.

— Экая жара!

Онъ посмотрѣлъ на земляка, сидѣвшаго съ опущенной головой, и промолвилъ:

— Яковъ, что съ тобою?

Крестовоздвиженскій молчалъ. Псалмопѣвцевъ обвелъ его долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Слушай, Яковъ, шутки-шутками, а я говорю серьезно: зачѣмъ ты скрываешься отъ меня? Вѣдь, мы же пріятели?

— Что такое?—пророкилъ Крестовоздвиженскій.

— Ты любишь ее, это ясно.

— Кого?—глухо произнесъ Яковъ Аонасьевичъ.

— Кого! Ну, конечно, не пушковскую кухарку,—съ досадою промолвилъ Псалмопѣвцевъ: — понятиге дѣло, эту самарскую красавицу! Чего ты вирятки играешь со мной, влюбленный рыцарь?

— Какъ ты говоришь... А еще...

— Не обижайся, Яковъ! Ты очень чувствителенъ, а я изъ другой глины, но все-таки серьезную любовь цѣню высоко. Я тебя одобряю...

— Ты?

Крестовоздвиженскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на земляка.

— Да, я! Что же тутъ невѣроятнаго? Одобряю, потому что эта барышня... какъ ее? Соня, что ли?

— Софья Львовна,—подчеркивая, поправилъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, Софья Львовна, если хочешь! Я забылъ ее величаніе. Ну, такъ вотъ я радъ, что Софья Львовна расшевелила тебя, человека въ тебѣ пробудила, а то что: пошь да и только. А тутъ, инъ, какъ заговорило сердце! Вѣдь, правда, Яковъ: влюбленъ?

Крестовоздвиженскому не хотѣлось признаваться, открывать тайну сердца, и въ то же время его тянуло съ кѣмъ-нибудь подѣлиться думами. Въ словахъ пріятели онъ чувствовалъ искренность, онъ любилъ Псалмопѣвцева и вѣрилъ его дружбѣ.

— Какъ тебѣ сказать, Неофитъ, — началъ Крестовоздвиженскій, какъ бы неохотно, скрывая еще настоящую тайну:—какъ бы тебѣ сказать... да, ты правъ, это чудная дѣвушка!

Но вдругъ его охватилъ приливъ откровенности, онъ уже не могъ сдерживаться болѣе и воскликнулъ, не владея собой:

— Охъ, другъ, что скрывается! Да, я люблю ее!

— Ну, вотъ, давно бы такъ,—произнесъ Псалмопѣвцевъ:—точно я не вижу.

— Да, я люблю!—повторилъ восторженно Яковъ Ава-

нашевичъ. — Больше жизни люблю... Самъ не знаю, какъ это такъ скоро случилось...

— Да какъ у васъ... что теперь все-таки? — полюбопытствовалъ пріятель.

— Ты про что?—не понявъ его вопроса, проговорилъ Крестовоздвиженскій.

— Она-то знаетъ? Сказалъ ты ей?

— Нѣтъ еще. Давно хочется всю душу ей излить, и не могу. Да и гдѣ же? Наединѣ почти не приходится и быть... И трудно въ лицо. На сердцѣ много, а говорить... какъ-то и не говорится... Знаешь, Неофитъ: я ей хочу на письмѣ все изложить. Лучше такъ.

— Ишь, привычка писать сочиненія,—замѣтилъ Псалмопѣвецъ.

— Не то, а знаешь, не такъ стѣснительно...

— Ну, что же, излагай, и тексты подбери.

Несмотря на то, что Псалмопѣвецъ любилъ товарища и серьезно отнесся къ его горю, онъ остался вѣренъ себѣ и не удержался отъ прощія.

— Неофитъ!

Сильная обида прозвучала въ голосѣ Крестовоздвиженскаго.

— Не сердись, Яша! Прости!—искренно воскликнулъ Псалмопѣвецъ и взялъ пріятеля за руку:—ей-Богу, не хотѣлъ обидѣть. Такая ужъ привычка скверная! Ну, будемъ серьезно... Скажи мнѣ: что же ты думаешь сдѣлать? Жениться намѣренъ на ней, если она согласится?

— Конечно,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій:—а ты думаешь какъ же?

— Да ничего я не думаю,—отвѣтилъ Псалмопѣвецъ.

Онъ взглянулъ мелькомъ на земляка и провизнесъ:

— Ну, какъ хочешь: сердись, не сердись, Яша, а

гляжу на тебя и удивляюсь. Ну, можно ли было думать, что ты такъ заговоришь? Вотъ тебѣ и протопопъ! Да, съ тобой произошла «реформа», какъ выражается отецъ ректоръ. И слава Богу! Такъ ты хочешь жениться, и не шутишь?

— Развѣ этимъ можно шутить?

— Ну, ладно, — произнесъ Псалмонѣвцевъ. — Допустимъ, что она отвѣчаетъ тебѣ: я, молъ, Яковъ Ловашевичъ, васъ также люблю пылко и на вѣки ваша. А ее родители?

— У нея' только мать.

— Кто она?

— Начальница какого-то приюта.

— Такъ. Ну, и это ладно. Пусть и мамана согласна. А захочетъ ли Софья Львовна быть понадѣей? Ты ее спрашивать?

— И не пойду въ поны, — рѣшительно произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Не пойдешь? — переспросилъ Псалмонѣвцевъ, какъ бы желая удостовѣриться, не ослышался ли онъ.

— Не пойду.

— И ты это рѣшилъ окончательно?

— Безповоротно.

— А въ академію?

— И въ академію не пойду, а въ университетъ.

— Погоди! А жить чѣмъ? Гдѣ «средствія»?

— Найду, буду работать... Пока она можетъ пожить у матери, у тетки... да вѣдь можно только обручиться. И, Неофитъ, пойду съ тобой въ медицинскую академію.

— Ушка, да ты это бредишь?

— Кажется, видишь, что лѣтъ.

— Господи! Совѣтъ чудеса въ рѣшетѣ!

И вдругъ Псалмопѣвецъ воскликнуть:

— Яковъ, а твои родители-то? Мы совѣмъ и забыли... Твой отецъ что скажетъ?

— Я упрюю его, онъ согласится. Я ему завтра письмо пошлю, такое письмо, что онъ не можетъ не согласиться.

— Упрямя онъ у тебя,—покачавъ головою, произнесъ Псалмопѣвецъ.

— Я буду мать просить.

— Не захочетъ онъ, и мать ничего не подѣлаетъ.

— Тогда на все наплевать!—энергично произнесъ Крестовоздвиженскій.—Махну въ Питеръ, и кончено. Будемъ жить съ тобой вмѣстѣ. Вѣдь ты меня поддержишь?

— Еще бы! Ахъ, дай-то Богъ, чтобы ты не струсилъ и сдержалъ то, что говоришь! Я тогда бы въ ножки поклонился твоей Софѣ... Виновать, Софѣ Львовиѣ. Поклонился бы и сказалъ: «жить, молъ, дурень Инка, готовился въ поны, а вы своей любовью изъ него человѣка сдѣлали. Земно кланяюсь вамъ, ибо вы, какъ чудное видѣнiе, какъ ангелъ дивной красоты»...

— Да не кричи ты, вѣдь мы не дома,—остановилъ Крестовоздвиженскій прiятеля.

— Наплевать, экая важность! Такое историческое событiе—и стѣсняться! Ну, Яковъ, обрадовать ты меня. Только ради всѣхъ красавицъ въ мiрѣ, ради твоей чудной самарки, выдержи характеръ!

Псалмопѣвецъ всталъ.

— Пойдемъ, однако. Все это хорошо, а мнѣ ѣсть хочется чертовски. Да, думаю, и тебѣ также.

— Мнѣ не хочется.

— Ну, ты любовью сытъ, а я, братъ, человѣкъ реальнiй, и поѣсть люблю.

Они пошли изъ сада.

IX.

Вернувшись домой, Крестовоздвиженскій былъ пораженъ, какъ громомъ, извѣстiемъ о скоромъ отъѣздѣ Соии. Это извѣстiе, сообщенное ему хозяйкой, было такъ неожиданно, что молодой человѣкъ растерялся и не могъ скрыть охватившаго его волненiя.

— Какъ уѣзжаетъ? Зачѣмъ?—произнесъ онъ унавинимъ голосомъ, глядя на Пункову, съ которой встрѣтился въ сѣняхъ.

— Мать вызываетъ. Она изъ Самары переѣзжаетъ въ Петербургъ, тамъ ей предложили новое мѣсто.

— Въ Петербургъ?—повторилъ Крестовоздвиженскій, и у него отлегло на сердцѣ.

— Да, хорошее новое мѣсто предложили ей,—отвѣтила Пункова.

Семинаристъ не слушалъ уже, что говорила хозяйка. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. При первомъ извѣстiи объ отъѣздѣ Соии, онъ сейчасъ же рѣшилъ, что Соию вызываютъ потому, что кто-то посватался. Дальнѣйшiя разъясненiя его успокоили; переѣздъ Соии въ Петербургъ, куда долженъ былъ отправиться осенью и онъ самъ, его даже обрадовалъ.

Марья Ивановна замѣтила, что слова ея поразили жильца, и въ эту минуту она поняла, что чувство Крестовоздвиженскаго къ Соиѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ думали они съ мужемъ.

— Что же это мы стоимъ въ сѣняхъ? Проходите, Яковъ Леонасьевичъ,—сказала Пункова.

— Да это очень хорошо,—произнесъ Крестовоздвиженскій вслухъ.

— Что хорошо?—спросила Пушкова.

— Что мать Софьи Львовны переѣзжаетъ въ Петербургъ,—отвѣтилъ жлицецъ.

— Для кого хорошо?

«Что это онъ такое говорить?»—подумала невольно Пушкова, задавая вопросъ жлиццу.

— Для васъ, я думаю, это все равно, въ Самарѣ или въ Петербургѣ будетъ жить Соня и ея мать,—добавила Пушкова.

Она пристально поглядѣла на него.

— Вообще хорошо,—проговорилъ Крестовоздвиженскій, отворяя дверь въ комнату.

Пушкова пожала плечами и подумала: «онъ, кажется, уже заговаривается».

Яковъ Аонасьевичъ рѣшилъ непременно сегодня же объясниться съ Соней.

Когда онъ явился на урокъ и встрѣтилъ въ столовой Союю, онъ сразу замѣтилъ въ ней переѣмъ. Дѣвушка была грустна, мало разговорчива и ни разу не улыбнулась. Онъ перетолковалъ грусть Соини въ свою пользу, и это придало ему бодрости. Во время урока онъ, незаметно отъ мальчика, написалъ на клочкѣ бумаги записку Соинѣ, прося ее выйти въ садъ около девяти часовъ вечера. «Миѣ надо сообщить вамъ очень важное», закончилъ онъ записку. «Лично гораздо лучше», перерѣшилъ онъ сегодня. Уходя съ урока, онъ воспользовался минутнымъ отсутствіемъ хозяйки и передалъ Соинѣ записку.

Еще задолго до назначеннаго срока Крестовоздвиженскій былъ уже въ саду.

Деревья съ шумомъ качались отъ сильнаго вѣтра, на горизонтѣ скоплялись темныя тучи; въ отдаленіи глухо

гремѣлъ громъ. Яковъ Аонасьевичъ ходилъ по прямой аллеѣ, прислушиваясь къ шуму деревьевъ, и тяжелое предчувствіе цѣпило его сердце. Онъ ждалъ Сою, чтобы объясниться ей въ любви, сообщить весь свой плачь; онъ почти не сомнѣвался въ чувствѣ дѣвушки, хотя и боялся, что она не придетъ, потому что ей помѣшаетъ тетка. Въ то же время что-то давило его сердце, словно онъ навсегда прощался съ тѣми мечтами, которыми долго жить и которыми были свѣтлы все послѣдніе дни. Онъ ходилъ по аллеѣ понуренный и задумчивый. Въ рѣшительную минуту силы его оставляли.

— Что съ вами, Яковъ Аонасьевичъ?—промолвила Сою, неслышно подойдя къ нему.

Въ ее вопросѣ было столько теплаго участія, что сердце молодого человѣка затрещало отъ радости.

— Я думаю, что вы уже не придете,—вырвалось у него.

— Напрасно думали. Вотъ видите, я пришла,—отвѣтила дѣвушка взволнованнымъ голосомъ.

— Благодарю васъ,—сказала Крестовоздвиженскій.— Я думаю, что вы обидѣлись...

— Зачѣмъ вы это говорите?—перебила Сою:—я очень цѣню ваше вниманіе ко мнѣ. Я никогда не забуду этихъ дней... Такъ хорошо было... Мнѣ очень грустно уѣзжать, Яковъ Аонасьевичъ. Я бы такъ охотно еще пожила здѣсь, но мама зоветъ неотложно.

Онъ глядѣлъ на нее въ нѣмомъ восторгѣ и чувствовалъ, что лучше, милѣе ее нѣтъ никого.

— Зачѣмъ вы звали меня, что вы хотѣли сказать?—напомнила ему Сою.

— Софья Львовна!—заговорилъ онъ, безцельный побѣдить волненіе, которое передалось голосу:—я, право,

не знаю, какъ и выразить то, что со мною происходитъ... Какъ только я васъ увидѣлъ, я словно новую жизнь узналъ... Вы мнѣ стали родная... И вотъ, вы уѣзжаете. Сначала, можетъ-быть, станете вспоминать, а потомъ забудете... Въ столицѣ развлеченій много... или кто-нибудь...

У него точно что-то застряло въ горлѣ, и онъ не могъ продолжать далѣе.

— Зачѣмъ вы это говорите?—опять промолвила Соня.

— А зачѣмъ, Софья Львовна, зачѣмъ...

Онъ снова остановился и вдругъ, какъ бы подталкиваемый невидимой силой, заговорилъ быстро, словно хотѣлъ высказать скорѣе все, что такъ долго копилось въ душѣ:

— Не выходите замужъ, Софья Львовна! Положимъ, я семинаристъ, человѣкъ незамѣчательный, можетъ-быть смѣшной... Но я люблю васъ... Вы мнѣ жизни дороже, Софья Львовна... Я не пойду въ поны, я поѣду въ Петербургъ, поступлю въ медицинскую академію. Мы будемъ встрѣчаться... А когда я кончу, буду докторомъ... согласитесь ли быть моею женой?

Лицо дѣвушки сдѣлалось серьезно.

— Яковъ Аонасеевичъ, — проговорила Соня:—я вѣрю вашему чувству, я также... полюбила васъ (ея щеки при послѣднихъ словахъ покрылись яркимъ румянцемъ), я буду очень счастлива, если ваши мечты сбудутся, но...

— Но вы отказываете мнѣ? Вы боитесь дать слово?—со стономъ вырвалось у молодого человѣка.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, Яковъ Аонасеевичъ, — сказала дѣвушка, и нѣжность зазвучала въ ея голосѣ:—ничего я не боюсь. Чего же мнѣ бояться, если я уже сказала, что тоже полюбила васъ? Но это такъ далеко. Я слышала отъ тети о вашихъ родителяхъ... Прѣзжайте въ Петербургъ, я буду ждать васъ, а тамъ...

— Нѣтъ, Софья Львовна! — воскликнулъ Крестовоздвиженскій:— ради Бога, дайте слово, не лишайте меня увѣренности!

Дѣвушка посмотрѣла на него и промолвила:

— Если такъ нужно вамъ, если это дастъ вамъ силу для будущаго, извольте: я даю вамъ слово.

— Нѣтъ, скажите мнѣ, что вы любите, что вы будете моей, — продолжалъ Крестовоздвиженскій, какъ бы не довольствуясь сказаннымъ, но желая слышать прямой отвѣтъ на свой вопросъ.

— Да, я люблю васъ и согласна быть вашей женой, — отвѣтила уже твердо дѣвушка.

— Соня! — невольно вырвалось у него.

Онъ взялъ руку дѣвушки, хотѣлъ поцѣловать, но только крѣпко пожалъ ее.

Соня нѣжно глядѣла на него и, тихо высвободивъ свою руку, сказала:

— Кончайте, Яковъ Леонасьевичъ, побѣждайте всѣ препятствія и знайте, что я буду ждать васъ и молиться за васъ.

У него на глазахъ навернулись слезы.

Она улыбнулась невольно и промолвила:

— Зачѣмъ же слезы? А еще борецъ!

Она, видимо, этимъ шутивнымъ замѣчаніемъ хотѣла ободрить его и вернуть ему веселость.

— Я счастливъ, счастливъ, Софья Львовна! — проговорилъ онъ. — Теперь я на все готовъ. Я сегодня же напишу письмо отцу, и если онъ не согласится, я такъ уѣду въ Петербургъ... Пусть!

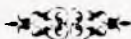
Онъ махнулъ рукою.

— Постарайтесь убѣдить отца, — сказала Соня: — лучше безъ разрыва и ссоры.

— Я буду просить, буду, но если...

— Будемъ надѣяться, Яковъ Леонасьевичъ, — проговорила дѣвушка. — Однако, пора. Меня можетъ хватить тети. И такъ едва вырвалась.

Она протянула ему руку. Онъ опять хотѣлъ поцѣловать ее и снова не рѣшился. Соня быстрыми шагами пошла домой.

X.

Крестовоздвиженскій остался въ саду. Онъ былъ охваченъ неизъяснимымъ блаженствомъ, рѣшимостью бороться за свое счастье и страхомъ за него. Всѣ эти разнородныя чувства волновали его и держали въ радостной тревогѣ. Все-таки мысль, что Соня его любитъ, брала верхъ надъ всѣми другими. Съ открытой головою, охотно подставляя лицо свѣжему вѣтру, ходилъ Крестовоздвиженскій крупными шагами по аллеѣ, не замѣчая нѣкоторое время, что уже сталъ накрапывать мелкій дождикъ. Но вотъ деревья зашумѣли сильнѣе, раздался рѣзкій раскатъ грома, и начали падать крупныя капли дождя, съ каждымъ множеніемъ все учащаясь. Крестовоздвиженскій очнулся отъ своихъ грезъ, посмотрѣлъ вокругъ и отправился домой.

Онъ рѣшилъ сейчасъ же написать отцу письмо, чтобы завтра его отправить съ кѣмъ-нибудь изъ домкницевъ, прѣхавшихъ на рынокъ.

Иковъ Леонасьевичъ досталь изъ стола бумагу и началъ набрасывать черныкъ; прочтавъ написанное, онъ остался недоволенъ и изорвалъ.

— Это никуда не годится!—произнесъ онъ вслухъ и сталъ писать снова. Но и новый черныкъ не удовлетворилъ его. Выходило не то, что онъ хотѣлъ. Мозгъ отказывался работать, утомленный отъ долгаго напряженія и волненія. Мысли путались, безпорядочно ложлись на бумагу.

Крестовоздвиженскій подошелъ къ окну и раскрылъ его. Гроза стихла; въ саду только изрѣдка падали еще капли дождя. Тянуло пріятной сыростью; ароматный, очищенный воздухъ скоро освѣжилъ молодого человѣка, и онъ началъ успокаиваться. Мысль крѣпла, принимала стройное теченіе, развивалась правильно и ясно.

Наступило то спокойствіе, которое не лишаетъ человѣка энергій, но, усиливая эту энергію, даетъ ей возможность проявиться цѣльно и не обращаетъ ея въ какую-то торопливую бурную стремительность.

Крестовоздвиженскій закрылъ окно и снова принялся писать письмо. На этотъ разъ онъ остался доволенъ тѣмъ, что у него вышло. Прочтавъ черныкъ дважды, онъ принялся переписывать его на листъ почтовой бумаги. Подписавъ фамилію, онъ еще перечиталъ письмо и запечаталъ въ толстый сѣрый конвертъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Дражайшіе родители!

Вы, по всей вѣроятности, не ждете отъ меня письма, ожидая въ скорости меня самого. Но я имѣю вамъ сообщить очень важное; и потому пишу теперь же, до отбытія изъ города. Экзамены мои идутъ отлично. Но

дѣло не въ нихъ. Батюшка! Я боюсь вамъ сказать то, что у меня на дунѣ. Матушка! Походатайствуйте вы за меня. Вы удивлены и думаете: что такое? А вотъ что: я надумалъ поступить въ медико-хирургическую академію, изъ которой вышло немало свѣтилъ науки и достойныхъ сыновъ отечества. Я не хочу ѣхать въ духовную академію, если мнѣ и предложатъ, и не могу принять санъ іерея. Я не чувствую призванія къ священству и боюсь взять на себя великую отвѣтственность, не обладая силами для прохожденія должности іерея и наклонностями, необходимыми для этого. Конечно, мое желаніе не можетъ осуществиться безъ вашего согласія, но умоляю васъ Господомъ Богомъ не отказать мнѣ въ вашемъ созволеніи на мое поступленіе въ медико-хирургическую академію. Все отъ васъ зависитъ. Трещу при мысли, что вы не раздѣляете моихъ взглядовъ и поколеблетесь дать согласіе. Не гнѣвайтесь, дорогой батюшка. Не огорчить хочу васъ, котораго такъ глубоко люблю и высоко почитаю. Молю васъ, не лишайте меня счастья, скажитесь надъ вашимъ сыномъ, дайте ему ваше родительское благословеніе. Вы спросите: какая причина такой внезапной перемѣны мыслей? Милая маменька, и вамъ будетъ горько мое письмо, но вѣрите, у меня есть важныя основанія. Я не могу ихъ пока изложить. Но когда я потомъ все изложу, вы поймете меня и согласитесь со мной. Не на худое дѣло прошу я вашего и батюшкинаго благословенія. Я буду честно служить на врачебномъ поприщѣ, пребуду вѣрнымъ сыномъ отечества и православной церкви. О, я охотно послужилъ бы ей въ санѣ іерея, если бы чувствовалъ, что могу быть достойнымъ служителемъ алтаря. Но у меня нѣтъ призванія, а быть плохимъ пастыремъ—какъ я дерзну на это! Батюшка! Вы, достой-

ный іерей, по сердечному влеченію принявній самъ, вы, истинный добрый пастырь, лучше меня знаете, конечно, что священство—не ремесло, а ивкій подвигъ. Но я не призванъ къ этому подвигу и не имѣю силъ для него. Не губите меня. Умоляю васъ, батюшка, и васъ, маменька, сжаьтесь падо мною. Согласитесь и позвольте мнѣ отказаться отъ духовной академіи, если предложитъ семинарское начальство, и отправиться въ медицинскую академію. И могъ бы до своего возвращенія въ деревню отложить сіе объясненіе, но потому и пишу теперь, что прошу разрѣшенія отказаться отъ духовной академіи, ибо навѣрное это мнѣ будетъ предложено. Кромѣ того, если вы дадите согласіе, я останусь здѣсь на нѣкоторое время и затѣмъ отправлюсь рагѣе въ Петербургъ, чтобы тамъ заблаговременно устроиться. Вы знаете, что тамъ живетъ сынъ о. Ксенофонта изъ Дубенекаго. Онъ теперь при академіи ординаторомъ, и я имѣю причины надѣяться, что онъ, какъ родственникъ моего пріятели Пескимоиѣвцева, пріютитъ меня на время и окажетъ всевозможное содѣйствіе къ поступленію.

За симъ остаюсь въ ожиданіи вашего благословенія и увѣренный въ вашей добротѣ,

сынъ вашъ, воспитанникъ богословскаго класса,

Иковъ Крестовоздвиженскій».

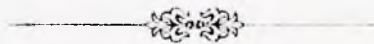
Дожась спать, Иковъ Леонасьевичъ положилъ письмо въ столъ и заперъ на ключъ.

«Ну, а если отецъ не согласится, что тогда?»—явился вопросъ у Крестовоздвиженскаго, когда онъ раздѣвался. И онъ отвѣтилъ самъ себѣ: «Не покорюсь! И скажу отцу: Богъ вамъ судья! я безъ вашей помощи

проложу себѣ дорогу. Конечно, старикъ огорчится, и мать тоже, — да что же дѣлать. Зато Соня будетъ уважать меня за силу характера. Ахъ, Соня, Соня!»

Его мысли опять вернулись къ дѣвушкамъ. На другой день, отправляясь въ семинарію, Крестовоздвиженскій зашелъ на рынокъ, расположенный на большой площади, вблизи церкви Казанской Божіей Матери. Онъ скоро отыскалъ мужика изъ Домкина и вручилъ ему письмо для передачи о. Аванасію.

Сдѣлавъ это, Крестовоздвиженскій вдругъ проникся уваженіемъ къ самому себѣ за «совершенный подвигъ» и выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

XI.

Возвращаясь изъ семинаріи, онъ еще издали увидѣлъ у воротъ дома тройку лошадей, запряженную въ тарантасъ. У него захолонуло на сердцѣ. «Боже, еще немного, и я опоздать бы, не простился бы съ ней!» — чуть не съ ужасомъ подумалъ онъ.

Взводиванный, вошелъ онъ въ калитку, чернымъ ходомъ прошелъ къ себѣ и, забросивъ книги, сейчасъ же отправился къ хозяевамъ. Въ столовой всѣ сидѣли за завтракомъ. Въ тотъ мигъ, когда входилъ Крестовоздвиженскій, кухарка внесла самоваръ.

— А вотъ и вы, — сказалъ хозяинъ. — А мы ужъ думали, что вы нарочно пустились въ бѣга.

Крестовоздвиженскій и Соня обмѣнялись быстрыми, выразительными взглядами.

— Развѣ могъ я такъ поступить?—сказала Крестовоздвиженскій.—И думала, что Софья Львовна уѣзжаетъ вечеромъ.

— Нельзя откладывать, — промолвила Марья Ивановна. — Сестра уѣзжаетъ и торопитъ Сою. Она будетъ ждать ее въ Ярославль. Я ѣду провожать Сою и повидаюсь съ сестрой.

— И вы уѣзжаете?

— Уѣзжаю, Яковъ Доанасьевичъ, прощайте!

— Мы, батюшка, съ вами остаемся спротами, — сказала Пушкова. — Давайте, заплачемъ.

Крестовоздвиженскій былъ готовъ послѣдовать этому приглашенію. Онъ старался казаться спокойнымъ, но на душѣ у него было тяжело, и слезы подтепали къ горлу.

Онъ ничего не отвѣтилъ на шутку Пушкина.

— Садитесь, закусите съ нами, — предложила хозяйка.

Крестовоздвиженскій сѣлъ на свободный стулъ, стоявній между хозяиномъ и Соней. Онъ отказался отъ закуски, но согласился выпить чаю.

Разговоръ не клеился. Соня молча пила чай и была задумчива.

— А тебѣ, кажется, совсѣмъ не хочется уѣзжать?— замѣтила съ улыбкой Пушкина.

— Это правда, — отвѣтила дѣвушка. — Миѣ у васъ, тетя, было хорошо.

— Ну, такъ не побѣдемъ, — шутливо произнесла Марья Ивановна. — Пошлемъ телеграмму въ Ярославль матери: «Сонѣ такъ понравился Сопекъ, что она хочетъ навсегда остаться въ немъ».

Пушкова засмѣялась и добавила, взглянувъ мелькомъ на жилища:

— Сомасна, Соня?

— Что же, телеграфируйте! — также шуточно отвѣтила племянница.

— Яковъ Аонасьевичъ, слышите? — обратилась къ жилищу Пушкова. — Соня не ѣдетъ. Довольны вы были бы, если бы она осталась?

— Очень.

— Вотъ какъ? Такъ за чѣмъ дѣло стало?

Щечки дѣвушки зардѣлись яркимъ румянцемъ.

— Ну, чего ты, — перебилъ жену Павелъ Ивановичъ: — панна, когда шутить.

— Господи, да отчего же не пошутить? — возразила Марья Ивановна. — Вѣдь, шуткой и жизнь красна.

— Вотъ ты лучше не загадывайся въ Ярославль, — сказала Пушкова: — а то безъ тебя здѣсь все куваркомъ полетитъ. Знаешь: безъ женщины и домъ не домъ.

— Уже почувствовать! — съ торжествомъ произнесла Марья Ивановна. — Ну, такъ вотъ убѣдись хорошенько. Тогда не будешь ставить ни во что бабы хлопоты. Пусть и Яковъ Аонасьевичъ посмотритъ и убѣдится также.

— Что же ему убѣждаться? Онъ давно знаетъ, что не подобаетъ человѣку жить одному...

— Знаетъ, да не изъ жизни. Пусть поучится до жепитьбы.

Все было уложено и готово къ отъѣзду. Сейчасъ же послѣ завтрака стали собираться въ дорогу. По обыкновенію, передъ самымъ отъѣздомъ приѣли, помолились и тогда уже стали прощаться. Соня вдругъ заплакала, прощаясь съ дядей.

Марья Ивановна поняла, что эти слезы не по адресу
ей мужа, и промолвила не безъ насмѣшки:

— Ну, Соня, какая ты чувствительная, я и не знала

У Крестовоздвиженскаго тоже навернулись слезы на
глазахъ.

— Да что ты, жена, про нес-го? Посмотри, Яковъ Аона-
насьевичъ тоже плачетъ,—сказалъ Пушкивъ.— Это, Соня,
ему тебя жалко.

Соня подошла къ молодому человѣку и протянула
руку.

— Прощайте, Яковъ Аонасьевичъ,— сказала она,
поднимая на него заплаканные глаза:— желаю вамъ всего
хорошаго. Пусть сбудутся все ваши желанія.

Она выразительно посмотрѣла на него.

— Спасибо,—отвѣтилъ Яковъ Аонасьевичъ
важнымъ голосомъ.— Помолитесь, Софья Львовна, чтобы
сбылись все мои желанія.

— Помолюсь,—тихо отвѣтила дѣвушка.

— И вамъ всего хорошаго,—продолжалъ Крестовоз-
движенскій.

— Женуха ей хорошаго пожелайте, Яковъ Аонасье-
вичъ,—сказалъ Пушкивъ.— Такъ, вѣдь, Соня?

Дѣвушка ничего не отвѣтила дядѣ.

Эта шутка неспрiятно отозвалась въ сердцѣ Крестъ-
воздвиженскаго.

Павель Ивановичъ отправился провожать жену и пле-
мянницу до заставы. Крестовоздвиженскому ѣхать съ ними
было неудобно. Ему поневолѣ пришлось остаться дома.
Проводивъ уѣхавшихъ, онъ вернулся въ свою комнату
и заплакалъ, какъ ребенокъ.

XII.

Послѣ отъѣзда Соии погода круто измѣнилась. Пошли дожди, а затѣмъ сдѣлалось довольно свѣжо. Потянулись сѣрые холодные дни, словно вдругъ наступила осень. Отъѣздъ Соии уже самъ по себѣ былъ тяжесть для молодого человѣка, а наступившая затѣмъ холодная сѣренькая погода еще болѣе усилила угнетенное состояніе души семинариста. Онъ ходилъ молчаливый, угрюмый, бросилъ заниматься, и едва не провалился на патристику.

— А, вѣдь, тебѣ сегодняшній экзамень, пожалуй, повредитъ относительно академіи,— замѣтилъ кто-то изъ товарищей Якову Лоанасевичу.

— Очень миѣ нужна ваша академія,— отозвался онъ.

Крестовоздвиженскій никому, кромѣ Псалмопѣвцева, не открывалъ своихъ плановъ. Онъ и теперь не сталъ ничего объяснять и только прибавилъ, замѣтивъ удивленіе товарища: — Миѣ все равно.

Ему дѣйствительно было все равно. Его всецѣло занимала одна мысль: что отвѣтить отецъ? Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ письма и по нѣскольку разъ въ день спрашивалъ у Пушкова и у прислуги: не подавали ли ему письма изъ деревни? Ему отвѣчали отрицательно.

— Да развѣ тамъ что-нибудь случилось, что вы такъ безпокоитесь?— замѣтилъ какъ-то хозяинъ.

— Я жду... тутъ одно дѣло...— уклончиво отвѣтилъ жилецъ.

— Вотъ погодите, Соия прилетѣтъ вамъ письмо, можетъ-быть,— пошутилъ Пушковъ.— А признайтесь, Яковъ Лоанасевичъ, вѣдь, вамъ Соия понравилась?

— Прекрасная дѣвушка,—отвѣтилъ уклончиво молодой человѣкъ.

— Вотъ бы вамъ на ней жениться, а? Женились бы?—продолжалъ Пушковъ.

Этотъ шутивый вопросъ не понравился Якову Аонасьевичу, который не могъ допустить, чтобы такъ говорили о томъ, что составляло святое святыхъ его сердца.

Онъ нахмурился и въ первый разъ довольно рѣзко отвѣтилъ хозяину:

— Нустиаки все вы говорите, Павелъ Ивановичъ.

Замѣчаніе жильца изумило и задѣло Пушкова. Его брови сдвинулись. Но Павелъ Ивановичъ отличался большимъ благодушіемъ, и при томъ онъ сейчасъ же обвинилъ себя за то, что позволилъ шутку, когда у человѣка такая непріятность (Пушковъ зналъ о неудачномъ экзаменѣ жильца и считалъ это для него большимъ несчастіемъ). Однако, Пушковъ, не сразу заговорилъ съ жильцомъ, но когда снова обратился къ нему, уже ни въ лицѣ, ни въ голосѣ не было и тѣни обиды или раздраженія.

— Вамъ надо взять себя въ руки, Яковъ Аонасьевичъ,—сказалъ онъ,—а то вы совсѣмъ повредите себѣ: одинъ экзаменъ ничего, а дальше...

— да что мнѣ экзамены! Въдь кончу,—сказалъ Крестовоздвиженскій.

— Но какъ кончите!

— Все равно.

— Какъ все равно? Да въ академію...

— Я же сказалъ вамъ, что не пойду въ духовную академію,—уже съ видимымъ раздраженіемъ промолвилъ Крестовоздвиженскій.

— Да будетъ вамъ!—воскликнулъ Пушковъ:—ну что вздоръ говорить! Я понимаю, что можно понутить...

— Это вовсе не шутка,—возразилъ жилецъ:—я уже написалъ объ этомъ отцу.

— Отцу? Вотъ почему вы такъ и ждете письма изъ деревни. Что вы затѣяли, Яковъ Аонасьевичъ! Развѣ это возможно? Кто это васъ смутилъ? Павѣрное этотъ безпутный Псалмопѣвецъ.

— Во все пѣть. Я самъ понялъ, что у меня нѣтъ призванія, и вы, пожалуйста, не убѣждайте меня, Павелъ Ивановичъ,—это бесполезно.

Крестовоздвиженскій все больше и больше раздражался.

— Хорошо, я не буду,—сказалъ хозяинъ.— Только все это пустое, отецъ вашъ не согласится.

— А вотъ увидимъ! Не сегодня-завтра отвѣтъ долженъ придти.

«Да онъ, кажется, всерьезъ все порѣшилъ, — подумать Пушкиновъ, глядя на жильца, ходившаго по столовой.— И какъ онъ говорить, совсѣмъ непохоже на него: такой былъ все тихій, ровный, откуда у него такая прыть взялась?.. Ну, да вотъ посмотримъ, надолго ли ея у него хватитъ. Что-то онъ заность, какъ получить отвѣтъ отъ отца? Тотъ ему по-своему отпишетъ».

На другой день Крестовоздвиженскій собирался сходить къ Псалмопѣвцу, когда вдругъ дверь комнаты отворилась, и вошли о. Аонасій и Анна Михайловна. Молодой человекъ никакъ не ожидалъ этого. Внезапное появленіе родителей не только озадачило его, но и подѣйствовало на него угнетающимъ образомъ. Онъ не былъ подготовленъ къ такой встрѣчѣ, и сердце его сжалось отъ недобраго предчувствія. Если бы отецъ былъ согласенъ, онъ не повѣхалъ бы самъ. Крестовоздвиженскій готовился къ борьбѣ, но онъ не предполагалъ сейчасъ же стать лицомъ къ лицу съ отцомъ, котораго привыкъ

бояться, и эта неожиданность испугала молодого человека.

Анна Михайловна замѣтила замѣнительство сына и промолвила:

— Не ожидай насъ, письмо думать получить, а вмѣсто того—вотъ мы сами.

Крестовоздвиженскій подошелъ къ матери и съ первой дрожью поздоровался съ ней. Когда затѣмъ онъ подошелъ къ отцу, тотъ сухо остановилъ его:

— Погоди, братецъ, дай раздѣться да Богу помолиться.

Сухой, даже строгій тонъ отца не предвѣщали ничего хорошаго, и Крестовоздвиженскій понялъ, что дѣло безъ борьбы не обойдется... А силы у него еще до начала борьбы слабѣли. Невольная боязнь овладѣла имъ.

Отецъ Аонасій повѣсилъ рясу, немного смоченную дождемъ, помолится на образъ и промолвить:

— Ну, здравствуй, Яковъ Аонасьевичъ!

Это величаніе еще больше подтвердило догадки молодого человека. О. Аонасій называть такъ сына только тогда, когда былъ въ особенно хорошемъ расположеніи или сердился. Конечно, не первымъ обстоятельствомъ объяснялось его обращеніе: это показывать его тонъ. Сердце унало у молодого человека, но, онъ все-таки рѣшилъ не сдаваться.

— Зачѣмъ же вы сами ѣхали, батюшка? — сказать онъ робко:—вѣдь, я только просилъ...

— Мало ли что просилъ. Когда видишь, что человекъ сходитъ съ ума, тутъ ужъ не до писемъ, надо ѣхать.

— И еще не схожу съ ума, батюшка, — сказать Яковъ Аонасьевичъ, взглядывая на мать и какъ бы у нея лица поддержки.

— Объ этомъ рѣчь впереди. Я давно бы пріѣхалъ, да въ отлучкѣ былъ. Ну, вотъ что, самостоятельный философъ: напои-ка насъ съ дороги чаемъ, а потомъ мы и поговоримъ съ тобой, о чемъ надо, и какъ слѣдуетъ,— закончилъ о. Аонасіи, разлаживая бороду и садясь на стулъ.

Онъ выразительно посмотрѣлъ на сына, который еще болѣе смутился отъ этого взгляда.

— А что ты такъ похудѣлъ, Яна?—замѣтила мать:— не боленъ ли?

Въ ея голосѣ слышалась тревога.

— Занятій много, маменька, экзамены...— отвѣтилъ сынъ.

Пока ставили самоваръ, разговоръ вертѣлся на пустякахъ. Анна Михайловна спросила, куда уѣхала хозяйка, и когда узнала, что поѣхала провожать въ Ярославль племянницу, удивленно промолвила:

— Да какая же это племянница? Я и не видала.

— Въ гости пріѣзжала,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, стараясь не смотрѣть на мать.

— Въ гости? Такъ, такъ.

Анна Михайловна помолчала и опять обратилась къ сыну:

— Молодая?

— Да. Ей всего семнадцать лѣтъ.

— Мм!..

Мать ничего не прибавила больше, только обвела долгимъ взглядомъ сына, который очень старательно устанавливалъ посуду на столѣ.

— Да, да...—проговорила Анна Михайловна, спустя минуту и, вздохнувъ, сѣла невдалекѣ отъ мужа.

— А экзамены, значить, всё хорошо сдать?—спро-

сынъ о. Аѳанасій, также внимательно слѣдившій за сыномъ.

— Всѣ, только вотъ... послѣдній похуже...

— Это отчего же?

— Да голова очень болѣла эти дни.

— Голова болѣла? Не мудрено! Но все-таки не провалялся же?

— Нѣтъ,—коротко отвѣтить сынъ.

Подали самоваръ, и всѣ трое сѣли за столъ.

Отецъ Аѳанасій шлъ молча, сохраняя наружное спокойствіе. Только брови его были насулены, и узенькіе глаза глядѣли сумрачно. Анна Михайловна не могла долго сдерживаться и послѣ второй же чашки заговорила о томъ, что ее волновало.

— Скажи, пожалуйста, Яна, что это ты такое задумала? И разстроишь же ты насъ съ отцомъ. Такая ли теперь пора, чтобы ѣхать изъ деревни, а пришлось. Все бросили и поѣхали. Ахъ, Яна, Яна!

Въ ея словахъ слышалась тревога, а не гнѣвъ.

— Да, Яковъ Аѳанасьевичъ, хваленый сынъ, краса богословскаго класса, отличился, нечего сказать!—произнесъ отецъ Аѳанасій.

Его голосъ звучалъ насмѣшкой, за которою скрывался гнѣвъ, видимо, пока сдерживаемый.

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Что это ты съ ума снятъ, что ли? А?—произнесъ снова отецъ Аѳанасій.

— Почему же, батюшка?—спросилъ сынъ, не поднимая глазъ:—развѣ?..

Брови о. Аѳанасія сдвинулись, и кровь прилила къ мясистому лицу.

— Оттого, что ты дуракъ, вотъ отчего!— крикнулъ онъ, метнувъ гнѣвнымъ взоромъ на сына.

— Отецъ,— остановила мужа Анна Михайловна:— я просила тебя...

— Молчи, понады! Я удерживался, но не могу больше. Человѣкъ написать дурацкое письмо и, вмѣсто раскаянія, еще смѣетъ оправдываться, возражать. Слушай, Яковъ,— продолжалъ онъ, стукнувъ ладонью по столу:— ты не смѣй у меня объ этомъ и думать! Не вводи меня въ грѣхъ, Христа ради!

Молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ.

Анна Михайловна нашла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ и обратилась къ сыну:

— Яна,— заговорила она ласково:— что съ тобою это случилось? Все время ты былъ у насъ такой славный, благочестивый; мальчикомъ, бывало, въ монастырь соби-рался; еще недавно, когда мы были, ничего не говорилъ и вдругъ... Худое ты забрать въ голову, и кто тебѣ это посоветовалъ — врагъ твой лютой.

— Миѣ никто не советовалъ, маменька,— едва слышно произнесъ сынъ.

— Какъ никто, дружокъ? Да неужели ты самъ это выдумать? Не вѣрю. Вѣрно, это все Псефитъ, безна-банная голова.

— Онъ ни при чемъ...

— Не говори. Кто же, если не онъ?

— Да что намъ за дѣло, понады, кто: Псефитъ или другой какой болванъ, не все ли равно? я сказалъ: нѣтъ, и не будетъ этого!

— Батюшка!

— Ни слова, Яковъ! И слышать не хочу!

— Яна,— опять заговорила мать:— да неужели ты

думаешь, что отецъ или я можемъ благословить тебя на такое дѣло? Посуди самъ...

— Я не хочу въ академію, маменька...

— И не надо, — подхватилъ отецъ Аонасій, подвигая къ себѣ стаканъ. — Я тебя теперь въ академію и не пуцую. Шалишь! Ты, братъ, тамъ ни вѣсть что натворишь... Нѣтъ! А вотъ кончай, да и въ поны... Кстати и мѣсто открывается чудесное. Любой академикъ возьметъ такое мѣсто.

— Батюшка, я не хочу быть священникомъ.

Въ голосѣ молодого человѣка слышались слезы.

— А я говорю — вздоръ.

— Не могу.

— Можешь и будешь! — повторилъ о. Аонасій.

— У меня призванья нѣтъ.

— И не требуется никакого призванія. Что еще выдумать? Поступишь — привыкнешь, вотъ тебѣ и призваніе.

— Батюшка! — чуть не плача, воскликнулъ молодой человѣкъ: — ради Бога, отпустите меня въ медицинскую академію!

— Ни за что!

И о. Аонасій такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что посуда задрожала.

— Да будетъ тебѣ, отецъ! — порывисто остановила жена. — Можно, вѣдь, говорить спокойнѣе. Что ты кричишь на него, какъ на мужика?

— Чего заслужилъ, то и получаетъ, — произнесъ мужъ. — Иначе говорилъ я раньше, а теперь на себя пеняй. Задумай что: въ медицинскую академію! Что за люди выходятъ оттуда? Вольнодумцы, безбожники! Нашедя ссылаются на кого, на родственника Псалмогѣвцева! Ординаторъ! А мнѣ плевать на это. Пріѣзжать

онъ сюда, видѣлъ я его. Идетъ мимо храма, лба не перекрестить, весь Успенскій постъ мясо жрать. Отецъ допускаетъ, его дѣло. Выжилъ старикъ изъ ума, прости Господи! А я, славу Богу, еще въ здоровомъ разсудкѣ и все понимаю, какъ слѣдуетъ. Это все Неофитъ тебя наперчилъ, мать права. А скажи-ка ты мнѣ, сдѣлай одолженіе, что это у тебя за серіозные доводы, которые ты не могъ изложить въ письмѣ?—докопчилъ о. Аонасій, барабани пальцами по столу.

Молодой человекъ покраснѣлъ, сердце у него учащенно забилось, но онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что же, говори!—повторилъ отецъ.

Но у Якова Аонасьевича не хватило смѣлости...

— И постѣ скажу, батюшка,—промолвилъ тихо Крестовоздвиженскій.

— Это еще что за фокусы? Видно, все вздоръ, и сказать-то нечего. Дурь одна!

— Батюшка! Но изъ академіи не все выходятъ вольнодумцы, — произнесъ Яковъ Аонасьевичъ, желая на другое отвлечь отца: — сколько врачей истинныхъ христіанъ... Я и не могу сдѣлаться вольнодумцемъ.

— А подумать ли ты еще вотъ что, глупая банка: что будетъ стоить твое докторство?—заговорилъ о. Аонасій, снова раздражаясь:—ты полагаешь, что у твоего отца карманъ очень толстъ. Если и есть что, такъ, вѣдь, сестры растутъ. И не затѣмъ я по конейкамъ наживалъ, чтобы на вѣтеръ бросать, дурь твою тѣнить.

О. Аонасій досталъ платокъ изъ кармана подрясника, отеръ лицо и продолжалъ, стуча по столу рукою, въ которой держалъ платокъ:

— Вотъ что, Яковъ, ты не ври, не обманешь меня. У тебя что-то на умѣ есть, да ты говорить не хочешь!

Какъ это, въ самомъ дѣлѣ: все время молчать и вдругъ— ни въ академію, ни на мѣсто. Врешь, шельмецъ! Что-нибудь да не такъ!

Молодой человѣкъ поаялъ, что исходъ одинъ: или отчаянная борьба, или полная покорность, середины нѣтъ. Тяжелое чувство охватило его. Онъ вспомнилъ свиданіе въ саду и слова Соши: «Побѣждайте все препятствія, знайте, что я жду васъ». У молодого человѣка вмѣстѣ съ тоской впервые въ сердцѣ проснулось непріязненное чувство къ отцу. Якову Аѳанасьевичу захотѣлось отвѣтить рѣзко, грубо. Но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и промолчалъ.

— Что же ты не отвѣчаешь?— съ выраженіемъ нетерпѣнія и гнѣва спросилъ о. Аѳанасій.

— Да что же мнѣ говорить вамъ послѣ этого?— произнесъ сынъ.

Его непріязненное чувство выразилось въ блѣдности лица, которая смѣнила недавнюю краску.

Анна Михайловна съ изумленіемъ и съ невольнымъ испугомъ глядѣла на сына.

— Такъ ты вотъ какъ начинаешь поговаривать!— медленно протянулъ о. Аѳанасій:— хорошо-о! Видно сейчасъ, что задумалъ въ медикѣ. Ну, да когда тамъ еще будетъ что, а покамѣстъ я тебѣ вотъ что скажу, грубиянъ: если ты не выбросишь изъ головы всей этой дури, то я съ тобой раздѣляюсь такъ, какъ ты и не предполагаешь. И тихъ, меня разсердить трудно, но ужъ если разсердить, такъ берегись. Да ты и владыку знаешь: онъ тоже шутить не любитъ. Будетъ тебѣ медицинская академія!

Яковъ Аѳанасьевичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Какъ тебѣ не стыдно, отецъ, — вступилась снова

Анна Михайловна,—пу, что ты такое говоришь? Ты и самъ-то обезумѣлъ. Развѣ такъ нужно разговаривать съ сыномъ? Вѣдь, можно говорить по-родительски, какъ слѣдуетъ.

Замѣчаніе жены нѣсколько смутило отца Доанасія.

— Какъ же съ нимъ иначе разговаривать, когда онъ другого языка не понимаетъ?—какъ бы оправдываясь, произнесъ онъ.

Анна Михайловна, не слушая мужа, обратилась къ сыну:

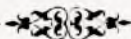
— Яшенька, голубчикъ мой, — начала она нѣжно, кладя руку ему на плечо:— что съ тобой сдѣлалось? Словно зелѣемъ тебя кто околѣлъ. И не узнаешь моего смирнаго, кроткаго Ину. Голубчикъ, что съ тобой?

Ласковыя слова матери растрогали Якова Доанасевича. Онъ былъ готовъ во всемъ признаться, но присутствіе отца стѣснило его.

А старикъ, успокоившись немного, произнесъ сдержанно:

— Да, понадея, видно, справедлива пословица: «нѣтъ дѣтей—нѣтъ и скорбей». Старайся, учи, хлопочи, послѣднее отдавай, а вотъ тебѣ какая благодарность за все!

— Богъ съ вами, батюшка!—промолвилъ сынъ, и, не выдержавъ болѣе, онъ всхлинулъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

ХІІІ.

Онъ прошелъ въ садъ. Здѣсь въ бесѣдкѣ онъ упалъ головою на столъ и разразился глухими рыданіями. Спустия нѣсколько минутъ, сюда пришла Анна Михайловна.

— Вотъ гдѣ ты, а я-то тебя ищу, — сказала она мягко.

Онъ поднялъ голову. Въ лицѣ матери виднѣлось глубокое горе.

— Матушка, матушка! — воскликнулъ молодой человѣкъ. — Что же это такое?

Онъ опять склонился головою на столъ, стараясь удержаться отъ рыданій.

— Яна!

Анна Михайловна сѣла рядомъ съ сыномъ и обняла его.

— Яна, — повторила она, — не скрывайся отъ меня, милый. Теперь здѣсь нѣтъ отца. Повѣдай всю правду. Съ чего ты это все задумалъ, кто тебя смутилъ?

— Никто, матушка, не смущалъ, а я не могу, не могу, — отвѣтилъ сынъ, не поднимая головы.

— Отчего же? Идутъ люди...

— А я не могу, я не могу.

— Яна, что ты говоришь! Да какъ не годишься? Перворазрядникъ, и не годишься. Что ты!

— Да у меня сердце не лежитъ къ этому, поймите, матушка!

Онъ поднялъ голову и сѣлъ, откинувшись на стѣнку бесѣдки.

Анна Михайловна вздохнула.

— А знаешь ли ты, съ чѣмъ мы прѣѣхали?

Сынъ молчалъ.

— Мы тебѣ и мѣсто принасли, хоронее мѣсто. Знаешь отца Никифора? Ну, такъ вотъ, онъ слабъ очень и хочетъ свое мѣсто сдать дочери. Вотъ и жена тебѣ, дѣвунка на рѣдкость.

Она не кончила, испугавшись той мертвенной блѣдности, какая вдругъ покрыла лицо сына.

— Яна, что съ тобой? Какъ слова-то мои тебя испугали... Ой, голубчикъ, недаромъ это, чувств мое сердце, — воскликнула Анна Михайловна: — знаешь что, ты тая — не тая, а я все поняла. Какъ только ты упомянулъ объ уѣхавшей хозяйкиной племянницѣ, я все и поняла. По лицу твоему поняла, по всему, ты самъ себя и выдашь. Голосъ-то твой мнѣ все сказалъ. Я при отцѣ промолчала, а теперь скажу тебѣ: Яна, ты въ нее влюбился и на ней хочешь жениться... Отвѣчай: такъ, вѣдь?

Онъ молчалъ.

— Яна, тебя спрашиваю. Ужели ты матери-то будешь лгать, а?

— Ну, что жь... ну, да... Вы правы, — промолвилъ сынъ.

— Такъ и есть! — выговорила Анна Михайловна, всплеснувъ руками. — Эхъ, Яна, да подумаль ли ты, что затѣлять? Да развѣ тебѣ это отецъ разрѣшитъ?

— А не разрѣшитъ, и не надо. Я и безъ этого обойдусь.

Слова сына ужаснули Анну Михайловну. Какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, она посмотрѣла на сына и проговорила:

— Ты обойдешься и такъ?! Ты это сказалъ, Яна?

Образумься. Ты... ты... безъ благословенія родительскаго сдѣлаешь этотъ шагъ?

— Матушка, неужели и вы?..

— И я не дамъ благословенія,—твердо сказала Анна Михайловна.—Что это ты выдумалъ: жениться, Богъ знаетъ, на комъ.

— Маменька, не обижайте ее,—промолвилъ Крестовоздвиженскій, всыхнувъ.

— Да я и не думаю ее обижать. И въ тѣхъ смыслахъ, что она совсѣмъ неизвѣстная дѣвушка, откуда-то прѣехала, и вдругъ ты...

— Она чудная дѣвушка,—восторженно произнесъ Яковъ Лоапасьевичъ.

— Пусть, хоть и такъ, да развѣ это возможно? И отецъ, и владыка...

— Я же не пойду въ священники...

— Брось, Яша, что пустое говорить. Не пустить онъ тебя въ медики и ничего не дастъ.

— И не падо. И и такъ проживу, я буду работать.

— Ишь, какъ ты заговорилъ. Это она все настроила тебя. А еще увѣряешь, что она хорошая. Да нешто хорошая дѣвушка станетъ такъ возмущать сына противъ родителей?

— Она не возмущаетъ, она не хочетъ ссоры.

— Какъ же не хочетъ? Если ты противъ воли отца...

— Маменька, да неужели вамъ меня не жалко? — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Кабы не было жалко, такъ и разговаривала бы иначе. Ты видѣлъ, какъ я за тебя передъ отцомъ заступалась. А дома что было! Если бы не я, такъ не такъ бы еще онъ съ тобой говорилъ. Какъ прочиталъ письмо, такъ въ ярость такую пришелъ, что я его и не узнала.

За всю жизнь съ нимъ такимъ его не видала. «И,—кричить,—къ владыкѣ, я его въ монастырь упрячу, а то при-тащу сюда, да, какъ мальчишку, выпорю». Вотъ только за послѣдніе дни поуходился. Что я-то перенесла... Яна, Яна! Не думала я, что ты такъ огорчишь меня. За всю мою любовь къ тебѣ... Прости тебѣ Богъ!

Анна Михайловна заплакала. Сыну стало ее жалко. Онъ какъ бы почувствовать себя невольно виноватымъ передъ нею.

— Маменька,—сказалъ онъ,—я знаю, что огорчить васъ. Простите, но пожалѣйте и меня, не губите вашего сына.

— Кто тебя губить, Христось съ тобой!—проговорила мать, всхлиывая и утирая слезы платкомъ.—О твоей же пользѣ заботимся. Ты самъ себя хочешь погубить, собираясь идти въ медици и жениться на этой... какъ ее зовутъ, не знаю, да и знать не желаю. Для того ли мы столько заботились о тебѣ, чтобы все это видѣть? Думали на старости лѣтъ...

— Я развѣ отказываюсь, матушка? Я докторомъ еще больше буду получать и готовъ помогать вамъ.

— Да не надо намъ твоей помощи, ѣсть что ли намъ нечего? Слава Богу, принасли на черный день и на старость. Ты сердце-то наше на части рвешь, вотъ что, Яна! Думали порадоваться, на тебя гляючи, на твое счастье.

— Вы хотите меня лишить его...

Анна Михайловна разсердилась.

— И не смѣй этого говорить, Яковъ!—воскликнула она.—Счастье! Нашелъ гдѣ счастье—въ своей погибели!.. Не бывать этому, чтобы ты женился на хозяйкиной племянницѣ. Ахъ, Господи! Вотъ грѣхъ-то... И не знаешь,

гдѣ ждешь бѣда. На той квартирѣ боялись оставить, думали—здѣсь хорошо. А вотъ тебѣ и хорошо!.. Вотъ что случилось... Нѣтъ, нѣтъ, Яша! И не упорствуй: отецъ не согласится, да и я просить за тебя не буду, не хочу... Кончай да бери мѣсто. Жена такая будетъ, что самъ обрадуешься потомъ и насъ благодарить станешь.

— Нѣтъ! — рѣшительно сказалъ Крестовоздвиженскій.—Я не возьму мѣста и не женюсь на дочери о. Никифора. Пусть отецъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ.

Вблизи бесѣдки послышались шаги. Черезъ минуту вошелъ Цушковъ.

— Здравствуйте, матушка! А я за вами. Вернулся со службы, кухарка говоритъ, что вы прѣехали, спрашиваю: гдѣ же? говоритъ: самъ куда-то ушелъ, а матушка съ Яковомъ Аонасьевичемъ въ саду. Пожалуйте, обѣдъ готовъ. Мы съ Яковомъ Аонасьевичемъ и не ждали васъ.

Понадея сухо поздоровалась съ Цуковымъ.

— По дѣламъ пришлось прѣехать,—сказала она.—Покорно благодарю, я не хочу обѣдать, мы только-что чай сейчасъ пили.—Яша,—обратилась она къ сыну,—иди, обѣдай.

— Я тоже не хочу,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Цушковъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на мать и сына и только теперь замѣтилъ, что они разстроены, и глаза у обоихъ заплаканы.

«Что у нихъ произошло?—подумать Навель Ивановичъ:—любопытно!»

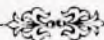
— Ну, какъ угодно. А я голоденъ и пойду обѣдать. Онъ дѣлано улыбнулся и вышелъ изъ бесѣдки.

Поднялся съ мѣста и Яковъ Аонасьевичъ.

— Ты куда же, Яша?

— Такъ, пройдуся,—отозвался молодой человѣкъ.

Мать не могла понять: отчаяніе или злоба прозвучали въ его голосѣ. У нея опустились руки.

XIV.

Крестовоздвиженскій вышелъ изъ сада съ мыслію отправиться къ Псалмогѣвцеву. Кромѣ пріятеля, у Якова Аонасьевича не было никого, кому онъ могъ бы во всемъ открыться, и кто выказать бы ему сочувствіе. Вся надежда была на мать, но и эта надежда исчезла. Гдѣ же искать поддержки? Оставался одинъ Псалмогѣвецъ. «О, если бы здѣсь была Соня!» думать молодой человѣкъ.— «Развѣ написать ей?» Нѣтъ, на письмѣ выйдетъ все не то. Она можетъ иначе перетолковать его слова, онъ только повредитъ себѣ въ ея глазахъ. Онъ долженъ одинъ бороться за свое счастье. Да, счастье, потому что безъ Сони онъ не можетъ быть счастливъ. Мать думаетъ иначе... нусть...

Погруженный въ свои думы, Крестовоздвиженскій медленно шагаль по тротуару, совсѣмъ забывъ о цѣли, съ какой вышелъ изъ дома. Онъ шелъ, понуривъ голову, машинально поворачивалъ изъ улицы въ улицу, машинально извинялся передъ тѣми, кого ему приходилось толкать. Онъ ощутилъ, очутившись у Богородекаго кладбища. Только здѣсь, оглядѣвшись вкругъ, онъ вспомнилъ, что шелъ къ Псалмогѣцеву. Тотъ жилъ на Глинкахъ, — это было недалеко. Яковъ Аонасьевичъ взялъ

вправо, перескочилъ черезъ канаву, чтобы не дѣлать крюка, и пошелъ по наложеннымъ доскамъ, которыя замѣнили собою тротуары. Суевѣрное чувство снова заговорило въ Крестовоздвиженскомъ. «Зачѣмъ это я сюда попалъ?» мелькнуло у него въ умѣ. «Точно невидимая сила привела нарочно къ кладбищу... Что это предвѣщаетъ?».

Крестовоздвиженскій прошелъ бы мимо дома Псалмонѣвцева, если бы этотъ послѣдній, сидѣвшій у окна, не окликнулъ товарища:

— Яковъ, куда ты это?

Крестовоздвиженскій поднялъ голову.

— Я къ тебѣ,—сказалъ онъ.

— Такъ куда же ты шагаешь? Чудило!

Псалмонѣвцевъ засмѣялся.

— Ну, что, получилъ отвѣтъ изъ деревни?—спросилъ онъ, встрѣчая пріятеля въ дверяхъ комнаты.

— Сами пріѣхали.

Яковъ Леонасьевичъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— И отецъ, и мать?

— Оба.

— Вотъ тебѣ на! Чего ради сіе?

Онъ посмотрѣлъ на пріятеля и добавилъ:

— По лицу вижу, что не согласны. Вѣрно вѣдь?

— Да.

Псалмонѣвцевъ покачалъ головою и произнесъ съ разстановкою:

— Худо дѣло, Яковъ. Да я вѣдь предупреждать. Нечего было и писать.

— Я къ тебѣ,—промолвилъ Крестовоздвиженскій:— дай совѣтъ!

— Какой же тебѣ совѣтъ?

Исаимоѣвцевъ сѣлъ рядомъ съ товарищемъ.

— Одинъ совѣтъ мой тебѣ: не сдавайся! Затѣмъ они пріѣхали-то?

— Не знаю. Видно, очень испугались.

— Такъ чего же они хотятъ? Увести тебя и держать въ плѣну что-ли? Чудаки!

Исаимоѣвцевъ пожалъ плечами.

— Расскажи мнѣ все,—произнесъ онъ черезъ минуту.—Про невѣсту ты говорилъ?

— Матери сказалъ, а отцу нѣтъ.

Затѣмъ Яковъ Афанасьевичъ передалъ пріятелю подробности своихъ объясненій съ родителями. Неофитъ слушалъ внимательно.

— Вотъ какое дѣло,—произнесъ онъ, когда Крестовоздвиженскій кончилъ.—Да, тебѣ придется вести серьезную войну, Яковъ. Ну, что-жь: если начать, такъ продолжай. Или ты...

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на товарища.

— Или ты... хочешь идти на кашитуляцію?

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ Крестовоздвиженскій.

— А тогда и разсуждать нечего: бейся не на животь, а на смерть. Что можетъ подѣлать съ тобою отецъ? Ничего! Не выпоретъ же онъ тебя, въ самомъ дѣлѣ? Что тебѣ архіерей? Ты еще не пошъ. Пошу онъ страшенъ, да и то не всякому. Знаешь о. Николая Твердынскаго? Онъ прямо архіерею брякнулъ: «если такъ, владыка, я разстрелюсь!» Вотъ, братъ! А ты вольная птица. Завтра послѣдній экзаменъ, получишь бумаги и шабашъ. Ну, посердятся твои старики, что же дѣлать, не губить же себя изъ-за нихъ. Вѣдь ты хочешь въ медици?

— Хочу.

— И любовь къ Сошѣ не блажь одна?

Крестовоздвиженскій ничего не отвѣтилъ на послѣдній вопросъ, а только посмотрѣлъ на Исалмонѣвцева не то съ удивленіемъ, не то съ укоромъ.

— Ну, такъ и разговору конецъ,—проговорилъ Неофитъ, вставая. — Объявляй войну. Я думаю, Яковъ, говоря правду, тебѣ Соня дороже академіи! Ну, да это все равно, лишь бы что-нибудь держало тебя въ рукахъ, а то ты плохой вояка. Гляди, на что похожъ, а еще только начало!

— Я къ тебѣ: поддержи, Неофитъ!

— Съ удовольствіемъ, да вѣдь не могу же я за тебя съ отцомъ объясняться!

— А какъ насчетъ деревни?

— Что же деревня? Поѣзжай туда, никто тебя не съѣстъ. И я приѣду. Вѣдь, разстояніе-то между нами будетъ пять верстъ всего. Ты ко мнѣ, я къ тебѣ. Положимъ, твои родители меня не долюбиваютъ, да вѣдь не выгонять же. Ты ко мнѣ чаще ходи, будемъ вмѣстѣ подготавливаться.

— А если начнутъ приставать?

— Съ женитьбой? Господи, да вѣдь не сразу же тебя женить! Шестъ недѣль—не годъ. Ты борись, оттягивай время. Я напишу дядѣ письмо, онъ что-нибудь устроитъ, а тамъ и махнемъ!

— Тихоцько?

— Зачѣмъ? Торжественцо! Или ты боишься угрозы отца? Полно, знаешь, поется въ пѣснѣ:

„А ты, а ты—не женщина,
„Тебя не проклянуть“.

— Все вздоръ, Яковъ! Если хочешь—добьешься. Ты не очень спорь теперь.

— Погоди: а если къ архіерею позовутъ?

— Ну, что же? Ты и съ нимъ политику веди, выскажи свое и оставь «подъ сумгѣишемъ». Пусть думаетъ: авось, молъ, пойметъ свои заблужденія... «Не робѣй, Варсонофій Петровъ!» Кто это сказалъ? Да, не робѣй!

Слова пріятеля подняли унавній духъ Крестовоздвиженскаго. Онъ ободрился и повеселѣлъ.

— Ну, вотъ и отлично!—одобрилъ Псалмопѣвецъ, замѣтивъ перемену въ товарищѣ.— А то нѣ, и руки оцусить! Какой же ты есть послѣ сего мужчина? Не писала тебѣ ничего Соня?

— Нѣтъ, что ты!—промолвилъ Крестовоздвиженскій.

— А что тутъ страннаго?

— Я вотъ хотѣлъ было...

— Пасчетъ чего? Ужъ не съ жалобой ли: меня-де, сиротнику-мальчика, обидѣтъ хотятъ. Поддержите, Сонечка! Не такъ ли?

Крестовоздвиженскій улыбнулся догадкѣ пріятеля.

— И думать не могли!—рѣшительно сказалъ Псалмопѣвецъ:—все испортишь.

— Я и самъ такъ рѣшилъ.

— Разумѣется! Юнон дѣвнцы не любятъ, да и ладно дѣлаютъ. Противны плаксы! Это я только по добротѣ моей все выношу,—шутливо докончилъ Псалмопѣвецъ.

Крестовоздвиженскій разсмѣялся.

— Печего смѣяться, братъ. Конечно, я добрый. По-настоящему тебя надо ругать. Эхъ, Яковъ, если бы я полюбилъ серьезно, такъ я бы чорта самого не испугался, вотъ что!

— Полюби.

— Не могу. Можетъ, потомъ и полюблю, а теперь нѣтъ такой. Ну, и забавляюсь.

Онъ взглянулъ въ окно и воскликнулъ:

— А вотъ и будущій пастырь грядетъ ко мнѣ!

— Кто?—спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Иванъ Кедровскій. Этотъ вотъ не мечется. Лучше, говорить, поповскаго мѣста и нѣтъ.

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась тощая, долговязая фигура рыжаго семинариста — неуклюжаго, одѣтаго въ поношенный костюмъ.

— Отче Иване! Правда вѣдь, что попомъ быть всего лучше?—спросилъ Псалмопѣвецъ.

— Всеконечно,—тоненькимъ голоскомъ отвѣтилъ Кедровскій, здороваясь.—А что?—прибавилъ онъ, посмотрѣвъ вопросительно сначала на хозяина, потомъ на гостя:—развѣ Крестовоздвиженскій въ этомъ сомнѣвается?

— Онъ убѣжденъ въ противномъ,—отвѣтилъ Псалмопѣвецъ.

— А самъ идетъ въ поны?

Кедровскій хихикнулъ.

— Нѣтъ, онъ идетъ не въ поны, а въ доктора, отче Иване!

Кедровскаго озадачили этотъ отвѣтъ. Но онъ какъ бы сообразилъ что-то и сказалъ, улыбаясь:

— Этому нельзя повѣрять. Его уже прочать въ духовную академію, а я вотъ сейчасъ слышалъ, что будто бы о. Никифоръ Осокинъ сдаетъ ему мѣсто съ дочерью. Чему вѣрять—не знаю.

— И то и другое вздоръ!—произнесъ Псалмопѣвецъ.—Яковъ идетъ въ медки.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Кедровскій.—Вѣдь, приходи о. Никифора такой, что за него всѣ готовы подратъся.

— И ты въ томъ числѣ?

— Ужъ не отетану.

— Рыломъ, братъ, не вынешь,—сказалъ Псалмопѣвецъ, засмѣявшись:—въ Янку-то дочь о. Инкифора влюбитья можетъ, а на тебя и плюнуть не захочеть.

Кедровскій не обидѣлся словами товарища. Его занимало другое.

— Если Крестовоздвиженскій серьезно... — началъ онъ:—такъ это... Но только я не вѣрю! Зачѣмъ въ мѣдики? Опять учиться, а тутъ покойно, мѣсто доходное, дѣвушка красивая, живи...

— Да плоды дѣтей! — подхватилъ Псалмопѣвецъ.— Охъ, Ванька, не смущай моего Якова!

— Да развѣ ваши родители согласны?—не слушая Псалмопѣвцева, произнесъ Кедровскій, обращаясь къ Якову Аонасьевичу.

— Пока нѣтъ,—неохотно отвѣтилъ онъ.

— И не согласятся,—увѣренно произнесъ Кедровскій.

— Ну, такъ что жъ? Развѣ Янка безъ нихъ не обойдется?—сказалъ Псалмопѣвецъ.

— Мм... Какъ сказать!.. Можетъ выйти изрядная непріятность.

— И даже очень большая, если ты будешь говорить глупости,—произнесъ Неофитъ.—Ты идишь въ поны—и иди, и нечего много разсуждать.

Онъ подошелъ къ Крестовоздвиженскому и, хлопнувъ его по плечу, промолвилъ:

— Ну, ты чего опять! Не слушай этого пона! Не сдадимся, братъ, мы не таковскіе! Правда, вѣдь?

Онъ улыбнулся, заглядывая въ глаза пріятелю. Тотъ очнулся и отвѣтилъ поспѣшно:

— Конечно.

Но въ его отвѣтъ не было той увѣренности, которая свидѣтельствовала бы о его мужественной готовности «бороться не на животъ, а на смерть».

— Эхъ, Яковъ!—пропнесь Псалмопѣвецъ съ недовольствомъ въ голосъ.

Кедровскій и Крестовоздвиженскій выжили вмѣстѣ. Дорогой въ разговоръ первый опять коснулся мѣста, сдаваемого о. Никифоромъ. Онъ удивлялся, какъ это можно отказаться отъ такого прихода. Вѣдь, тамъ священникъ подучаетъ 2.000 рублей, а дочь о. Никифора—красавица. И какъ ѣхать безъ родительскаго благословенія! Помимо ссоры, еще и другое: чѣмъ жить? уроками? Не всегда ихъ найдешь, да и много ли достанешь? Придется бѣдствовать, голодать, а тутъ обезнеченное, покойное житье.

Разсужденія Кедровскаго начали раздражать Якова Аонасьевича тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ его души таились тѣ же сомнѣнія и тѣ же опасенія. Любовь къ Соиѣ подвигала его на борьбу, но его кроткой, мягкой душѣ была тяжела всякая борьба и ненавистны ссоры. Онъ шелъ на борьбу по необходимости, неохотно. Слова Псалмопѣвцева его ободряли, а разсужденія Кедровскаго угнетали и поднибали крылья, которыя и такъ были слабы. Яковъ Аонасьевичъ невольно раздѣлялъ мысленно многія мнѣнія Кедровскаго и въ то же время злился на него за то, что онъ такъ ясно и просто говоритъ о томъ, чего онъ самъ боится и касаться. Крестовоздвиженскій не выдержалъ, рѣзко оборвалъ товарища и, противившись, разстался съ нимъ.

XV.

О. Аонасiй вернулся въ отсутствiе сына. Анна Михайловна въ раздумьи сидѣла у окна, выходившаго въ садъ. Ея глаза были заплаканы, и на лицѣ ясно отпечатывалась та скорбь, какую испытывала она. Анна Михайловна любила сына больше, чѣмъ дочерей. Ей было понятно его горе и жалко его. Она вспомнила, какъ ее выдавали замужъ за о. Аонасiя, хотя ей нравился правленскiй чиновникъ: она тогда много плакала, тосковала, но потомъ привыкла и сжилась. Конечно, и сыну теперь тяжело, если онъ полюбитъ хозяйскую племянницу. Но, вѣдь, нельзя же ему на ней жениться. Это одно безразсудство. Какая тамъ медицинаская академiя, когда предлагаютъ такое хорошее мѣсто? Дуня не уродъ, а очень хорошенькая. Отчего ей не полюбить? И, конечно, Яковъ полюбить. У Дуни ангельскiй характеръ. Потомъ все сладится по-хорошему, только придется пережить первое время. Анна Михайловна разсуждала о женитьбѣ сына, какъ уже о совершившемся фактѣ. Она не вѣрила въ то, что онъ пойдетъ противъ ихъ воли, она не могла этого допустить. Но она жатѣла сына и была недовольна тѣмъ, что мужъ такъ грубъ съ нимъ. Нельзя не удержать молодого человѣка отъ безумства, но надо обращаться съ нимъ мягче, ласковѣе. Анна Михайловна обвиняла о. Аонасiя за его рѣзкость и потому, когда онъ, вернувшись, довольнымъ тономъ объявилъ, что «все улажено, владыка согласенъ», она спокойно, но съ нескрываемымъ неудовольствiемъ замѣтила мужу:

— Что улажено? Еще, вѣдь, не знаешь, согласится ли Яковъ.

— Какъ онъ смѣеть!

— А ты умѣрь себя, отецъ,—перебила Анна Михайловна:—больно расходился, какъ я погляжу, а надо и благоразуміе имѣть. Думаешь, только крикомъ да строгостью и возьмешь? Нонѣ и съ работникомъ ничего не сдѣлаешь, а вѣдь онъ не мужикъ.

— Воля отца, попадья...

— Слышала я это,—перебила жена:—никто воли у тебя не отнимаетъ. Да вѣдь и у него воля есть. Воцѣ исаломцикова дочь показала отцу волю, а вѣдь дѣвка; ты же хочешь сына одной строгостью взять. Времена нонѣ не тѣ!

— Что жъ, по-твоему, погладить его по головкѣ, да и сказать: вотъ тебѣ, любезный сынокъ, мое благословеніе, дѣлай, что хочешь!—насмѣшливо произнесъ о. Аванасій.

— Я, вѣдь, не ему, отецъ, а тебѣ говорю,—промолвила попадья.—Развѣ я ему это скажу? Не благословлять на глупость надо, а дѣйствовать добрымъ словомъ. Что онъ у насъ: буянъ что ли какой? Кажется, не такого сорта человекъ.

— Былъ, мать.

— Полно! Какой былъ, такой и остался.

— Да, вѣдь, ты слышала, что говорилъ?

— Ну, что жъ? Смуглили парня. Мало ли что въ голову взбредеть? Отъ словъ до дѣла еще далеко. Строгостью да крикомъ ты только раздражишь его. А если пойдетъ на то, такъ что ты съ нимъ подѣлаешь? Уѣдетъ, и вся педолга?

— Пусть-ка!

— Ну, чего ты? Вѣдь, и самъ понимаешь, что я говорю правду. Ты думаешь его запугать. Не всегда это

попадаетъ въ цѣль, особливо если дружки подзадорять. Я тебя дома упранивала, не послушался...

— Ну, ну, учи! Я глухъ, видно, сталъ!—произнесъ о. Афанасій, раздражаясь.

— А ты не сердись, — спокойно продолжала Анна Михайловна.— Кто тебя глухимъ считаетъ, полно! Надо спасать Яшу, а не губить. Ласкою его возьмишь скорѣе. Я его знаю. Онъ смиренный, это правда, и тебя всегда боялся, ну, да вѣдь въ жизни всякія обстоятельства бывають. То случается, что и у смиреннаго страхъ пропадаетъ, если ужъ очень...

Анна Михайловна не хотѣла открывать мужу тайны сына, боясь вызвать въ немъ новый взрывъ гнѣва.

— Что же ты не доканчиваешь?—сказалъ о. Афанасій, когда жена остановилась на мгновеніе, сообразивъ, что она начинаетъ проговариваться.— Какія такія обстоятельства у него? Я не знаю. Онъ тебѣ говорилъ?

— Ничего онъ мнѣ не говорилъ, — промолвила Анна Михайловна:— а я насчетъ академіи и товарищей. Ты все его мальчикомъ считаешь по привычкѣ, а этому мальчику ужъ двадцать второй годъ. Вѣдь у него и самолюбіе проснуться можетъ. Знаешь: гни вѣтку, да не сламывай. Излишнею суровостью можешь такъ его раздражить, что онъ на рожонъ попретъ.

— А и пусть тогда гибнетъ, если хочетъ!—воскликнуть гнѣвно о. Афанасій.

Анна Михайловна не то съ сожалѣніемъ, не то съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— И ты, отецъ, это говоришь? Да развѣ не тебѣ, не намъ придется отвѣчать передъ Богомъ за его гибель?

О. Афанасій развелъ руками.

— Ну, — проговорилъ онъ:— я ужъ не знаю, какъ

теперь и поступать! И вотъ брошу все, дѣлай сама, какъ знаешь!

— И объ одномъ тебя прошу, Аѳанасій Григорьевичъ: удержи себя, будь съ нимъ добрее, ласковее. Самъ увидишь, что выйдетъ лучше.

Въ коридорѣ послышались шаги.

— Никакъ это Яковъ вернулся, — испотомъ сказала Анна Михайловна, оглядываясь.

Она была права. Въ комнату вошелъ сынъ.

Стараясь не глядѣть на отца и мать, молодой человѣкъ повѣсилъ фуражку на гвоздь и остановился, видимо, не зная, что дѣлать и какъ держаться. Его тяготило и стѣсняло присутствіе родителей. Это поняла Анна Михайловна, обладавшая чуткостью сердца.

— Пойдемъ-ка, отецъ, къ хозяйкамъ, — сказала она, — Имъ надо позаняться. Вѣдь завтра послѣдній экзамень; не будемъ мѣшать ему.

О. Аѳанасій продолжалъ сидѣть. Ему хотѣлось поговорить съ сыномъ.

— Ну, идемъ, идемъ, — повторила Анна Михайловна съ той властной поткой въ голосѣ, которая рѣдко проявлялась у нея, но всегда дѣйствовала на мужа. Онъ всталъ и пошелъ за женой, насунившись и тяжело дыша, что означало у него внутреннее волненіе, которое онъ старался подавить.

Пуниковъ сидѣлъ въ столовой и набивалъ панипросы.

— А мы къ вамъ, — гораздо любезнее, чѣмъ недавно, — проговорила Анна Михайловна: — ужъ дозвольте посидѣть, а то мы Имъ мѣшаютъ заниматься.

— Пожалуйста, я очень радъ, — произнесъ Пуниковъ. — Ну, что, о. Аѳанасій, какъ ваши дѣла? Мы и не ждали васъ совсѣмъ.

— Гдѣ и ждѣть,—промолвила поспѣшно Анна Михайловна.—Мы и сами не думали, да Леонасія Григорьевича по дѣлу вызвали, а я и увязалась. За одно, говорю, и Ину привеземъ. А вы это что, соломеннымъ вдовцомъ живете?

— Да, сиротой остался, — съ улыбкой отвѣтилъ чиновникъ:—жена уѣхала въ Ярославль провожать племянницу да съ ея матерью повидаться. А вотъ сейчасъ получилъ письмо. Жена пишетъ, что ѣдетъ съ сестрой въ Москву и тамъ пробудеть около недѣли. Раскутилась моя суружница... Чего добраго, сбѣжить совѣмъ!

Онъ засмѣялся, находя свою шутку очень остроумной.

— Да какая это племянница, Павель Ивановичъ? И ее у васъ и не видала совѣмъ,—дѣлanno простодушнымъ тономъ промолвила понады.

— Она недолго гостила у насъ. Ея мать, сестра моей жены, служила начальницей приюта въ Самарѣ, а теперь получила новое мѣсто въ Петербургѣ.

— Въ Петербургѣ?—переспросила Анна Михайловна.—Вотъ что... Хорошее мѣсто?

— Ничего. Жалованья больше, чѣмъ въ Самарѣ.

— А дочекъ-то много еще, кромѣ той, что гостила у васъ?

— Одна дочка только.

— Одна? Ну, значить, балованная дочка.

— Какое баловство, — проговорилъ Пушковъ, прилаживая мундштукъ къ напирсоу:—для баловства нужны средства, а мать живетъ только на жалованье. И Соня хочетъ взять мѣсто учительницы.

— Что жъ, если воспитаніе позволяетъ, то отчего же и не взять... Служба благородная. Конечно, дѣвушка

замужъ выйти, вотъ главное... Поди, ужъ и женишки сватаются?

— Ниче, Анна Михайловна, женихи-то любятъ деньги да приданое, а за Соней нѣтъ ничего, — сказать Пушкивъ. — Дѣвушка она красивая и умная, но безприданница.

— А что и надо, Павелъ Ивановичъ, какъ не умъ да не характеръ хорошій. А если еще при этомъ красота да домовитость, это лучше всякаго приданого.

— Это конечно, — согласился Пушкивъ.

Онъ закрылъ ящикъ съ папирсами и, сдунувъ табачныя крошки со стола на бумагу, выкинулъ ихъ за окно.

— Соня дѣвушка хорошая, — произнесъ онъ, садясь на прежнее мѣсто, — только вотъ повеселиться любить, это вѣрно. И ей говорю какъ-то: согласилась ли бы ты стать понадѣей? — Она и руками замахала: «Ии за что, — говорить, — пошь не мужчина». Ха-ха-ха! Слышите? Вотъ какъ разсуждаетъ!

— Гм! — крикнулъ о. Аѳанасій и посмотрѣлъ на жену. Та посиѣнила отвѣтить хозяйну:

— Совсѣмъ свѣтская барышня, значить, ваша племянница. При такихъ мысляхъ ей за священника выходить и думать нечего.

«Она, она повліяла на Якова, это ясно», — подумала Анна Михайловна

— А что, матушка, не будемъ ли мы пить чай? — предложилъ Пушкивъ. — Вѣдь вы, сегодня не обѣдали.

— Не хотѣлось, Павелъ Ивановичъ, раньше закусили... А чайку можно наняться, и Яна попьетъ съ нами. Вотъ пособилъ бы Богъ ему завтра экзаменъ сдать хорошо, и дѣлу конецъ.

— А тамъ и въ академію, — сказать хозяйникъ.

— Зачѣмъ туда? Конечно, но успѣхамъ онъ достоинъ, ему и предлагать навѣрное, — съ гордостью проговорила Анна Михайловна, — да хочется намъ его на мѣсто устроить. И безъ академіи живутъ люди.

— Развѣ ужъ есть мѣсто? — спросилъ Пунковъ.

— Да... имѣется въ виду, — уклончиво отвѣтила понадыя.

За чаемъ опять больше говорили Пунковъ и Анна Михайловна, которая очень внимательно посмотрѣла на сына, когда хозяинъ передать поклонъ отъ жены и Соини. Яковъ Аонасѣевичъ вскинулся. Понадыя едва замѣтно съ сокрушеніемъ покачала головой и заговорила съ хозяиномъ о чемъ-то, отвлекая его отъ разсказа о Марѣ Ивановнѣ и Соинѣ.

Послѣ чая молодой человѣкъ отправился опять къ себѣ заниматься, Анна Михайловна съ мужемъ вышли въ садъ. Здѣсь о. Аонасій передать жемъ подробности своей бесѣды съ архіереемъ, который дать слово «воздѣйствовать» на молодого человѣка.

— Онъ прямо сказалъ: «не академія важна, а важно благочестіе». А оно де не въ академіи фабрикуется.

— Ну, да, — не безъ ѣдкости замѣтила Анна Михайловна: — потому такъ и говорить, что въ академіи-то послѣднимъ кончить.

— А умница, мать, это ужъ вѣрно, — заступаясь за владыку, замѣтилъ о. Аонасій.

Не находя нужнымъ спорить, Анна Михайловна только промолвила, тревожась за сына:

— Не испортилъ бы онъ... Какъ начнетъ по своему обыкновенію лютовать, — Яковъ, пожалуй, и дерзость скажетъ.

— Развѣ онъ посмѣетъ?

— Ну, отецъ, и овцы брыкаются, и не во всякую минуту человѣка можно окрикомъ взять.

— А знаешь что,—вдругъ промолвилъ о. Аѳанасій:— мнѣ начинаетъ сдаваться, что эта дѣвушка, племянница-то хозяйская, тово... по сердцу припалась Якову. Она на него и подѣйствовала.

«Наконецъ-то догадался», съ сожалѣніемъ подумала про себя Анна Михайловна. Но она не хотѣла укрѣплять въ мужѣ этой догадки и проговорила недовольнымъ тономъ:

— Чего еще сочиняешь! Похожаго ничего нѣтъ. Долго ли она жила? Самъ знаешь: Яковъ и ходить-то къ хозяйкамъ не любилъ.

И она заговорила съ мужемъ о хозяйственныхъ дѣлахъ.

XVI.

Архіерей гулялъ по широкой аллеѣ своего сада, расположеннаго на высокой горѣ, обросшей по краямъ тополями и березами. Онъ ходилъ, заложивъ лѣвую руку за спину и держа въ правой широкополую шляпу. Это былъ высокій, плотный человѣкъ, съ круглой большой головой, совершенно лысеной волося. Изъ-подъ нависшихъ бровей смотрѣли острые сѣрые глаза. Щеки и подбородокъ были жирные, нѣсколько обвислые. Усы и борода рѣдкіе, сѣдые. Грушевидный, красный носъ, ск-

дѣвнѣй на широкомъ кругломъ лицѣ невольно каждому бросался въ глаза. Архіерей происходилъ изъ духовныхъ и началъ служебную карьеру сельскимъ попомъ, но если бы съ него снять рясу и одѣть его въ военный мундиръ, онъ выглядѣлъ бы настоящимъ командиромъ. Его рѣзкія, рѣшительныя манеры многимъ не нравились, равно какъ и его крутой горячій характеръ. Онъ любилъ раснекать и поучать. Его голосъ то грозно повышался, если слушатель былъ достоинъ кары, то журчалъ, какъ ручеекъ, когда владыка старался кого-нибудь убѣдить или разговаривалъ съ дамами. «Съ попами» онъ былъ вообще грубоватъ, иногда даже лютъ, кричалъ, бранился. Разъ онъ въ алтарѣ швырнулъ такъ книгу, что та на-лету задѣла дьякона.

— Ты чего подвертывася? — съ досадой промолвилъ архіерей и грозно посмотрѣлъ на дьякона; тотъ весь съежился, какъ будто онъ былъ виноватъ въ самомъ дѣлѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ владыка уже милостиво обратился къ дьякону. Въ общемъ архіерей отличался добродушіемъ, но его горячность, шедшая объ руку съ грубостью, наносила чувствительные удары самолюбію «отцовъ». Многіе скоро забывали свои обиды, подкупаемые архіерейскимъ добродушіемъ и довольные его шутками съ ними въ иное время. Но были и такіе, которые глубоко страдали отъ архіерейской грубости. Къ достоинствамъ владыки надо было отнести его энергію и административныя способности. «Онъ совсѣмъ епархіальный губернаторъ», говорили про него, смѣясь, мѣстный прокуроръ.

Архіерей услыхалъ позади себя шаги, оглянулся и остановился. Подбѣжалъ молодой служка.

— Ты что, Сократъ?

— Ваше преосвященство, принель семинаристъ Крестовоздвиженскій, которому вы приказали явиться сегодня.

— Гдѣ онъ?—промолвилъ архіерей, сдвигая брови.

— На дворѣ, ваше преосвященство.

— Позови его сюда!

Служка бѣгомъ бросился по аллеѣ. Владыка подошелъ къ дивану, между тополями, опустился на него и надѣлъ шляпу.

Увидя подходившаго Крестовоздвиженскаго, архіерей всталъ и пошелъ въ противоположную сторону по аллеѣ, потомъ повернулъ назадъ, на-встрѣчу семинаристу, и пріостановился.

Иковъ Аванасьевичъ, еще за нѣсколько шаговъ снявши фуражку, сдѣлалъ низкій поклонъ и затѣмъ подошелъ подъ благословленіе владыки. Архіерей широкимъ размахомъ осѣнилъ молодого человѣка, который облобызалъ настырскую руку и, не надѣвая фуражки, ждалъ, что скажетъ преосвященный.

— Ты это что же опоздалъ?—спросилъ архіерей строго.

— Простите, ваше преосвященство, задержалъ отецъ ректоръ.

Архіерей пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка и промолвилъ съ усмѣшкой:

— Вѣдь все вы, медики, вольнодумцы. Ты, вѣдь, медикомъ хочешь быть?

Онъ повернулъ въ боковую аллею и, не оборачиваясь, отрывисто кинулъ семинаристу:

— Иди сюда.

Крестовоздвиженскій повиновался, но пошелъ не рядомъ, а чуточку позади, однако такъ, чтобы владыкѣ было удобно разговаривать съ нимъ.

— Такъ медикомъ хочешь быть? — снова спросилъ архіерей.

Въ тонѣ его слышалась пропія, а не гнѣвъ.

— Имѣю желаніе, ваше преосвященство.

— А въ духовную академію не хочешь? Противишься волѣ отца?

— Батюшка тоже не хочетъ, чтобы я поступилъ въ академію, ваше преосвященство.

— А почему не хочетъ? Боится за тебя. Онъ-то благочинный, а ты-то человѣкъ безчинный, ибо безчинства творить собираешься.

Архіерей вдругъ въ полуоборотъ посмотрѣлъ на семинариста и спросилъ:

— Отчего въ поны не хочешь, а?

— Призванья не имѣю, ваше преосвященство.

— А ты почему это знаешь?

— Не чувствую его въ себѣ.

— Ишь чего захотѣлъ! — воскликнулъ архіерей. — Хочешь быть богоизбраннымъ... А ты будь, какъ всѣ. Призванья нѣтъ, потомуъ познаешь на дѣлѣ. Я самъ поступилъ въ поны, не чувствуя ничего, а потомъ и понялъ, что на дорогѣ стою. Все воспитаніе твое тебя къ духовному сану приуготовляло, а ты говоришь — не чувствую. Богословскія науки прошелъ, — чего же тебѣ?

— Ваше преосвященство, — осмѣлился заявить Крестовоздвиженскій: — знанія одного мало, надо горячее желаніе. Священство подвигъ. Вселенскій учитель Златоустъ боялся принять санъ священства и отказался, а я ли достоинъ?

— Полно тебѣ вздоръ молоть, — рѣзко оборвалъ владыка. — Что ты на Златоуста ссылаешься? Безъ тебя знаю! Дорога Златоуста терниста и крута, гдѣ намъ идти

по ней! А что про недостойнство ты свое упомянулъ, такъ вѣдь давно сказано: «никто недостойнъ отъ связавшихся плотскими похотями и сластями приходити или приближатися Царю славы». А ты молишь, проси Бога «очистить совѣсть твою отъ мертвыхъ дѣлъ во еже достойно служити Богу живу и истинну, милостиву быти неправдамъ твоимъ». Вотъ что! Ты, я вижу, любишь много мудрствовать.

Архіерей послѣдною фразою произнесъ недовольнымъ тономъ, повышая голосъ. Но онъ сейчасъ же опять заговорилъ тише и не такъ рѣзко:

— Ты, можетъ-быть, считаешь священство малополезнымъ? Выше его ставишь докторство, а?

— Не дерзаю такъ думать, ваше преосвященство,— отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Не дерзаю! — передразнилъ архіерей.— Ты не на словахъ мнѣ почтеніе-то оказывай, не языкомъ, а послушаніемъ. Говоришь смиренно, какъ монахъ, а упорствуешь, какъ раскольникъ. Не дерзаю! Еще бы дерзать! Что такое докторство? Всякій шалопай можетъ рѣзать людей да морить ихъ. Велика миссія! А что такое іерей? Ты объ этомъ думаешь? Твердо знаешь писаніе? Апостолы говорятъ: «родъ избранный, царское священіе, люди обновленія, званія небеснаго причастицы»... А еще: «посланныки Христовы, ловцы человековъ грѣшныхъ во спасеніе»... Что ты скажешь на сіе? а? Равносильно это докторству?

— Я согласенъ, ваше преосвященство.

— А если такъ, то иди и наставляй.

— Я еще самъ нуждаюсь въ наставленіи, ваше преосвященство,— искренно произнесъ семинаристъ.

— Это ты прекрасно сказалъ; что вѣрно—то вѣрно.

А для сего есть у тебя великіе учителя, отцы церкви...
Читай, изучайся... А ужъ въ твоей рѣзальнѣ тебя на
путь истинный не наставятъ. Тамъ скорѣе всего невѣ-
ромъ сдѣлаешься. Ты почему хочешь на медицинскій?
Призваніе у тебя?

— Да, ваме пресвященство.

— А кто тебѣ сказалъ? Конку рѣзаль и убѣдился,
а? Философъ! Да ты знаешь ли, что съ третьяго курса
многіе сбѣгаютъ, а ты уже здѣсь рѣшилъ — призваніе!
Ты хочешь служить на пользу народа?

— Да, ваме пресвященство.

— А въ понахъ, полагаешь, нельзя? Въ медикахъ и
безъ тебя много народа, чего ты лѣвешь?

Архіерей медленно шагаль, держа, по привычѣ, за
спинной лѣвую руку.

— Ты думаешь, — продолжалъ онъ, — поповъ настоя-
щихъ много? Не густо. Другому бы лошадыи торговать
надо, а онъ въ поны залѣзъ. А если у тебя совѣсть
такая чуткая, такъ и иди въ поны, учи народъ, этотъ
темный, невѣжественный народъ. Будь не насмшникомъ,
а пастыремъ. Ты думаешь, что нужда только въ однихъ
медикахъ? Народу хорошій понь лѣкаря важнѣе. Пошло
безвѣріе, тутъ лѣкаря ничего не подѣлають. Слушаешь,
философъ?

Архіерей оглянулся и добавилъ:

— Иди рядомъ со мной.

Крестовоздвиженскій повиновался.

— Я тебя понимаю, — промолвилъ архіерей, помолчавъ
немного. — Ты очень высоко смотришь на самъ іерея.
Это похвально, вотъ это-то самое и говорить за то, что
ты будешь хорошимъ пастыремъ: въ тебѣ страхъ Божій.
Ты самъ не понимаешь, что созданъ для іерейства, за-

блуждаешься, разсуждая иначе. Тебя кто-нибудь настропль, а ты не поддавайся. Иди въ поны, Богу послуживши и родителямъ радость доставивши. Развѣ тебѣ будетъ сладко, если на старости дѣтъ отца огорчишь, а что если онъ не перенесетъ, а? Отцеубійцей хочешь быть?

Крестовоздвиженскій невольню поблѣднѣлъ при послѣднихъ словахъ архіерея. А тотъ продолжалъ:

— Ты долженъ, какъ хорошій и благодарный сынъ, покоряться родителямъ. А мѣсто... Ты знаешь, куда тебя прочить отецъ?

— Да, ваше преосвященство.

— Онъ былъ у меня, я далъ согласіе. Видишь, какъ я тебя цѣню. Такому юнцу—какой приходъ даю.

— Очень благодаренъ вамъ, ваше преосвященство.

— А дѣвцу знаешь? Дочь о. Никифора Осокина?

— Знаю, ваше преосвященство.

— Правится тебѣ она?

— Ваше преосвященство, я ея не люблю.

Архіерей строго и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на семинариста.

— Не любишь? Ну, потомъ полюбишь, если она хорошая дѣвушка. Или, можетъ-быть, ты уже любишь другую?

Онъ опять посмотрѣлъ на семинариста.

— Да, ваше преосвященство! — невольню вырвалось у молодого человека.

— Вотъ что! Кто же она: здѣшняя, духовнаго званія?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, она изъ Самары.

— А ты развѣ тамъ былъ?

— Она сюда прѣзжала.

— Чья же дочь?

— Свѣтскаго званія, ваше преосвященство.

— Гм!— произнесъ архіерей и, помолчавъ, промолвилъ:—а не вздоръ все сіе, на манеръ твоего призванія, а? Повертѣлась дѣвица и поправилась. Улетѣла— тоска взяла. А вотъ узнаешь другую, и та понравится. А эту забудешь... а?

— Нѣтъ, ваше преосвященство.

— Такая ужъ крѣпкая любовь?

Крестовоздвиженскій замѣтилъ по тону архіерей, что онъ остался недоволенъ послѣднимъ отвѣтомъ, но онъ вдругъ, самъ не зная почему, промолвилъ:

— И уже слово дать, ваше преосвященство.

— А какъ же ты могъ дать слово безъ отцовскаго согласія?

И голосъ владыки зазвучалъ грозно. Очевидно, послѣднее заявленіе семинариста привело архіерей въ гнѣвъ.

— Какъ же ты смѣлъ такъ поступить?—еще строже повторилъ владыка.—Вотъ оно: еще не сталъ медикомъ, а уже вольнодумство проявилъ, зановѣдь Божию забыть.

Крестовоздвиженскій молчалъ, зная, что всякое возраженіе теперь еще больше раздражитъ архіерей, который утихалъ только тогда, когда передъ нимъ покорно молчали.

Они подходили къ бесѣдкѣ. Архіерей вошелъ въ нее. Крестовоздвиженскій остановился у входа.

— Иди сюда! Садись!—сказалъ архіерей, взглянувъ на семинариста. Его смиренный видъ и молчаніе смягчили архіерей. Онъ заговорилъ мѣлче грозно, но такъ же внушительно.

— Ты поступилъ легкомысленно и опрометчиво. Богъ тебя проститъ. Слушай: выбрось дурь изъ головы. Это все одно навоеженіе. Ты сынъ іерея, получишь образо-

ваніе духовное, у тебя всё данныя къ тому, чтобы быть достойнымъ іереемъ: и знаніе, и пониманіе долга, и любовь къ народу, къ будущей наствѣ. И сердце у тебя доброе. Ну, легкомысленность это вопросъ времени. Молись, и Богъ тебѣ поможетъ. Говорю: навожденіе!.. Не поддавайся ему!.. Отблагодари родителей за всё ихъ заботы; а поступишь иначе—Богъ тебя накажетъ. О красавицѣ своей перестань думать. Дочь пона Инкнфора хорошая дѣвушка. Я былъ у него зимой, видѣлъ ее, разговаривалъ. Разумница и лицомъ пригожая. А тебѣ...

Въ этотъ мигъ подошелъ служка, тотъ самый, который докладывалъ о приходѣ Крестовоздвиженскаго.

— Ты что опять? — съ неудовольствіемъ спросилъ архіерей.

— Отецъ архимандритъ изъ Спасскаго монастыря пріѣхали.

— Ладно, скажи, что сейчасъ буду. Ступай!

Архіерей поднялся со скамейки и обратился къ семинаристу:

— Такъ вотъ что, философъ: поступиай такъ, какъ я тебѣ говорю. Я добра тебѣ желаю, хочу твоего отца обрадовать. Экзамены ты всё кончилъ, съ Богомъ поѣзжай домой и, если считаешь во что-нибудь мои настырскія слова, такъ и дѣлай такъ, какъ я говорю: женись, а по осени я тебя посвящу, въ гости къ тебѣ пріѣду, понады молодая широгомъ угостить...

Архіерей вошелъ въ хорошее настроеніе, въ которомъ онъ любилъ шутить и острить.

— Ну, пди.

Онъ опять благословилъ семинариста. Крестовоздвиженскій облобызалъ его руку и пошелъ по боковой аллеѣ. Онъ былъ разстроень и подавленъ словами архі-

ерся. Они подняли въ душѣ молодого человѣка старое, забытое, и задѣли тѣ струны души, которыя молчали за послѣдніе дни. Тяжелая тоска наполнила сердце семи-париста.

— Ну, что, Яшенька?—спросила Анна Михайловна, когда онъ вернулся домой.

Она пристально глядѣла на него, стараясь узнать по лицу то впечатлѣніе, какое произвелъ на сына разговоръ съ архіереемъ.

— Ничего,— коротко и неохотно отвѣтилъ Яковъ Леонасьевичъ.

Анна Михайловна не стала разспрашивать. Она поняла, что сынъ въ такомъ настроеніи, что всякіе разспросы только раздражатъ его. «Пусть вымолчится, — рѣшила она:— а тамъ исподволь все разкажетъ самъ, или я допытуюсь.

Она только спросила, какъ бы между прочимъ:

— Не лютъ былъ архіерей-то?

— Цѣтъ, много говорилъ и даже распутился: обѣщался пріѣхать на пироги къ намъ, т.-е., когда я женюсь и буду пономъ.

Крестовоздвиженскій упомянулъ объ этомъ, какъ о событіи, которое никогда не случится.

Анна Михайловна неопредѣленно улыбнулась и замѣтила:

— Вотъ какъ! Значить, въ добромъ настроеніи былъ владыка.

И сейчасъ же добавила:

— Надо собираться, Яша, въ деревню. Хотя отецъ-то и раньше уѣхалъ, да что онъ тамъ безъ меня: я ему въ обѣднѣ не помощница, а онъ мнѣ въ хозяйствѣ.

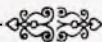
Въ этотъ же день поздно вечеромъ они уѣхали въ

Домкино. Анна Михайловна очень дружески простилась съ хозяиномъ, благодарила его за добрую ласку и вниманіе къ сыну, просила кланяться Марьѣ Ивановнѣ и также поблагодарить ее. Павелъ Ивановичъ расцѣловался съ Крестовоздвиженскимъ и пожелалъ ему счастья въ брачной жизни.

— Я сегодня иду въ Москву. Кланяться? — спросилъ Пушковъ.

— Кланяйтесь, — отвѣтилъ Яковъ Аонасѣевичъ и ничего не прибавилъ болѣе.

Ему хотѣлось спросить: долго ли пробудутъ въ Москвѣ, и какой петербургскій адресъ, но онъ не спросилъ этого, стѣсняясь присутствіемъ матери, да и другое чувство удержало его отъ этого вопроса.

XVII.

Яковъ Аонасѣевичъ проснулся поздно. Стоялъ чудный лѣтній день. Солнце нагрѣло воздухъ и землю своими жаркими лучами. Небо было совершенно голубое. Изъ огорода въ комнату, черезъ открытое окно, завѣшенное кисейной гардиной, доносилося веселое чирканье воробьевъ и перекликанье двухъ пѣтуховъ, изъ которыхъ одинъ гудѣлъ баскомъ, а другой отвѣчалъ ему высокимъ теноромъ.

Крестовоздвиженскій хорошо выспался, но ему все-таки не хотѣлось вставать. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами

и прилеунивался къ веселому крику птицъ. Солнечные лучи падали на постель поверхъ занавѣски и ласкали его.

Прошло около двухъ недѣль, какъ молодой человѣкъ вернулся въ родную деревню. Онъ отдыхать, исправно поѣдалъ вкусныя лепешки и пироги, пилъ вдоволь молока, которое такъ любилъ, и ничѣмъ не занимался. Псалмопѣвецъ, тоже пріѣхавшій на родину и уже два раза посѣтившій Крестовоздвиженскаго, принесъ ему Бюхнеровскую «Stoff und Kraft», но Яковъ Аонасеевичъ еще не прочелъ въ ней и первой страницы. Его охватила усталость послѣ экзаменаціонной зубрежки и тѣхъ волненій, которыя онъ пережилъ за послѣдніе дни въ городѣ. Онъ ѣхалъ въ Домкино именно съ тѣмъ, чтобы «подготовляться» и «вести борьбу»; но читать мѣшала лѣнь, а бороться пока было не съ кѣмъ. Молодой человѣкъ удивлялся тому, что онъ встрѣтитъ дома. О. Аонасій ни разу не заговорилъ ни о женитьбѣ, ни о священствѣ. Онъ вообще мало говорилъ съ сыномъ, занятый надворными постройками и поправками въ церкви, но относился къ нему такъ, словно и не было никакихъ непріятныхъ объясненій. Онъ говорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ и пересыпалъ иногда свои рѣчи шутками. Яковъ Аонасеевичъ никакъ не могъ рѣшиться, что это значитъ: отказался ли отецъ отъ своихъ требованій, или считаетъ дѣло рѣшеннымъ, въ смыслѣ побѣды надъ сыномъ. Первые два-три дня молодой человѣкъ тревожился въ ожиданіи, чѣмъ все разрѣшится. А потомъ мало-по-малу его охватила лѣнь, и онъ весь отдался во власть ея. О Сонѣ онъ продолжалъ думать и рѣшилъ послать ей письмо, какъ только узнастъ петербургскій адресъ.

Анна Михайловна обращалась съ сыномъ ласково, нѣжно и также ни словомъ не упоминала о женитьбѣ. Она только, между прочимъ, очень тонко высказывала желаніе видѣть сына священникомъ и разъ упомянула объ о. Никифорѣ, замѣтивъ при этомъ, что скоро день его рожденія.

Яковъ Аонасьевичъ былъ радъ всему этому и продолжалъ отдыхать, пользуясь благами деревенской жизни. Онъ цѣлые дни бродилъ по полямъ, въ лѣсу, по тѣмъ мѣстамъ, которыя ему были близки, дороги съ дѣтства. Все оставалось по-старому. То же было здѣсь и въ прошломъ году, и ранѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Словно не годы, а только дни прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые уѣхалъ въ семинарію. Домкино представлялось молодому человѣку какимъ-то заснувшимъ, очарованнымъ царствомъ, гдѣ ничто не мѣняется. Появились, правда, новые люди, незнакомые Якову Аонасьевичу, умерли нѣкоторые старики, и другіе, болѣе молодые, заняли ихъ мѣсто въ житейскомъ обиходѣ, но самый обиходъ, сама жизнь, даже природа, осталась все тѣ же. Вотъ дорожка въ лѣсу, по которой онъ бѣгалъ съ товарищами за ягодами и грибами. Она такъ же извивается, какъ и въ тѣ далекіе годы, спускаясь къ глубокому оврагу. Маленькая рѣчка такъ же лѣниво катитъ свои мутныя воды, и тѣ же старыя березы, ольхи и осины стоятъ по ея берегамъ, которые извиваются, все понижаясь и понижаясь къ сѣверу. И стоятъ деревья, погруженные въ думы о чемъ-то. Что снится имъ? Якову Аонасьевичу припомнилась сказка бабушки про то, какъ деревья ожили и двинулись, охваченныя желаніемъ посмотрѣть свѣтъ. Они затосковали на чужбинѣ о родныхъ мѣстахъ и вернулись назадъ. А тамъ уже росли новыя деревья, кото-

рья не пустили возвратившихся странниковъ; эти послѣдніе горько заплакали, легли на землю и сказали, что они предпочитаютъ смерть на роднѣй жизни въ чужомъ краю. Тоска сказочныхъ деревьевъ понятна Якову Аонасовичу. Онъ любитъ самъ эти родныя мѣста, гдѣ такъ хорошо жилось въ дѣтскіе годы, и ему всегда пріятно возвращаться домой. Иначе онъ не хотѣлъ ѣхать изъ города, но вотъ онъ вернулся, и сразу же его охватило роднымъ тепломъ, повѣяло на него отрадою золотыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Это—не измѣна стремленію къ свѣту; нѣтъ, въ его груди осталась та же жажда науки, и онъ поѣдетъ въ Петербургъ, но всѣ эти впечатлѣнія, навѣваемая родными мѣстами, какъ-то цѣлительно дѣйствовали на него, утишили сразу душевную бурю, дали ему то спокойствіе, которое ему такъ дорого. И думаетъ онъ, не любимѣйшій бурь: «Можетъ-быть, все обойдется безъ борьбы, родители согласятся, и отъѣздъ въ Петербургъ состоится безъ всякой ссоры. Какъ бы это было хорошо! Вѣдь и Соня не хочетъ ссоры, да и зачѣмъ ссориться?»

Псалмопѣвецъ, прощаясь съ пріятелемъ въ послѣдній разъ, замѣтилъ ему:

— Яковъ, ты что-то какъ будто мѣняешься. Ты скульптъ даже пересталъ, а это худо. Ужъ не прельщаетъ ли тебя «мирное и благоденственное житіе»?

— Что ты выдумать?—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, вѣснуивъ.—Я просто отдыхаю. Вотъ скоро всерьезъ займусь.

— Ты очень-то имъ не вѣрь,—продолжалъ Псалмопѣвецъ, кивая головою въ сторону гостиницы, гдѣ въ это время сидѣли родители пріятеля:—если они молчатъ,

это еще не значить, что они уступили. Это, Яша, у нихъ политика.

— Да, вѣдь, ты самъ говорилъ, что надо оттягивать... Если молчать, и хорошо.

— А вдругъ да сразу откроютъ дѣйствіе? Невзначай на тебя нападуть, какъ враги, давшіе противнику заступь и обезоружиться? Будь, Яковъ, на чеку. Молчи, а къ бою будь готовъ... Смотри, братъ!

Дальше говорить Псалмопѣвцеву не пришлось, такъ какъ въ комнату вошла Анна Михайловна.

Она и о. Аванасій встрѣтили Псалмопѣвцева не особенно любезно, но вполнѣ «прилично», какъ рѣшили про себя будущій Воткинъ. Только Анна Михайловна старалась, какъ можно, меньше оставлять гостя наединѣ съ сыномъ, и у нея вызвала видимое неудовольствіе прогулка обонхъ ихъ на сосѣдній погостъ. Крестовоздвиженскій далъ слово пріятелю прійти къ нему, но Анна Михайловна очень ловко, подъ разными предлогами, удерживала сына отъ этого посѣщенія. Однако, Яковъ Аванасьевичъ рѣшилъ непременно завтра отправиться къ товарищу въ Курилово, гдѣ онъ жилъ съ матерью, прозвищей. Но ему не пришлось осуществить свое желаніе. Когда онъ вышелъ въ столовую, которая находилась рядомъ съ кухней и была въ то же время и гардеробной комнатою,—онъ засталъ за самоваромъ у круглаго стола мать и сѣдую, но довольно еще бодрую, старуху. Онъ узналъ въ гостѣ сестру о. Никифора, который, овдовѣвъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пригласилъ ее къ себѣ завѣдывать хозяйствомъ.

— Вотъ, Яшенъка,—промолвила Анна Михайловна, когда сынъ, поздоровавшись съ гостей, сѣлъ къ столу:—

Аноиса Леонтьевна прѣѣхала звать насъ къ себѣ, на рожденный день о. Никифора.

— Пожалуйста,—сказала старуха, обращаясь къ молодому человѣку:—вотъ съ матушкой и съ батюшкой къ намъ милости просимъ. Братецъ и то говоритъ: что это сколько времени живетъ Яковъ Доанасьевичъ, а не заглянетъ къ намъ, или...

Анна Михайловна быстро перебила гостью:

— Пусть о. Никифоръ не осудитъ Яшу, отдыхаетъ онъ послѣ экзаменовъ. Шутка ли, сколько было предметовъ, вѣдь все надо было сдать.

— Что говорить,—согласилась гостья:—мудрости немало. Братецъ, какъ начнетъ перечислять все науки, такъ я просто диву даюсь, какъ это возможно все уяснить. А онъ мнѣ: «я, говорить, сестра, еще половину перезабылъ». И только рукой махну. А онъ емѣется.

Она разсмѣялась и добавила:

— И какихъ только наукъ нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, какая-то гимнастика... ужъ не знаю, такъ ли я говорю?

Она вопросительно посмотрѣла на молодого человѣка.

— Герминевтика,—поправилъ онъ съ улыбкой, намазывая на хлѣбъ масло.

— Ну, вотъ, вотъ, и выговорить — такъ языкъ сломаешь, а тутъ еще надо учить. Ну, да славу Богу, теперь вы ужъ все покончили, и пора вамъ...

Анна Михайловна опять перебила гостью:

— Вотъ Яшенька и отдыхаетъ, потому и не былъ у васъ. А то все собирался, сколько разъ говорить...

Она взглянула на сына, не то вызывая его на подтвержденіе своихъ словъ, не то прося его хотя не возражать ей. Онъ избралъ послѣднее и молча ѣлъ хлѣбъ, запивая его горячимъ молокомъ.

— Такъ уже ждемъ, Анна Михайловна. Жаль, что дочки-то ваши въ отсутствіи. Дуня наказывала безпре-
мѣнно, чтобы онѣ пріѣхали. И долго онѣ прогостятъ у
бабушки?

— Да какъ погостится, Анюса Леонтьевна... Знаете,
бабушки все баловницы... ну, а дѣвчонкамъ это и на
руку...

— Эхъ, кто не любитъ ласку, Анна Михайловна!
Такъ ужъ ждемъ васъ, родная!

— Ваши гости, Анюса Леонтьевна. Яна, что же ты
молчишь, тебя приглашаютъ?

Ей стало даже досадно на сына, и это ясно вырази-
лось въ ея тонѣ.

Яковъ Аонасьевичъ поблагодарилъ старуху и сказалъ,
что непременно будетъ.

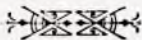
— Мое почтеніе о. Никифору, а также и Евдокіи
Никифоровнѣ,—добавилъ онъ.

Анна Михайловна ласковымъ взглядомъ выразила сы-
ну свое одобреніе.

Гостя скоро уѣхала.

— А я завтра хотѣлъ было къ Неофиту отправиться,—
сказалъ Яковъ Аонасьевичъ.

— Ну, чего тамъ ты забылъ? — не скрывая досады,
промолвила мать и сейчасъ же прибавила мягко: — и
заспался же ты сегодня: смотри-ка, двѣнадцатый часъ!

XVIII.

На другой день все трое отправились въ Озямово, гдѣ священствоваль о. Никифоръ. Нужно было застать обѣдню, чтобы не явиться прямо на обѣдъ.

Утро было ясное, немножко свѣжее отъ вѣтра, тянувнаго съ озера. О. Аонасіи и Анна Михайловна сидѣли въ тарантасѣ, а молодой человекъ помѣстился съ работникомъ на облучкѣ. Сытые кони быстро мчались по дорогѣ, усохшей отъ жаровъ.

О. Аонасіи былъ въ хорошемъ расположеніи духа, благодаря тому, что надворныя постройки ему удалось, а староста, долго упиравшійся, наканунѣ пожертвоваль триста рублей на ремонтъ церкви. Анна Михайловна также была хорошо настроена, потому что она любила посѣщать о. Никифора, добраго, сердечнаго старика, чуждаго всякаго лукавства и никогда не интриговавнаго, какъ многіе другіе «отцы».

— Славный этотъ о. Никифоръ, — говорила всегда попадьа: — вотъ уже не прощра, не льстець и не искатель.

О. Аонасіи соглашался съ женой, но добавляль обыкновенно:

— Только онъ недалекий человекъ, мать.

— Ладно, много ли умниковъ-то? — возражала жена такимъ тономъ, что, будь о. Аонасіи болѣе догадливымъ, онъ непременно обидѣлся бы. — Да что и въ умѣ, если душа черная! — продолжала попадьа. — А у отца Никифора кристальная душенька.

Вся въ отца была и дочь, — такая же искренняя, доврчивая, еще болѣе простенькая, потому что не получила и того образованія, какое имѣль отецъ. Души учи-

лась дома, потому у кого-то въ городѣ, но очень недолго. «Науки» ей не дались, зато руководѣтельница она была на рѣдкость. Анна Михайловна всегда хвалила за это Дуню, но особенно она хвалила дѣвучку сегодня. Попадья обращалась не прямо къ сыну, но говорила такъ, что онъ все слышалъ.

— Ну, мать, — замѣтилъ о. Аонасій: — ужъ ты, кажется, того... въ гиперболу ударилась.

— Какую гиперболу? Что такое ты еще выдумаешь!

О. Аонасій засмѣялся.

— Ты не мудри, Бога ради, отецъ, — съ досадою сказала Анна Михайловна. — Чего еще по-ученому заговорить: вѣдь не съ Яковомъ, а со мной разговариваешь... Что это еще за гипербола?

О. Аонасій не сталъ объяснять, а только опять засмѣялся.

— Вѣрно и самъ-то не знаешь, а туда же за учеными тянешься, — промолвила жена сердито. Но ея недовольство продолжалось недолго. Она опять заговорила о Дуни. Яковъ Аонасеевичъ уже не слушалъ ея. Онъ думалъ о Сонѣ, которую видѣлъ сегодня во снѣ, и о томъ, какой бы найти предлогъ для поѣздки въ городъ. Ему нужно было узнать адресъ Сони. «Марья Ивановна навѣрно вернулась», рѣшилъ онъ.

Показалась колокольня Озямовской церкви, и черезъ нѣсколько минутъ, какъ на ладони, обозначилось все село, посреди котораго стоялъ большой каменный храмъ. Работникъ лихо подкатилъ къ его крыльцу; на ступеняхъ сидѣли крестьяне. Было воскресенье, и многіе пришли въ церковь изъ ближайшихъ деревень.

Анна Михайловна встала на лѣвую сторону у клироса, а о. Аонасій съ сыномъ прошли въ алтарь. Дья-

чокъ,—здоровенный дѣтина, съ большими оттопыренными ушами и съ длиннымъ носомъ, который онъ почему-то придерживать пальцемъ лѣвой руки, — низкимъ басомъ доканчивалъ «Вѣрую». Ему подтягивать дискантомъ какой-то мальчишкѣ, получавшій отъ дьячка каждый разъ, какъ сбивался съ такта, щелчокъ по затылку. О. Никифоръ,—нижепскій, худенькій старичокъ, съ рѣдкими волосами на маленькой головѣ, которая у него немного тряслась,—дрожащими руками колебалъ надъ предложенными Дарамн «воздухъ». Взглянувъ мелькомъ на вошедшихъ, о. Никифоръ облобызавъ «воздухъ» и ставъ его складывать. Вскорѣ, сдѣлавъ послѣдній возгласъ, въ алтарь вошелъ дьяконъ, бодрый широкоплечій старикъ; онъ поздоровался за руку съ о. Аонасіемъ и съ его сыномъ. О. Никифоръ служилъ медленно, говорилъ тихо, едва слышно, и при этомъ голосъ его вибрировалъ отъ внутренняго волненія, такъ какъ старикъ всегда служилъ съ умилениемъ. На молодого человѣка служеніе о. Никифора произвело впечатлѣніе. Охваченный религіознымъ настроеніемъ, онъ молился усердно, какъ не молился уже давно за послѣднее время. Громкое пѣніе дьячка вызвало похвалу у о. Аонасія, но оно не поправилось сыну, который не любилъ холоднаго и безучастнаго пѣнія, а въ пѣніи дьячка не было души, именно того, что возвышало въ глазахъ Крестовоздвиженскаго служеніе старика-священника.

Послѣ возгласа «И да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами», о. Никифоръ подошелъ къ о. Аонасію, и они облобызались. Яковъ Аонасьевичъ, стоявшій въ дверяхъ ризницы, издалека почтительно поклонился о. Никифору.

Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ, и весь причтъ,

староста и трое прихожанъ отправились въ квартиру священника.

Квартира о. Никифора состояла изъ четырехъ комнатъ, изъ которыхъ только одна, носившая громкое названіе залы, была въ три окна. Самая маленькая, въ одно окно, служила для хозяина кабинетомъ и спальней. Въ болѣе просторной и лучше обставленной жила Дуня, любимица тетки и отца.

Въ послѣдней комнатѣ, близъ кухни, въ которой хозяева обѣдали безъ гостей, помѣщалась Анюса Леонтьевна. По случаю праздника столъ былъ накрытъ въ залѣ. Когда все вернулись изъ церкви, на столѣ уже шумѣлъ большой свѣтлый самоваръ, были разставлены закуски, возвышалась батарея бутылокъ; видное мѣсто занимать порогъ, прикрытый сверху полотенцемъ.

Яковъ Аонасьевичъ уже былъ знакомъ съ Дуней, съ которой онъ танцевалъ на святочной вечеринкѣ, два года тому назадъ. За это время она значительно развилась и сдѣлалась совсѣмъ невѣстой. Молодой человѣкъ сразу даже не узналъ ея въ церкви за молебномъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла полная, средняго роста блондинка, съ бѣлымъ лицомъ, освѣщаемымъ сѣрыми глазами. Темного вздернутый носикъ свидѣтельствовалъ о веселомъ характерѣ дѣвушки, которую очень красили ямочки на щекахъ и на подбородкѣ. Брови, въ видѣ тоненькаго пинурочка, были нѣсколько свѣтлы.

— Кто это?—спросилъ Яковъ Аонасьевичъ у матери.

— Какъ кто? Да это же Дуня. Неужели ты не узналъ?—шепотомъ отвѣтила Анна Михайловна.

«Какъ она похорошѣла, однако!—подумалъ молодой человѣкъ, снова переводя глаза на Дуню. Ему понравились свѣтлорусые волосы, завернутые на затылкѣ небреж-

нымъ узломъ, при чемъ вокругъ свѣшивалась коротенькая бахромка, очень недная къ дѣвучкѣ.

Анна Михайловна замѣтила, что сынъ засмотрѣлся на Дуню, и подумала: «хорошо, кабы она ему понравилась. Тогда онъ и ту забыть бы».

И понадея, наклонившись, шепнула опять сыну:

— Не правда ли, Яна, какая Дуня хорошенькая?

— Очень хорошенькая,—отвѣтить сынъ, но онъ сейчасъ же насунился, и перестать смотрѣть на Дуню.

Онъ почувствовалъ себя виноватымъ передъ Софей и потому, когда Анна Михайловна, уже послѣ молебна, опять замѣтила: «Дунечка—просто прелесть», Крестовоздвиженскій нашель пужнымъ возразить матери:

— Но ея лицо совсѣмъ не умное: оно безъ всякаго выраженія.

— Полно, пожалуйста,—сказала съ неудовольствіемъ мать.

Дуня просто, какъ давно знакомая, поздоровалась съ Яковомъ Аванасьевичемъ. Она покраснѣла отъ похвалъ Анны Михайловны, но скоро оправилась и радушно промолвила, обращаясь къ понадѣ и къ молодому человѣку:

— Пойдемте къ намъ скорѣе, тетя уже ждетъ.

— Захлопоталась, поди, Анюса Леонтьевна,—сказала Анна Михайловна.

— Тетя это любить.

— Да и вамъ, поди, пришлось помогать?

Анна Михайловна, ласково улыбаясь, посмотрѣла на дѣвучку.

— Я ей помогала,—отвѣтила Дуня,—только она говоритъ, что я еще наработаюсь, когда замужь выйду, а теперь мнѣ нужно отдыхать.

Дѣвучка произнесла это съ той наивной простотой,

которая говорила о томъ, что она не умѣетъ притворяться и казаться не тѣмъ, что она есть. Она смотрѣла на все такъ просто, какъ проста сама жизнь.

Дуня была одѣта въ розовое шерстяное платье, немножко узкое и оттого очень обтягивавшееся полный станъ. Легкая отдѣлка корсажа бѣлымъ кружевомъ и розовыми лентами придавала дѣвушкѣ нарядный видъ.

— А я смотрю на васъ, Дунечка, и люблюсь. Къ вамъ очень идетъ это платье,—сказала Анна Михайловна, подходя уже къ дому.

— Да и тетя того же мнѣнія. Я въ немъ выгляжу красивѣе,—промолвила Дуня.

«Вотъ уже этого бы и не надо тебѣ говорить»,—не одобрила мысленно Анна Михайловна. Но она улыбнулась и проговорила вслухъ:

— Славная вы, Дунечка: что у васъ на умѣ, то и на языкѣ.

— А развѣ надо лгать?—спросила дѣвушка наивно и посмотрѣла на Якова Аѳанасьевича, который шелъ рядомъ съ ней съ другой стороны.

Желая втянуть въ разговоръ сына, понадеясь обратилась къ нему:

— Яна, ты какъ думаешь: надо барышнямъ лгать или нѣтъ?

— Лгать нехорошо,—отвѣтилъ онъ,—да, вѣдь, для лжи нужно... Онъ чуть не сказалъ «нужно обладать умомъ», но удержался и добавилъ: для лжи нужно особенное умѣнье.

— Какъ, надо учиться еще лгать? Да зачѣмъ же?—спросила Дуня съ улыбкой недоумѣнія.

Якову Аѳанасьевичу не пришлось ничего отвѣтить на это. Ихъ догнали дяконъ и староста. Все вмѣстѣ

вошли въ широкія свѣтлыя сѣни. Сейчасъ же подошли и другіе гости.

О. Никифоръ пригласилъ всѣхъ «выпить по рюмочкѣ» и «попробовать пирожка», Анюса Леонтьевна также просила гостей «сдѣлать честь ея стряпнѣ».

— И Евдокій Никифоровны, надо присовокупить, я думаю,—промолвила дьяконъ, наливая себѣ самую большую рюмку очищенной.

— Какъ же, какъ же, и она помогала,—поспѣшила отвѣтить тетка.—Она ко всему у насъ приучена.

— Ну-съ, —возгласилъ дьяконъ, —пью за здоровье почтеннаго настоятеля, желаю ему много лѣтъ жить и радоваться. Гм... желаю дожить до почтеннаго званія дѣдушки, прадѣдушки и прочее, и прочее.

Онъ чокнулся съ хозяиномъ, со старостой, съ о. Аонасіемъ и повернулся въ сторону Якова Аонасьевича, но тотъ ничего еще себѣ не налилъ.

— Э, ученый, да у васъ и рюмка пустая!

Онъ сдѣлалъ выразительный знакъ глазами о. Аонасію и залпомъ выпилъ водку.

— А что же вы-то, Яковъ Аонасьевичъ?—обратилась къ молодому человѣку Анюса Леонтьевна. —Дуня, —сказала она дѣвушкѣ, которая накладывала пирога Аниѣ Михайловнѣ:—что же ты гостей не угощаешь? Онъ ничего и не пьетъ, вѣрно, ждетъ, чтобы ты его попросила.

Дѣвушка подошла къ Крестовоздвиженскому.

— Я не пью,—сказалъ онъ, конфузясь.

— Развѣ совсѣмъ не пьете?—спросила Дуня.

— Онъ не пьетъ водки, Дунечка,—вмѣшалась мать.—Развѣ вотъ вина. Яна, вышей хоть портвейна, надо же поздравить о. Никифора.

— Вамъ можно портвейна?—спросила дѣвушка.

— Хорошо-съ, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

Дѣвушка налила небольшую рюмку.

— Да ты побольше, — сказала тетка, слѣдившая за Дуней съ другого конца стола.

— Пѣть-съ, довольно этой, — произнесъ Крестовоздвиженскій.

Онъ поздравилъ хозяина съ днемъ рожденія, его сестру и Дуню съ новорожденнымъ и хотѣлъ уже отхлебнуть вина, какъ вдругъ дьяконъ остановилъ его восклицаніемъ:

— Погодите, ученый, сейчасъ и я съ вами еще по единой!

Онъ поспѣшно налилъ рюмку очищенной.

— А что же вы сами-то, Евдокія Никифоровна? — промолвилъ староста, мѣстный торговецъ, широко осклабясь и показывая рядъ мелкихъ гнилыхъ зубовъ: — вы сами откушайте чего-нибудь.

— Дѣло, староста! — подхватилъ дьяконъ: — Евдокія Никифоровна, вамъ чего прикажете? Мадерцы?

— Пѣть, я ужъ лучше маленькую наливки, — сказала Дуня.

— Отлично!

Дьяконъ загнулъ широкій рукавъ рясы, досталъ бутылку, обсыпанную пескомъ, налилъ рюмку и подаль ее дѣвущкѣ.

— Да ты, дьяконъ, совсѣмъ заправскій кавалеръ, — произнесъ со смѣхомъ о. Аонасій.

— А вы какъ бы думали, отецъ протоіерей? Кавалеръ и есть! — отозвался дьяконъ. — Конечно, оно, собственно говоря, гм... ученому это слѣдовало бы сдѣлать, да онъ что-то смиренствуетъ. А, впрочемъ, мы понимаемъ, почему сіе.

Дьяконъ подмигнуть Аннѣ Михайловнѣ, а потомъ Крестовоздвиженскому и продолжать:

— Ну-съ, Евдокія Никифоровна, имѣю честь поздравить васъ съ поворожденнымъ, желаю вамъ жить да радовать о. Никифора... Ну-съ, и еще желаю вамъ хорошаго жениха, ученаго и скромнаго, какъ, напримѣръ, вотъ сей молодой человекъ. Гм... хорошо сказано?

Онъ обвелъ гостей торжествующимъ взглядомъ и вынулъ залпомъ рюмку.

Яковъ Аонасеевичъ покраснѣлъ; покраснѣла и Дуня. Она поспѣшила вылить вино, поперхнулась и закашлялась.

— Что это съ вами, Евдокія Никифоровна?—сказалъ дьяконъ, ставя рюмку на столъ:—не въ то горлышко, видно, пошало?

— Это ты всему виной, дьяконъ, — сказалъ о. Аонасій:—столько наговорить, что и смутить барыню.

— А чѣмъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ дьяконъ:—ничего излишняго не сказать. Если насчетъ жениха, такъ вѣдь для того и барыни растутъ, чтобы замужь выходить.

Пирогъ всемъ понравился, и все охотно брали по второму куску, доставляя этимъ удовольствіе хозяйкамъ. О. Никифоръ, видимо, утомился. Онъ говорилъ мало, только ласково улыбался, глядя на гостей. О. Аонасій велъ хозяйственный разговоръ со старостой, Анна Михайловна бесѣдовала съ Аннѣей Леонтьевной. Двое приходящихъ разсуждали о чемъ-то съ дьячкомъ, а третій, мѣстный сапожникъ, бывший староста, съ такимъ вниманіемъ разсматривалъ скатерть, словно хотѣлъ запомнить въ точности весь ея затѣйливый рисунокъ. Ораторствовавшій дьяконъ заглашалъ всехъ, поздравляя хозяйна въ

десятымъ разъ, разсказывая «факты» изъ жизни. Онъ старался вовлечь въ разговоръ и дьячка, но тотъ только отмахивался рукой и продолжалъ свою бесѣду съ сосѣдями.

— Дьякъ, да ты пей хоть коньякъ!—произнесъ дьяконъ и снова принялся разсказывать «факты», а для «смооченія горла» наливаетъ себѣ рюмку за рюмкой.

Дуня угощала Якова Аѳанасьевича и сама подавала ему чай, чѣмъ и приводила его въ смущеніе.

Отказавшись отъ третьяго стакана, онъ поды предлогомъ жары всталъ изъ-за стола и отошелъ къ окну. Черезъ минуту къ нему подошла Дуня и промолвила своимъ глѣбучимъ голоскомъ:

— А вы не хотите ли въ садъ выйти. У насъ цвѣты...

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Тетя, я иду въ садъ, показать цвѣты Якову Аѳанасьевичу, — сказала Дуня, обращаясь къ Анфисѣ Леонтьевнѣ.

Дѣвушка вышла на террасу; за ней послѣдовалъ Крестовоздвиженскій.

XIX.

Якову Аѳанасьевичу Дуня казалась такой наивной и простенькой, что онъ подумалъ, глядя на нее за чашемъ: «вотъ это не то, что Сося. Передъ той невольно смущаешься, а съ этой и я не стѣсняюсь».

Однако, когда онъ очутился съ дѣвучкой наединѣ, то неожиданно для себя почувствовать смущеніе. Онъ разсердился за это на себя и, чтобы доказать, что онъ вовсе и не думаетъ «робѣть» передъ глухой дѣвочкой», промолвилъ развязно, хотя и не безъ усилія надъ собою:

— А къ вамъ въ самомъ дѣлѣ очень идетъ это платье, Евдокія Никифоровна.

«Нѣтъ, не это слѣдовало сказать»,—мысленно поправила онъ себя:—«надо было что-нибудь серьезное, чтобы показать»...

Дѣвучка прервала его размысленія:

— И вамъ оно нравится?—радостно, но просто проговорила она.—Я всегда при васъ буду его надѣвать. Вѣдь вы у насъ часто станете бывать?

И, не дождавшись отвѣта, она продолжала:

— Что это вы такъ долго не прѣзжали къ намъ? Мы васъ ждали, ждали...

— И вы ждали меня?—спросила Крестовоздвиженскій.

— Ждала. Я часто выходила за ворота посмотреть, не ѣдете ли... А вы и не собрались.

Крестовоздвиженскій промолчалъ.

— Вотъ и наши цвѣты,—продолжала Дуня, указывая на клумбы петуній, левкоевъ и розъ.—А дальше тамъ ягодникъ. Вы какія любите больше ягоды?

— Малину,—отвѣтила Крестовоздвиженскій.

— Ея у насъ много. Прѣзжайте къ намъ чаще, я вамъ сама начиню ягодъ. Вы какъ любите: съ сахаромъ или съ молокомъ?

— Хорошо и съ молокомъ,—отвѣтила Яковъ Аонасьевичъ.

— У насъ и молоко хорошее. А крыжовникъ вы любите?

— Нѣтъ, крыжовника не обожаю.

— И я его не обожаю.

Крестовоздвиженскому стало скучно отъ такого разговора. Онъ зѣвнулъ.

— Вамъ, кажется, хочется спать?—спросила Дуня.— Вотъ послѣ обѣда ложитесь съ паною, онъ, вѣдь, всегда послѣ обѣда отдыхаетъ.

Крестовоздвиженскій разсмѣялся.

— Я не сплю днемъ,—сказалъ онъ.—Да и намъ надо скоро ѣхать.

— Какъ бы не такъ!—воскликнула дѣвушка.— Мы васъ скоро не отпустимъ. Вы будете у насъ пить чай, мы потомъ съ вами будемъ играть въ карты. Да васъ и безъ ужина тетя не отпуститъ. Развѣ вамъ у насъ такъ скучно?—вдругъ закончила она.

— Нѣтъ, напротивъ...

Но онъ едва удержался отъ новаго зѣвка.

— У насъ здѣсь хорошо,—восторженно промолвила Дуня:—гораздо лучше, чѣмъ у васъ въ Домингѣ.

Она сорвала розу и подала ее Крестовоздвиженскому. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на дѣвушку, принимая цвѣтокъ. Дуня засмѣялась.

— А вамъ здѣсь хорошо будетъ, вы не соскучитесь,—сказала она, помолчавъ.

Она подняла на него спокойные, свѣтлые глаза.

— Почему же мнѣ? При чемъ я тутъ? —спросилъ Крестовоздвиженскій, улыбаясь.

«Она премиленькая, это вѣрно, — подумалъ онъ,—но какая, право, глушенькая.»

— А развѣ вы думаете, что я ничего не знаю!—воскликнула Дуня.—Я все знаю!—добавила она и подняла голову.

Она была восхищена въ эту минуту со своимъ дѣтскимъ задоромъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, я ровно ничего не знаю, — произнесъ Крестовоздвиженскій, машинально бросая розу на дорожку.

Дуня всплеснула руками.

— Что вы сдѣлали! — воскликнула она.

— А что? — удивленно спросилъ Яковъ Леонасьевичъ.

— Вы бросили мою розу. Вы это нарочно?

— Совсѣмъ нѣтъ, я просто такъ... А развѣ нужно было ее вѣчно держать у себя?

— Вы должны были ее увезти съ собою.

— Почему же?

— Да вы знаете, что это означаетъ, если я дала вамъ розу?

— Не знаю.

Она громко расхохоталась.

— Какой вы смѣшной! — сказала она: — ничего вы не понимаете, а еще ученый.

— А вы полагали, что насъ учатъ въ семинаріи этому... я и самъ не знаю, какъ сказать вамъ...

— Да это же всѣмъ извѣстно.

— А я не знаю. Объясните, пожалуйста, мнѣ.

— Ну, вотъ, — сказала Дуня, — сами догадайтесь. Да это неправда, вы знаете, вы только такъ, смѣтаетесь надо мною. Вѣдь вы всѣ такіе!

— Какіе?

— Насмѣшники, извѣстно. Это и тетя говорить. Ну, да ладно. А я все-таки знаю, все знаю, и вамъ ничего скрывать.

— Да что вы знаете? Объясните! — уже съ нѣкоторой досадою проговорилъ Крестовоздвиженскій.

Дуня покачала головой и промолвила:

— Какой вы хитрый! Ну, такъ и быть, я скажу, хотя зачѣмъ? Вѣдь вы сами знаете.

— Не знаю,—рѣзко произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Вы не знаете того, что вы выходите въ пошы и берете мѣсто паны?

Она раскраснѣлась и, радостная оттого, что уличила гостя во лжи, съ торжествомъ глядѣла на него...

Онъ хотѣлъ разсердиться и не могъ. Онъ только пожалъ плечами и произнесъ:

— Господи, какая вы...

Онъ не кончилъ.

— Какая же? Говорите, говорите! — настаивала дѣвушка.

«Она положительно хорошенькая,—подумалъ Крестовоздвиженскій,—по какая она глухая!»

Крестовоздвиженскому стало жалко ее, и онъ не сказать того, что хотѣлъ.

— Вы, милое дитя, Евдокія Никифоровна, — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Какое же я дитя? — промолвила дѣвушка, надувши губы.—Дѣти учатся въ школѣ, ихъ ставятъ въ уголь и даже сбѣкутъ.

Крестовоздвиженскій уже не могъ сдержаться и громко расхохотался.

— Евдокія Никифоровна, вы сама святая простота! — воскликнулъ онъ.

— А вы насмѣшникъ,—сказала Дуня.—Я считала васъ лучше и не полагала, что вы такой нехорошій.

— Не сердитесь, — произнесъ Яковъ Лоанасевичъ серьезно.—Я не хотѣлъ васъ обидѣть... Но скажите мнѣ, откуда вы взяли, что я хочу на мѣсто вашего батюшки?

— Какъ?—съ удивленіемъ произнесла Дуня, широко раскрывая глаза.—Да развѣ вы можете объ этомъ спрашивать?

— А кто же можетъ спрашивать?— снова, невольно сердясь, промолвила Крестовоздвиженскій.

— Я не знаю,—вдругъ тихо и съ нѣкоторой робостью отвѣтила Дуня.—Вѣдь это же...

— Позвольте,—перебилъ семинаристъ.—Вѣдь, если я беру мѣсто вашего отца, значить, я женюсь на васъ? Да?

— Да,—отвѣтила Дуня и такъ посмотрѣла на гостя, словно хотѣла сказать взглядомъ: «неужели и это тебѣ нужно объяснять?»

Отвѣтъ ея и рассердилъ и разсмѣшилъ въ одно и то же время Крестовоздвиженскаго.

— Позвольте,—опять сказала онъ медленно:—но развѣ я вамъ говорилъ, что я васъ люблю?

— Нѣтъ, но вѣдь еще...

— Что еще?

— Это еще рано.

— Господи!

Крестовоздвиженскій всплеснулъ руками.

— Да вы-то, вы-то развѣ меня любите, Евдокія Никифоровна?

— Вы мнѣ давно правитесь, — искренно призналась дѣвушка.

Крестовоздвиженскій невольно почувствовать пріятное удовольствіе.

— Но этого мало... надо любить, — сказала онъ, вѣнычивая.

— Я и полюблю васъ.

Яковъ Лоанасевичъ хотѣлъ отвѣтить, что онъ ея не полюбитъ, потому что любитъ другую. Но въ эту минуту невдалекѣ послышались шаги. Крестовоздвиженскій обернулся. Подходилъ дьяконъ.

— А, вотъ гдѣ они укрылись! Поймалъ!— воскликнулъ онъ громко.— Шу-съ, Евдокія Никифоровна, я за вами: пожалуйте къ тетункѣ.

Двушка побѣжала къ террасѣ. Дьяконъ посмотрѣлъ на Крестовоздвиженскаго и усмѣхнулся.

— Что, ученый, помѣнать я вашимъ сладчайшимъ разговорамъ?

Но онъ вдругъ сдѣлался серьезень и добавилъ, не давши отвѣтить Крестовоздвиженскому.

— Я вотъ шучу съ вами; а по-настоящему мнѣ со-всѣмъ иначе надо было бы держаться.

— Почему же?—спросилъ молодой человекъ.

— А какъ же? Немного времени... и вы мой началь-никъ. «Владыко, благослови!»

— Послушайте, — произнесъ Крестовоздвиженскій:— что вы такое говорите?

— А что? Говорю, что подобасть, — отвѣтилъ дьяконъ. — Я думаю, что сегодня же васъ и объявятъ нареченными, а между тѣмъ...

— Вы ошибаетесь, ошибаетесь!—чуть не закричалъ Крестовоздвиженскій, волнуясь.—Это все вздоръ, я иду въ медицинскую академію!..

— Ха-ха-ха! Вотъ такъ шутникъ вы, Яковъ Лоанасевичъ! Ей-Богу! Въ медицинскую академію! Да кого вы хотите морочить!..

Дьяконъ опять залезъ раскатистымъ смѣхомъ и, забывъ совсѣмъ, что передъ нимъ будущій начальникъ, хлопнулъ его по плечу и промолвилъ:

— Не бойтесь, никто не отобьет: дѣло рѣшенное, мѣсто за вами. Вамъ счастье! Мѣсто хорошее, женкой останетесь довольны. Видѣли, какой бутонъ? Ягодка свѣлая, сочная... Запчвете, какъ въ раю, прямо Эдемъ... Адамъ да Ева и только... Искусители нечего бояться... Дуничку никто не искуситъ... а васъ... да чего же вамъ еще нужно при такой женѣ?

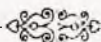
Отъ дьякона несло водкой, глаза его щурились.

Крестовоздвиженскій былъ сильно взволнованъ. «Если такъ говоритъ дьяконъ, значить, онъ слышалъ, знаетъ, что дѣло уже рѣшенное. Псалмопѣвецъ правъ: они потому и молчатъ, что хотятъ сразу напасть. «Объявить сегодня нареченными!» Ну-ка, пусть попробуютъ! И такой скандалъ устрою... Да неужели мать?»...

Въ груди Якова Аванасьевича поднялась буря. Въ унѣ воскресло все, что начало было затихать въ послѣднее время. «Надо скорѣе объясниться съ родителями; нечего ждать... И эта Дуня: она также увѣрена. Хорошенькая! Что же изъ этого? Онъ ни на кого не промѣняетъ Соню, а не то, что на эту дурочку Дуню. Борьба, такъ борьба!»

Выпитыя двѣ рюмки имѣли свое дѣйствіе и успивали возбужденіе молодого человѣка. Онъ потрянулъ волосами, какъ бы посылая кому-то вызовъ.

— Отецъ дьяконъ! Яковъ Аванасьевичъ! обѣдъ подать!.. пожалуйста кушать!—раздался съ террасы пѣвучій голосъ Дуни.

XX.

Поздно уѣхали Крестовоздвиженскіе отъ о. Шкифора.

— Мы всёхъ гостей пересидѣли,—какъ бы извиняясь, сказала Анна Михайловна, прощаясь съ Анисой Леонтьевной.

— И чудесно сдѣлали, очень вамъ благодарны,—отвѣтила старуха.—Ни съ кѣмъ васъ и равнять нельзя, вы самые дорогіе, близкіе намъ.

— Къ намъ милости просимъ,—пригласила Крестовоздвиженская.—Да и о. Шкифору отчего же не пріѣхать?

— Куда ему, онъ все болѣетъ,—сказала старуха:—видите, и теперь не могъ досидѣть, прилежъ и заснулъ. А вотъ Якову Леоанасьевичу нехорошо насъ забывать. Молодому человѣку что разстояніе! Дуня, видно, ты не умѣешь просить, или ужъ ему не правится у насъ.

Дуня немножко надулась на Крестовоздвиженскаго, который послѣ разговора въ саду совсѣмъ перемѣнилъ съ нею свое обращеніе; онъ отказался даже играть въ карты, какъ она его ни уранивала.

— Что же мнѣ дѣлать, тетя?—сказала Дуня.—Если онъ не хочетъ, не силкомъ же его тащить.

Въ ея голосѣ звучало что-то похожее на обиду.

— Ну, что вы, Дуничка, какъ не хочетъ! Онъ еще все отдыхать, а теперь будетъ къ вамъ ѣздить,—проговорила Анна Михайловна.

Они вышли на крыльцо. Яковъ Леоанасьевичъ опередилъ родителей.

— Онъ у насъ немножко бука,—съ улыбкой шепну-

ла Анна Михайловна старухѣ.—Да погодите, Дунечка вотъ его расшевелить.

— Можетъ-быть,—промолвила Аноиса Леонтьевна.— А знаете: братецъ заговорилъ съ нимъ постѣ объѣда, такъ онъ прямо сказалъ, что имѣеть влеченіе къ медицинѣ.

— Пустое, дорогая моя! Онъ и мнѣ это говорилъ: все это одиѣ мечты!

— Оно, конечно,—согласилась старуха.

Отецъ Аонасіи порядочно поднѣлъ и всю дорогу сладко дремать. Анна Михайловна также долгое время молчала и только уже вблизи дома заговорила съ сыномъ.

— Какіе они радушныя, славныя,—сказала она.—А эта Дуня премилая дѣвушка: такой прямой, чистой души нынче и не найти. Правда, Яна?

— Глуха она очень,—рѣзко отвѣтить сыгъ.

— Ну, какъ можно такъ выражаться про дѣвушку, да и при томъ еще такую, какъ Дуня!—строго произнесла Анна Михайловна.

Она помолчала и заговорила опять:

— Ты, Яна, не умѣешь понимать людей. Другой бы въ восторгъ пришелъ отъ такой дѣвушки, ей цѣны нѣтъ. Или для тебя лучше какая-нибудь безнютная вертихвостка?

Анна Михайловна немного раздражилась. Ея раздраженіе передалось и сыну.

— Мнѣ правятся умныя, развитыя дѣвушки, маменька,—сказалъ онъ.—А съ этой и говорить не о чемъ.

— Какихъ тебѣ еще надо разговоровъ? Не о богословскихъ же наукахъ разговаривать съ барышней.

— Помимо этого есть о чемъ еще говорить.

— Да гдѣ же это ты видать такихъ развитыхъ да умныхъ? Кажется, въ городѣ тебѣ не приводилось.

Анна Михайловна какъ бы дѣлала вызовъ сыну, но онъ уклонился. Она спохватилась и овладѣла собою. Она даже обвинила себя въ томъ, что завела разговоръ при работницѣхъ. Ее разсердило то, что сынъ такъ прямо заявилъ о своемъ желаніи отцу Никифору. Она еще не знала о разговорѣ его съ Дуней.

Дома, прежде чѣмъ лечь спать, Анна Михайловна подъ какимъ-то предлогомъ зашла въ комнату сына и замѣтила ему:

— Анна, ты такъ держишься, словно нарочно хочешь не понравиться.

— Кому это?—спросилъ сынъ.—Не Дунѣ ли?

— Хотя бы и ей.

— И не желаю вовсе нравиться!

— Это напрасно, мой милый.

Раздраженіе опять овладѣло Анной Михайловной.

— Маменька, — произнесъ молодой человѣкъ, — вы, кажется, не отказались отъ мысли женить меня на Дунѣ?

— А ты, я вижу, еще не отказался отъ своихъ вздорныхъ мечтаній,—сказала мать.

— И не думаю отказываться. О, Господи! — воскликнуть Крестовоздвиженскій:—да что же это такое?

— Полно, — остановила мать, — теперь не время, потому поговоримъ. И я-то глупа, что затѣяла разговоръ, да больно ужъ ты меня сегодня обидѣлъ, Яковъ.

— Я, маменька?

— Ты, — укоризненно произнесла Анна Михайловна, — что ты отцу Никифору сказалъ?

— То же самое, что и вамъ.

— И думаешь, мнѣ это пріятно? Развѣ ты не отравляешь моего сердца такимъ упорствомъ? Я только о томъ и думаю, какъ бы тебя счастливымъ сдѣлать.

— Маменька, да счастье мое не здѣсь!

— А гдѣ же? Въ Петербургѣ?

— Да.

— Съ этой красавицей?

— Да, маменька!

— Нѣтъ, Яна, этому не бывать. Ты не женишься на ней, потому что не захочешь убивать свою мать!

Въ голосѣ Анны Михайловны послышались слезы.

— Маменька!

— Нѣтъ, Яна... Но не будемъ объ этомъ говорить теперь. Ложись спать. И я устала, да и ты утомился. Поговоримъ потомъ. Ложись, Христосъ съ тобой!

Она перекрестила сына, какъ дѣлала это всегда, и вышла изъ комнаты.

— «Господи!» — вырвалось со стономъ у Якова Аонасьевича.

Онъ сѣлъ на кровать и просидѣлъ болѣе четверти часа, въ застывшей позѣ, устремивъ взоръ въ одну точку.

— Нѣтъ! Надо дѣйствовать!—воскликнулъ онъ, вскакивая.—Надо написать Сонѣ и поговорить съ Неофитомъ.

«Ты не захочешь убить мать», припомнился ему слова Анны Михайловны, и его сердце сжалось отъ боли. Да, онъ не хочетъ этого, но какъ же быть, гдѣ неходъ?

Не раздѣваясь, онъ бросился на кровать и такъ проспалъ до утра.

На другой день отецъ Аонасій вдругъ неожиданно обратился къ сыну за вечернимъ чаемъ:

—А что, Яковъ, если бы я тебя послалъ завтра въ городъ?

— Зачѣмъ это?—спросила жена.

— По чеку надо получить. Самому мнѣ ѣхать не

рука, а довърить такую сумму боязно. Яковъ все равно ничего не дѣлаетъ.

— Можно отложить.

— Нельзя, понадѣя. Нужны деньги плотникамъ. Да ты что? Боишься за деньги что ли?

— Что еще выдумася?—проговорила жена.—Знаю, что онъ не растратить, чего мнѣ бояться?

— Ну, такъ зря и говоришь.

Крестовоздвиженскій былъ радъ поѣздкѣ. Сама судьба помогала ему. Онъ боялся, что отецъ передумаетъ, и потому поторопился взять у него чекъ. На слѣдующее утро, когда родители еще спали, онъ уѣхалъ въ городъ въ одиночку, безъ работника. Какъ только онъ отѣхалъ нѣсколько верстъ отъ деревни, на сердцѣ у него сдѣлалось легче и онъ почувствовалъ себя свободнымъ. Прежде онъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ дома. И эти двѣ недѣли ему легко жилось въ Домкинѣ. Но вотъ небольшое столкновеніе съ матерью, и на душѣ сдѣлалось снова тяжело. Онъ любитъ мать, ему жаль ее, больно наноситъ ей горе, но ему тяжело и отказаться отъ своихъ стремленій, отказаться отъ Соии. Даже тогда, когда онъ не думаетъ о ней, она все равно живетъ въ его сердцѣ, и никому другому онъ не можетъ отвести такое же мѣсто. Жениться на другой, нѣтъ, это невозможно! Дуня очень миленькая, и онъ готовъ съ ней разговаривать, шутить, но, сдѣлайся она его женой, онъ ее возненавидитъ, и эта ненависть будетъ настолько же сильна, насколько сильна любовь къ Соии. Крестовоздвиженскаго вдругъ охватилъ такой страстный порывъ, что, будь Соия сейчасъ здѣсь, онъ бросился бы къ ея ногамъ и покрылъ бы ихъ поцѣлуями. Мать, отецъ—все потеряло цѣну въ его глазахъ. И ему захо-

тѣлось какъ можно скорѣе услышать что-нибудь о Софїѣ, написать ей письмо, излить все волнующія его чувства.

Онъ еще сильнѣе началъ погонять Пѣганку, который усталъ отъ продолжительной ѣзды, безпрестанно фыркать и отмахивался хвостомъ, какъ бы выражая этимъ свое недовольствіе. По мѣрѣ приближенія къ городу петербургскіе колодезны молодого человѣка росли. Онъ въ сильномъ волненіи, чуть не галопомъ, вѣхалъ въ городъ. Началась убійственная мостовая, но Крестовоздвиженскій, не замѣчая тряски, мчался, какъ на пожаръ, подпрыгивая на сидѣньѣ. Черезъ четверть часа онъ остановилъ взмыленнаго Пѣганку у воротъ дома, гдѣ жили Пуниковы. Топотъ копытъ и стукъ колесъ о мостикъ черезъ канаву заставилъ кого-то раздвинуть занавѣску окна и выглянуть на улицу. Это была Марья Ивановна. Крестовоздвиженскій узналъ ее, и сердце у него учащенно забилося.

Онъ спрыгнулъ съ одноколки, привязалъ лошадь къ периламъ палисадника и пронелъ въ каштку. Парадная дверь уже была отперта, и Марья Иванова встрѣтила молодого человѣка въ передней.

— Какими это судьбами, Яковъ Аонасьевичъ? Почему въ городъ надумали? — спросила она, протягивая руку. — Здравствуйте! Здравствуйте! Мы вѣдь давно не видались съ вами. Проходите въ столовую, я васъ напою съ дорожки чаемъ.

— Благодарю, мнѣ теперь некогда, тороплюсь въ банкъ, — сказалъ Крестовоздвиженскій.

Но онъ все-таки прїѣхалъ и освѣдомился у Марьи Ивановны насчетъ ея «путешествія».

— Славно съѣздила! — съ восторгомъ проговорила она. — Такъ освѣжилась, отдохнула отъ здѣшней скучи-

щи. Нашъ Сонскъ и съ Ярославлемъ не можетъ сравниться, а о Москвѣ паче и говорить. Я вѣдь ни гдѣ еще не бывала, и для меня все вновь.

У Крестовоздвиженскаго такъ и вертѣлся на языкѣ вопросъ о Сонѣ, но семинаристъ удержался, надвѣясь, что Пушкова сама заговоритъ о ней. И онъ не ошибся.

— Ну, Яковъ Анапасьевичъ,—промолвила Пушкова,— а я вамъ поклонъ отъ Соши привезла: очень, очень просила кланяться.

Щекъ Крестовоздвиженскаго покрылись румянцемъ, но не отъ смущенія, а отъ радости.

— Все хорошо? Здорова Софья Львовна? — спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Здорова. Дорога на нее такъ хорошо повліяла, что она еще красивѣе стала. Недаромъ такъ и прельщаетъ всѣхъ. Ахъ, умора да и только съ вами, мужчинами!

— А что? — спросилъ Крестовоздвиженскій съ улыбкой, но съ замѣтной тревогой въ голосѣ.

— Да какъ же,—промолвила Пушкова:—въ Москвѣ мы остановились въ гостиницѣ. И въ первый же день въ общемъ залѣ встрѣтили какого-то кунца или фабриканта,—не могу сказать вѣрно. Увидѣлъ онъ Сошо и все время, пока мы обѣдали, глазъ не спускалъ съ нея. А потомъ вдругъ вечеромъ какъ-то ловко сумѣлъ познакомиться съ сестрой моею; гляжу—на другой день онъ уже пьетъ чай у нихъ въ номерѣ. Спрашиваю сестру... Она отъ него въ восторгѣ. Богатый, веселый... Сейчасъ билетъ предложилъ въ садъ. Но сестра поблагодарила и отказалась, конечно. Отказъ его не то обидѣлъ, не то озадачилъ... Только послѣ этого онъ еще чаще сталъ посѣщать сестру и,

видимо, пріударилъ за Соней. Я ей говорю: «Смотри, не влюбись!» Надо вамъ сказать, онъ очень недурень. «Что вы говорите, тетя, пустяки!» А сама смѣется и болтаетъ съ нимъ охотно. Сестра съ Соней уѣхали днемъ раньше, чѣмъ я. Пріѣзжаемъ на вокзалъ, купецъ уже тамъ. «А вы куда?»—спрашиваю его.—«Въ Петербургъ».—«Да развѣ вамъ туда надо?» (А онъ изъ Казани). «Надо», — говоритъ.—«Да если бы и не нужно было, все равно бы поѣхалъ: куда, говоритъ, Софья Львовна, туда и я». Разумѣется, шутить. А, вѣдь, кто знаетъ: всяко случается. Бываетъ и такъ: невѣдомо откуда явится, разъ-два, глядишь — и свадьба. Ахъ, мужчины, мужчины! Только бы вамъ смазливое личико, и сей-часъ...

Марья Ивановна разсмѣялась, но взглянувъ на молодого человѣка, промолвила испуганно:

— Что съ вами, Яковъ Леонасьевичъ? Вы такой блѣдный, здоровы ли?

— Ничего... голова только очень разболѣлась.

— Это вѣрно отъ жары. Вы, вѣдь, сегодня выѣхали?

— Да, сегодня. Я торопился.

— Вотъ, вотъ, отъ этого. Сколько вереть... да и встали рано... Прилягте-ка, голубчикъ, да давайте, я васъ напою чаемъ. Вамъ будетъ лучше.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ въ банкъ надо,—зволнованнымъ голосомъ проговорилъ Крестовоздвиженскій.

Его губы дрожали, въ горлѣ у него пересохло, а сердце ныло, словно отъ боли.

Онъ поднялся.

— Ну, возвращайтесь скорѣе,—сказала Марья Ивановна, подавая ему руку.—Я многого еще вамъ не раз-

сказала. Про поклонъ Соии я вамъ сообщила: она хотѣла было вамъ письмо написать, да все хлопоты, а тутъ сестра вдругъ заторопилась, такъ она и не собралась написать. Но она просила кланяться, и ужъ, ей-Богу, не знаю, что это значить, но она просила передать вамъ, чтобы вы «вѣрили въ молитву». Въ какую молитву? Что это значить, Яковъ Аонасьевичъ? Я ее спросила, а она мнѣ: «онъ, говоритъ, пойметъ».

Марья Ивановна пытливо посмотрѣла на Крестовоздвиженскаго.

— Это такъ... Софья Львовна однажды говорила... когда она...—пугаясь, промолвилъ Яковъ Аонасьевичъ и протянулъ руку хозяйкѣ.

— Торопитесь? Ну, ладно! Такъ смотрите же, я васъ жду изъ банка къ чаю. Да вы, конечно, у насъ и обѣдасте.

Крестовоздвиженскій поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Яковъ Аонасьевичъ!—крикнула ему вдогонку Пушкова, пріотворяя дверь:—вы лошадь-то на дворъ введите да поставьте подъ навѣсъ.

— Хорошо-съ!—отозвался Крестовоздвиженскій.

Онъ былъ удрученъ разсказомъ Пушковой. «Всяко бываетъ»... Неужели и Соия, какъ все другія дѣвушки: встрѣтила богатаго, красиваго человѣка, и забыла свое слово? Не можетъ быть! Она такъ не поступитъ. Это ничего, что «смѣется, болтаетъ охотно». А вѣдь все-таки велѣла кланяться и напомнить о молитвѣ. «Значить, помнить обѣщаніе и ждать. Конечно, ждать. Все это пустяки!» Крестовоздвиженскій старался отогнать смутившую его мысль. «Соия хорошая, она не измѣнитъ».

Онъ вошелъ въ подъѣздъ банка и поднялся по широ-

кой лѣстницѣ во второй этажъ. Ему указали комнату, въ которой выдавали по текущимъ счетамъ. Онъ подошелъ къ окну въ рѣшеткѣ, отдѣлявшей публику отъ служащихъ, и подаль чашъ. Пока записывали, что нужно, въ книгу, онъ, стоя у окна, глядѣлъ, какъ сторожа укладывали на столѣ пачки кредитокъ. «Вотъ бы мнѣ двѣ-три пачки, и поѣздай смѣло въ Петербургъ!» мелькнуло въ умѣ молодого человѣка. «Какія глупости!» осудилъ онъ мысленно самъ себя: «да развѣ въ деньгахъ счастье? Пусть дадутъ нѣсколько тысячъ, но если Соня»...

— Вы по чѣму чеку получаете?—обратился къ нему чиновникъ.

— Отъ Гусева, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, очнувшись.

— Такъ что же вы не отзыгаетесь?—съ досадой произнесъ чиновникъ:—васъ третій разъ выкликаютъ, а вы стоите тутъ, и молчите!

— Виновать, — сконфуженно проговорилъ Крестовоздвиженскій.

Онъ направился по указанію въ кассу за полученіемъ денегъ. Его мозгъ такъ плохо работалъ, что онъ трижды пересчитать деньги, и каждый разъ у него выходило разное.

— Позвольте же другимъ мѣсто, — сказалъ чиновникъ съ нетерпѣніемъ.

— Нельзя ли мнѣ дать сторублевками, — промолвилъ Крестовоздвиженскій, краснѣя...

Чиновникъ небрежно взялъ кредитки и обмѣнялъ ихъ на радужныя.

Крестовоздвиженскій положилъ деньги въ карманъ сюртука и отошелъ отъ кассы.

Выйдя изъ банка, Яковъ Лоанасевичъ остановился на

подъѣздѣ. Въ умѣ возникъ вопросъ: «гдѣ же написать письмо Сонѣ? У Пушкиныхъ или на почтѣ? Итъ, на почтѣ неудобно, лучше у Пушкиныхъ. Скажу, что получилъ письмо отъ товарища, и нужно ему сейчасъ отвѣтить. Не будетъ же Марья Ивановна спрашивать—отъ кого, и любезнствовать, что я пишу».

Онъ сбѣжалъ со ступенекъ и направился быстрыми шагами къ рынку, чтобы кратчайшимъ путемъ, черезъ Серебрянскій мостикъ, пройти къ Пушкинымъ.

XXI.

Крестовоздвиженскій не торопился домой. Онъ ѣхалъ почти шагомъ, опустивъ вожжи. Лошадь прекрасно знала дорогу и сама сворачивала, гдѣ нужно. На полпути стоялъ «питейный» Сафроньча, къ которому всегда завертывалъ работникъ. Сообразительный Пѣганка остановился у кабачка и покосился правымъ выпуклымъ глазомъ на сѣдока. Крестовоздвиженскій впервые на обратномъ пути стегнулъ Пѣганку; онъ фыркнулъ, выражая не то удивленіе, не то неудовольствіе на ударъ, и побѣжалъ рысцой.

А молодой человекъ снова погрузился въ думы.

Совсѣмъ въ другомъ состояніи духа возвращался онъ домой. Онъ ѣхалъ въ городъ съ надеждой узнать новости, ждать чего-то особеннаго для себя. Его волновало письмо, которое ему предстояло писать, но онъ не чув-

ствовать, несмотря на непріятный разговоръ съ матерью наканунѣ, того душевнаго угнетенія, которое испытывала теперь, послѣ встрѣчи съ Марьей Ивановной.

Онъ никакъ не ожидалъ того, что сказала ему Пункова. Онъ даже не предполагалъ, что она догадывается обо всемъ... Но она прямо сказала, что ей все ясно... Въ этомъ не было для него ничего ужаснаго, или даже непріятнаго, и онъ не сталъ зашпираться. Но дальнѣйшія слова Пунковой обезкуражили его. Марья Ивановна не то, что не вѣрила въ его любовь,—она даже допускала искреннее чувство со стороны Соии, но она не вѣрила въ счастливую развязку. Марья Ивановна сказала: «Соия мнѣ ни въ чемъ не призналась, но я увѣрена, что вы ей правитесь... И все-таки ничего не выйдетъ... Родители ваши не согласятся на вашъ бракъ съ нею, а такъ что же будетъ?»—«Отчего же?—попробовать возразить Крестовоздвиженскій:—я поѣду въ Петербургъ, буду выбиваться»...—Пункова покачала головою и сказала: «все это фантазія, Яковъ Леопольдовичъ! Когда вы еще выѣдете... а вѣдь тутъ могутъ и женихи къ Соиѣ свататься. Дѣвушка скоро отцѣвѣтаетъ—какъ же можно ждать, не видя ничего впереди твердаго. Вы правитесь... да вѣдь и другіе могутъ поправиться... А если бы вы вздумали сейчасъ обвиняться, то на это сестра не согласится: ни у васъ, ни у Соии ничего нѣтъ... а она не привыкла къ нуждѣ. Нѣтъ, голубчикъ, все это—пустяки... я понимаю... ну, да вѣдь мало ли влюбляются въ хорошенькихъ дѣвушекъ... вамъ теперь кажется, конечно, что безъ Соии и жизнь не въ жизнь... это пока... а тамъ все пройдетъ... выйдете на мѣсто... женитесь... и запивете, какъ всѣ»...

Она хотѣла утѣшить, образумить бывшаго постояльца,

по совѣмъ не достигла цѣли. Ея слова только придавили его... Конечно, она разсуждала по-мѣщански, не придавая большого значенія чувству, считала племянницу за обыкновенную дѣвушку, способную увлечься новымъ женихомъ; конечно, она говорила отъ себя, не уполномоченная Соней, но все-таки ея слова произвели на Крестовоздвиженскаго сильное впечатлѣнiе. Онъ выдѣлялъ Сою изъ ряда обыкновенныхъ дѣвицъ, но разсужденiя Марьи Ивановны являлись отголоскомъ тѣхъ понятiй, въ которыхъ выросъ и онъ. Выгодный женихъ... У Соии—мать, которая можетъ имѣть вредное влiянiе. А каково бороться съ этимъ,—Якову Лоанасьевичу было понятно... Если тяжело ему, мужчигѣ, то каково же будетъ дѣвушкѣ?.. А соблазны... Соня не привыкла къ нуждѣ... а если она вдругъ побонется... Яковъ Лоанасьевичъ не выказалъ своихъ мыслей Пушковой, а, напротивъ, сказалъ, что онъ не отступитъ и поѣдетъ въ Петербургъ. «Голубчикъ! — проговорила Пушкова:—не-ладно это... вы пожалѣете потомъ... отъ души говорю вамъ»... «Нѣтъ!»—рѣшительно произнесъ Крестовоздвиженскiй.

Съ этимъ «нѣтъ» онъ уѣхалъ домой, полный гнетущаго чувства. Еще человѣкъ, который не раздѣляетъ его мечтанiй... И только одинъ Неофитъ на его сторонѣ. «Какъ одинъ?»—чуть не вслухъ произнесъ Крестовоздвиженскiй. «А Соня? Вѣдь она же пока раздѣляетъ его мечты, молится за него, ждетъ его. Надо только, чтобы никто не влiялъ на нее, не отговаривалъ»... И вдругъ его охватилъ страхъ... «А что, если Марья Ивановна уже повлiяла на сестру и теперь въ писеммахъ будетъ влiять на Сою. Но неужели? Нѣтъ! Марья Ивановна этого не сдѣлаетъ... Она хорошая... Она бонется, не вѣ-

ривъ... но она не станетъ вредить... А все-таки не мѣшало бы сдѣлать приписку въ письмѣ къ Сонѣ... предупредить... Но это неловко... И хорошо ли вообще онъ написать Сонѣ... такъ ли все выразить... ясно ли... убедительно ли? Онъ съ наслажденіемъ началъ припоминать текстъ письма, тѣ мѣста его, въ которыхъ онъ высказывать свои чувства, дѣлился своей скорбью, обѣщался не отступать, просилъ и Союю быть вѣрною «слову». Онъ не упомянулъ о купцѣ, но умолялъ дѣвушку «не открывать своего сердца для новаго чувства». Эта фраза не его, а героя изъ какого-то романа, но она пришла ему на память, когда онъ писалъ письмо. Онъ закончилъ письмо мольбою немедленно отвѣтить, успокоить его. «Если вы не отвѣтите сейчасъ же,— читалъ Крестовоздвиженскій наизусть письмо,— это будетъ означать, что вы не хотите повторить словъ, сказанныхъ вами въ саду. Но этого не случится. Вы отвѣтите. И твердь, я борюсь, но вашъ отвѣтъ придастъ мнѣ еще больше силы». Онъ просилъ адресовать письмо до востребованія... Вѣдь всегда можно найти предлогъ для побѣдки въ городъ.

«Но ждать больше нельзя,— продолжалъ разсуждать Крестовоздвиженскій.— Надо объясниться съ родителями рѣшительно!» Онъ понималъ, что стоитъ на краю пропасти... Или побѣда или гибель въ пропасти... Онъ вспомнилъ о Неофитѣ, который такъ поддерживалъ его. «Что же это онъ пропалъ? Не уѣхалъ ли? Надо навѣстить его».

— Здравствуйте, Яковъ Иоанасевичъ!

Молодой человѣкъ пришелъ въ себя и оглянулся. Ему кланялся какой-то мужикъ. До деревни было мѣсте полверсты. Уже видѣлся «домкинскій плагбаумъ», какъ, шутя, звалъ Крестовоздвиженскій деревенскій отводъ.

— А мы васъ еще вчера ждали,—сказать работникъ, принимая лошадь у поповича.

— Пѣганку пожалѣть,—отвѣтить Крестовоздвиженскій.—А это чья лошадь?—добавилъ онъ, указывая на рыжую клячку, запряженную въ таратайку.

— А это, Яковъ Аонасьевичъ, какой-то гость пріѣхалъ... такъ съ часъ, не болѣ... Какъ только батюшка уѣхалъ, почитай, сейчасъ же и онъ пріѣхалъ.

— Отца развѣ нѣтъ дома?

— Съ требой уѣхамши... неподалеку, тутотка...

Подходя къ гостиниой, Яковъ Аонасьевичъ ясно слышалъ слова матери:

— Никогда мы этого ему не дозволимъ, мой батюшка.

«Вѣдь это, должно быть, про меня... кому это она говорить?...»—подумалъ Крестовоздвиженскій, и у него защемило на сердцѣ.

Въ гостиниой сидѣлъ Кедровскій.

— Ну, вотъ и ты! а безъ тебя и гость пріѣхалъ,—промолвила Анна Михайловна другимъ тономъ.—Что ты долго-то... заночевалъ почему?

— Голова разболѣлась, да и лошадь пожалѣть,—отвѣтить смилъ, здороваясь съ товарищемъ.—Батюшки нѣтъ,—добавилъ Яковъ Аонасьевичъ,—такъ я вамъ отдамъ...

Онъ вынулъ бумажникъ и передать его матери.

— Ну, усидѣлъ бы,—сказала она, пряча бумажникъ въ карманъ платья, но затѣмъ, какъ бы побоялась держать въ карманѣ столько денегъ, и вышла изъ гостиниой, чтобы положить бумажникъ въ комодъ.

Она сейчасъ же вернулась обратно.

— Устала, поди,—освѣдомилась она у сына:—не хочешь ли чаю? Кстати и гость напьется съ тобой, а то

я спрашиваю, да не хочеть... Торопится къ отцу Никифору, опоздать боится.

Послѣднія слова попадая прѣизнесла съ пропіею, на которую, однако, не обратилъ вниманія сынъ.

— Развѣ ты знакомъ съ отцомъ Никифоромъ?—спросилъ онъ у товарища довольно безучастно.

— Мало... Я его только разъ видѣлъ у крестнаго въ городѣ... Да вѣдь я по дѣлу.

Онъ бросилъ взглядъ на попадю, какъ бы спрашивая: «говорить?» Но Анна Михайловна не замѣтила этого взгляда; она пристально смотрѣла на сына.

— Я по дѣлу,—повторилъ Кедровскій, и затѣмъ прибавилъ болѣе рѣшительнымъ тономъ:—я вѣдь къ тебѣ съ важнымъ вопросомъ.

— Ко мнѣ?—встрепенувшись, произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Да... я хотѣлъ бы узнать опредѣленно отъ тебя... какъ ты насчетъ мѣста?

— Какого мѣста?

— Да вотъ насчетъ о. Никифора... Вѣдь, онъ сдаетъ свое мѣсто... Если ты его берешь...

— Я его не беру!—проговорилъ Крестовоздвиженскій тихо, но твердо.

Лицо Анны Михайловны сдѣлалось все красное; глаза заблестѣли.

— Яковъ! — воскликнула она, едва сдерживаясь: — вѣдь, товарищъ тебя серьезно спрашиваетъ, а ты опять все шуткой отдѣлываешься... такъ нельзя!

Она подчеркнула свои слова, какъ бы желая передъ гостемъ обратить въ шутку отвѣтъ сына и въ то же время давая понять послѣднему, что она его слова иначе и принимать не хочеть.

Но Яковъ Аонасьевичъ повторилъ тѣмъ же тономъ:
— Я не беру мѣста, я ѣду въ Петербургъ.

Въ его повторенномъ отвѣтѣ слышался уже вызовъ.

— Ну, этому не бывать!—воскликнула Анна Михайловна, не сдерживаясь болѣе. — Ты не поѣдешь въ Петербургъ!

— Поѣду, маменька!

— А я говорю, что нѣтъ!—повторила понадея, возвышая голосъ.

— Маменька!

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно, Яковъ! Я все выжидала. А теперь говорю тебѣ прямо, при товарищѣхъ: этому не бывать!

И она поднялась со стула.

Встать и Кедровскій.

— Не слушайте его, — обращаясь къ гостю, проговорила понадея:—онъ беретъ мѣсто... и вамъ нѣтъ никакой надобности ѣхать къ о. Никифору, безноконтъ большого человѣка.

Кедровскій покорно, но не безъ сожалѣнія въ голосѣ, произнесъ:

— Я вѣдь не отбиваю мѣста у Якова Аонасьевича. И потому, что всѣ говорятъ: «Крестовоздвиженскій не возьметъ... онъ ѣдетъ учиться въ медицинскую академію»... вотъ потому я и рѣшился... попросить письмо у крестнаго...

— Конечно, конечно,— промолвила Анна Михайловна, волнуясь и, повидимому, не особенно внимательно слушающая объясненія семинариста. — Я васъ не виню,— добавила она:—но вамъ все наврали... вздоръ все!...

Кровь бросилась въ лицо Крестовоздвиженскому.

— Маменька, — произнесъ онъ, вставая, — я прямо

говорю вамъ, что я не возьму мѣста... пусть Кедровскій вѣдетъ къ о. Никифору... Меня ничто не можетъ остановить...

Сказавъ это, онъ хотѣлъ выйти изъ комнаты, но ему загородилъ дорогу входившій отецъ. Онъ замѣтилъ волненіе сына и жены и, мелькомъ взглянувъ на Кедровскаго, даже не отвѣтивъ на его поклонъ, проговорилъ съ недоумѣніемъ:

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, отецъ, этотъ господинъ...

Кедровскій поклонился вторично и назвалъ свою фамилію.

— Вотъ этотъ господинъ прѣхалъ насчетъ мѣста о. Никифора...

— Какъ такъ? — перебилъ жену о. Аоанасій: — да вѣдь, мѣсто за Яковомъ.

— А Яковъ отказывается...

— Ты опять за свое! — крикнулъ о. Аоанасій. — Да долго ли же это?!

— Я вѣдь давно объявилъ вамъ, батюшка...

— А я знать не хочу твоихъ объявленій!.. Ты берешь мѣсто, и кончено!

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ.

— Я не возьму мѣста...—началъ онъ.

— Что-о?

Лицо о. Аоанасія побагровѣло.

— Что-о?—повторилъ онъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

Анна Михайловна испугалась и приблизилась къ мужу.

— Успокойся, отецъ, успокойся!—сказала она, беря у него изъ рукъ шляпу.— Не волнуйся... Объясни лучше этому господину...

Отець Лоанасій, тяжело дыша, опустился на подвинутый ему стулъ и обратился къ Кедровскому:

— Вы откуда? Кто такой будете?—рѣзко спросилъ онъ.

— Я—крестникъ отца Михаила, протоіеряя сонской Спасекой церкви,—отвѣтилъ Кедровскій тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Крестникъ о. Михаила?.. мм!

О. Михаилъ былъ вліятельный человекъ въ коненсторіи и пользовался уваженіемъ въ городѣ. Упоминаніе его имени сразу произвело надлежащее дѣйствіе на домкинскаго благочиннаго.

— Такъ вы крестникъ о. Михаила,—повторилъ онъ, омыдывая Кедровскаго.—Очень пріятно. Только что же это о. Михаилъ вздумалъ перебивать?..

— Крестный совсѣмъ не желаетъ этого,—отвѣтилъ Кедровскій, —крестный мнѣ прямо сказалъ: я не хочу ссориться съ о. Лоанасіемъ, и ты прежде, чѣмъ поѣдешь къ о. Никифору, заѣзжай въ Домкино и узнай все лично. Если сынокъ о. Лоанасія беретъ мѣсто, — тебѣ и ѣхать къ о. Никифору нечего. Ну, а если не беретъ, то...

Кедровскій сдѣлалъ выразительный жестъ руками.

— Такъ, такъ!—одобрительно произнесъ о. Лоанасій, удовлетворенный объясненіями.—Это не обидно... Мы съ о. Михаиломъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Конечно, если мѣсто свободно, то что же... но дѣло обстоитъ не такъ...

Онъ посмотрѣлъ на сына, стоявшаго у косяка выходной двери, и окончилъ:

— Яковъ беретъ мѣсто... и въ скорости будетъ сговоръ... вы такъ это и доложите о. протоіерю, а посему вамъ, дѣйствительно, не зачѣмъ безноконтясь и ѣхать къ о. Никифору.

— Да ужъ я и не поѣду,—сказалъ Кедровскій, поднимаясь съ мѣста и подавая вздохъ.

— Вы что же... откушайте съ нами... чайку,—предложилъ о. Аонасій, желавшій сгладить свою первоначальную нелюбезность съ крестникомъ влиятельнаго протоиерея.

— Благодарю покорно. Я сѣгну,—отвѣтилъ Кедровскій, раскланиваясь.

Яковъ Аонасьевичъ вышелъ проводить товарища.

— Вѣдь, вотъ, я правду тогда говорилъ... у Псалмопѣвца...—произнесъ Кедровскій, отвязывая лошадей:—такъ все и выходитъ...

Крестовоздвиженскій ничего не возразилъ на это. Онъ проводилъ товарища за ворота, повернулъ влѣво и пошелъ вдоль деревни.

Черезъ нѣсколько минутъ его хватились, но ни въ комнатѣ, ни въ огородѣ, ни на сѣновалѣ его не нашли.

— Вы никакъ Якова Аонасьевича нецете?—спросилъ работникъ.

— Да, да... а ты знаешь, гдѣ онъ?—спросила Анна Михайловна.

— Они по порядку пошли... должно, въ поля... прогуляться...

Но когда сынъ не явился къ ужину, Анна Михайловна встревожилась.

— Отецъ, да гдѣ же онъ?—съ безпокойствомъ проговорила она, входя въ кабинетъ мужа.

— Ну, чего ты... вернется... куда онъ дѣнется!—отвѣтилъ о. Аонасій, придавая голосу беззаботное выраженіе и стараясь этимъ скрыть передъ женою свое внутреннее волненіе.

Конецъ тревогъ положилъ пришедшій на поповскій

дворъ домкинскій мужикъ. Отъ него узнали, что «поповичъ» пошелъ на Курново.

— Я его встрѣтилъ какъ разъ около Мокшинскаго овина, — пояснилъ мужикъ.

— Ну, вотъ, больно тревожилась, — сказала о. Аонасiй женѣ: — никуда не пропалъ, а къ дружкѣ своему направился... Теперь гляди: бѣгутъ оба въ Интеръ и оттуда извѣстятъ, что мы, моль, доктора стали!..

— Пашель когда шутить! — съ досадою промолвила попадя и вышла изъ комнаты мужа.

Поздно въ этотъ день легъ спать о. Аонасiй, въ раздумьѣ долго ходившій по кабинету.

XXII.

Крестовоздвиженскiй и Псалмопѣвецъ пили чай, къ которому были поданы ржаные онекиши.

Яковъ Аонасiевичъ сидѣлъ задумчивый; петрунутый онекиши лежалъ передъ нимъ на тарелкѣ. Псалмопѣвецъ ѣлъ съ апетитомъ, свертывая заразъ по два онекиша.

— Ты что же, Яковъ, не ѣшь-то? — сказала онъ: — ты у насъ уже шестой день живешь, а ни разу толкомъ не поѣлъ... этакъ ты отоцасишь и къ ученью силъ лишишься...

— Не правится наша бѣдная пища Якову Аонасiевичу, не къ такой онъ дома привыкъ, — замѣтила прос-

вирня, входя въ комнату и услыхавши послѣднія слова сына.

— Ну, мать, ты не благочинный, и на твоей кашнѣ доходовъ много не получишь,—проговорилъ Псалмопѣвецъ.—Да и надо Якову пріучаться... въ Питерѣ и не такъ еще доведется нуждаться...

Провирня прошла къ столу и стала наливать себѣ чай. Она покачала головой и вздохнула.

— Ты что, мать? — спросилъ ее Псалмопѣвецъ.— О чемъ сокрушаешься? Опекишей что ли много поѣлъ я?

— Ну, вотъ... кунай на здоровье,—отвѣтила старуха, улыбаясь.—Что опекиши! А вотъ я слушаю, смотрю и никакъ не возьму въ толкъ...

— Чего, мать?

— Да я боюсь и говорить-то... осерчаешь, того гляди...

— Да ну, говори, мати... я вѣдь знаю, что ты богословія не изучала и въ философіи—швахъ!.. Говори... что такое?

— Да вотъ насчетъ нужды... какая необходимость Якову Аонасеевичу на нужду ѣхать, когда такое счастье выпадаетъ?

— Ну, мать, это вѣѣ твоей компетенціи,—сказалъ Псалмопѣвецъ, разсмѣявшись:—а ты палей-ка лучше мнѣ еще чаю...

Старуха взяла изъ рукъ сына стаканъ и проговорила:

— Я, известно, по-бабьему, по-глушому разсуждаю... Гдѣ же мнѣ по-вашему, по-ученому... а только...

— Только ты и меня не одобряешь... И мнѣ лучше бы въ поны итти? Такъ, мать?

— Конечно, Псеоплт... Я стара, устала хлопотать, а тутъ мнѣ спокой бы.

— Погоди... кончу... буду деньги огребать лопатами

и тебя успокою... шубку тебѣ куплю, шаль... ну, чего еще надо... говори: зашину, чтобы не забыть.

— У тебя все шутки, Неофитъ...

— А что жъ мнѣ, плакать что ли? о чемъ?

Старуха только вздохнула, ничего не отвѣтивъ сыну.

Крестовоздвиженскій допилъ свой чай и, отодвигая стаканъ, обратился къ пріятелю:

— А что же, когда мы отправимся къ Кулакову?

— Сегодня, друже, сегодня... Я уже узнать... онъ бросилъ пить, и человѣческій образъ принялъ... съ нимъ теперь можно разговаривать...

— Согласится ли онъ?

— Будемъ убѣждать... на разные манеры... А то у меня еще одна комбинація явилась... потому сообщу тебѣ...

Крестовоздвиженскій поднялся съ мѣста.

— Я пойду въ огородъ,—сказалъ онъ.

— Иди, иди, а я вотъ допью чай, и сейчасъ же отправимся...—отозвался Псалмопѣвецъ.

Когда Крестовоздвиженскій вышелъ, просвирня сказала сыну:

— И напрасно ты его смущаешь, Неофитъ... Отъ счастья отводишь...

— Что онъ, крошечка, что ли? Самъ имѣеть думалку... Не хотѣлъ бы, не сталъ бы меня слушать.

— Да вишь онъ какой... смиренный... Безъ тебя бы ему ни за что не подняться на такое дѣло,—сказала старуха.

— На какое дѣло?

— Да супротивъ воли родительской идти... Охъ, Неофитъ, грѣхъ ты берешь на душу!.. Самъ не думаешь о матери, и ея...

— Будеть, мать, будетъ!—оборвать Псалмопѣвецъ.—

И это уже слышать, знаю, что я непокорный и плохой сын... Можетъ-быть, и не образцовый, точно... Но что дѣлать: не могу овечкой сдѣлаться...

— Зачѣмъ овечкой, Неофитъ... А ты только о себѣ думаешь однимъ...

— И въ этомъ каюсь: самъ себѣ ближе всѣхъ...

— И мать не любишь...

— Ибѣтъ, это не вѣрно: люблю я и тебя, но только губить себя и ради тебя не буду... А помочь... отблагодарить за все сумбю... увидишь!

— Долго ждать... не дожить мнѣ до тѣхъ дней...

— Ну, Богъ милостивъ, мать! ты не такъ слаба... Да и съ голоду не умираешь... прокормишься есть чѣмъ!.. А немножко-то помогать я скоро буду въ силахъ.

Онъ всталъ.

— Спасибо!—сказалъ онъ:—не сердись на меня... тебѣ меня не понять и мнѣ тебя не убѣдить... что безъ толку себѣ печонку тревожить... скоро уѣзжаю...

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Старуха посмотрѣла ему вслѣдъ. На ея глазахъ, въ которыхъ свѣтилась любовь, навернулись слезы.

— Ахъ, Неофитъ!—прошептала старуха и, вздохнувъ, принялась мыть чашки.

Крестовоздвиженскій всѣ эти дни провелъ въ сильной тревогѣ. Онъ своимъ рѣшительнымъ отказомъ и, еще болѣе, печезновеніемъ изъ дома бросилъ родителямъ вызовъ. «Война начата!» Эту фразу произнесъ Псалмопѣвецъ, когда явился къ нему Яковъ Доанасьевичъ. Да, начата. Что же дальше? Уходя изъ дома, Крестовоздвиженскій не думалъ ничего о будущемъ. Онъ убѣгалъ отъ объясненія съ родителями, которое не могло кончиться добромъ,—такъ казалось молодому человѣку.

Охваченный боязнию, онъ «сдѣлать отступленіе», и это одобрилъ Псалмопѣвецъ.

— Всякій, братъ, сражается, по своимъ средствамъ,—сказать пріятель.—Тебѣ и надо вести войну такимъ образомъ: отступать, затягивать время; сразиться прямо у тебя не хватитъ силъ, да и рано, еще не все готово къ побѣдѣ.

Крестовоздвиженскій не рѣшился возвращаться домой. Онъ боялся отца, и ему было тяжело разговаривать съ матерью. Да и товарищъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ не возвращался пока.

— Поживи у меня,—говорилъ онъ.—Пусть все стихнетъ, это тебѣ поможетъ; они увидятъ, что ты не шутникъ. Отсюда ты для нихъ страніе. Они въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что ты въ-какой сдѣлался отчаянный.

— Надо же будетъ явиться,—замѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Конечно, дай все устроить, тогда, братъ, мы вмѣстѣ явимся. Какъ совѣмъ-то вооружимся, тогда и они не страшны. Честь-честью проститься надо.

Псалмопѣвецъ имѣлъ въ виду «добычу средствъ». Въ двухъ верстахъ жилъ лавочникъ Кулаковъ, дававшій деньги подъ проценты. Псалмопѣвецъ зналъ лавочника и надвѣялся занять у него «сотнягу». Но Кулаковъ зашилъ какъ разъ за два дня до появленія Крестовоздвиженскаго въ Куриловѣ. Нужно было выждать. Хотя Яковъ Аонасьевичъ мало вѣрилъ въ возможность займа у Кулакова, но все-таки въ его сердцѣ жила надежда, поддерживаемая товарищемъ. Да другого исхода и не было. И Крестовоздвиженскій продолжать гостить у Неофита, каждый день ожидая посланца за собою изъ Домкина.

Исаимоѣвцевъ, подойдя къ тыну огорода, крикнуть пріятелю, шагающему въ раздумьѣ по узенькой тропинкѣ: — Ну, Яковъ-воишь, грядемъ къ торговцу!

Кулаковъ просходилъ изъ дворовыхъ и любилъ подражать «господскимъ порядкамъ». Онъ постоянно твердилъ женѣ:

— У меня чтобы все, какъ слѣдуетъ, по-благородному. Теперь всякъ—господинъ, если при капиталѣ.

Онъ одѣвалъ дочь, какъ барыню, нанималъ ей, одно время, даже учителя, какого-то отставного офицера, порядочно вышивавшаго, но знавшаго французскій языкъ. Маня, не умѣя правильно писать по-русски, знала нѣсколько французскихъ фразъ, хотя и произносила ихъ «чортъ знаетъ по-каковски», но выраженію учителя; впрочемъ, онъ дипломатически умалчивалъ объ этомъ передъ лавочникомъ. Собираясь Кулаковъ купить и «фортиньяны», но не могъ найти по дешевой цѣнѣ, а большихъ денегъ жаль. Съ покойнымъ отцомъ Неофита онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а потому и Неофиту онъ давалъ иногда взаймы пять—семь рублей подъ «бумажку».

— Все-таки лучше, при случаѣ и выискать можно... Ну, и срамота человѣку.

Въ добрую минуту Кулаковъ обѣцалъ семинаристу помочь на дорогу, вотъ почему онъ и питалъ увѣренность на заемъ.

Молодые люди, войдя въ лавку, застали тамъ Маню, которая что-то записывала въ книгу.

— Марьѣ Спиридоновиѣ наше почтеніе,—произнесъ Исаимоѣвцевъ.

Маня была равнодушна къ семинаристу. Ея личико зарумянилось.

— Что это вы записывать изволите?—продолжалъ Псалмогѣвцевъ:—никакъ долги, которыхъ ваша тятенька не отпускаетъ съ такой же милостью, съ какой Господь отпускаетъ наши прегрѣшенія.

— Вы всегда только надсмѣхаетесь,—сказала Маня, кокетничая.

— Никогда-съ! А вы совѣмъ розой пышной стали, Марья Спиридоновна. О, кто тотъ счастливецъ, который сорветъ благоуханную розу!

Маня еще болѣе покрасѣла и промолвила дѣлшно обиженнымъ тономъ:

— Не смѣйте надсмѣхаться... противный!

— Благодарю на ласковомъ словѣ. Если я противный, такъ вотъ позвольте вамъ представить непротивнаго человѣка, моего друга, Якова Афанасьевича Крестовоздвиженскаго. Вѣроятно, изволили слышать?

— А вы думаете, только васъ однихъ знаютъ? — отвѣтила дѣвушка, кланяясь Крестовоздвиженскому.

— Что мы!—пожимая плечамъ, произнесъ Псалмогѣвцевъ.—А вотъ позвольте узнать, Марья Спиридоновна...

— Вамъ что угодно? Можетъ, быть, гороху отвѣсить?—перебила дѣвушка, очень довольная своей остротой.

— Благодаримъ на вниманіи,—отвѣтилъ Псалмогѣвцевъ безъ всякаго смущенія.—Конечно, бурсакамъ горохъ кушанье пріятное... но такъ какъ мы съ пріятелемъ уже окончили курсъ и ѣдемъ въ медицинскую академію, то согласно гигиеническимъ требованіямъ...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, увидѣвъ входившаго Кулакова, и воскликнулъ, снимая фуражку:

— Коммерсанту и банкиру наше низжайшее!

— Хе-хе-хе! Ужъ издали узналъ по голосу... Э, ду-

маю, балагуръ пришелъ... Здравствуй, бурсацкое сѣтельство! А кто это съ тобою? Никакъ сынокъ о. Доанасія?

Кулаковъ пожалъ руку Псалмопѣвцеву и отвѣтилъ на поклонъ Крестовоздвиженскаго.

— Да, это будущій знаменитый врачъ, единственный и возлюбленный сынъ отца благочиннаго... Видишь, коммерціи совѣтникъ, какіе знатные гости къ тебѣ пожаловали. Принимай и угощай.

Псалмопѣвецъ нарочно держался такъ развязно, желая «задать форсу», что было, но его мнѣнію, необходимо относительно Кулакова.

— Ахъ, балагуръ, — засмѣявшись, произнесъ лавочникъ. — Что жъ чайкомъ угостить? Можно... Впервые сынокъ-то о. Доанасія пожаловалъ. Милости просимъ въ садикъ... тамъ подъ лешками чудесно.

— Безподобно, — согласился Псалмопѣвецъ. — Только уже вели подать къ чайку монашескія сливочки.

— Хе-хе-хе! А если безъ нихъ? — спросилъ Кулаковъ. — Вѣдь, не въ пошнѣ идешь, а въ доктора...

— А доктора всегда съ коньячкомъ пьютъ, — не теряясь, отвѣтилъ Псалмопѣвецъ.

Чай былъ поданъ въ «садикъ». Увились «монашескія сливки» и мадера, которую Кулаковъ «обожалъ».

Псалмопѣвецъ пилъ и то и другое. Крестовоздвиженскій отказался.

— Да вѣдь и вы въ доктора?.. Такъ какъ же не пьете? — замѣтилъ Кулаковъ.

— Онъ еще въ недоумѣніи, — отвѣтилъ за товарища Псалмопѣвецъ, — за разрѣшеніемъ сего недоумѣнія къ тебѣ и пріѣхать.

— Какъ такъ?

— А вотъ погоди, объясню.

Когда было вышито по пятой рюмочкѣ, и Кулаковъ сталъ чаще смѣяться, Псалмогѣвцевъ объявилъ о цѣли ихъ прихода.

— То-есть это какъ же... И они денегъ занять у меня хотятъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ лавочникъ.

— И я, и онъ, мы оба,—отвѣтилъ Псалмогѣвцевъ, продолжая держаться избраннаго тона.

— Хе-хе-хе! Да у ихъ батюшки денегъ достаточно и безъ моихъ: и дома и въ банкѣ. На что же занимать?

— А потому, что батька хочетъ его въ поны опредѣлить, а онъ хочетъ въ доктора.

— Вотъ что-о! — протянулъ Кулаковъ. — Значитъ, отецъ Аонасій не соглашается на ученіе и ничего не дастъ.

— Ты всегда, банкиръ, удивительно догадливъ!—воскликнулъ Псалмогѣвцевъ, наливая себѣ еще рюмку мадеры.

— Да, вотъ оно что... — повторилъ Кулаковъ. Онъ посмотрѣлъ на Крестовоздвиженскаго и тоже напилъ себѣ мадеры.

— Ну, что же скажешь?—спросилъ Псалмогѣвцевъ, ставя рюмку на столъ.

— Дѣло-то неподходящее,—произнесъ лавочникъ, вытирая губы кончикомъ скатерти.

— Почему?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Псалмогѣвцевъ.—Кажется, сыну благочиннаго можно повѣрить.

— Вотъ оно-то и неудобно, это самое, что они-съ сыночекъ благочиннаго. Денегъ у о. Аонасія достаточно... Если не дастъ, стало-быть, желаетъ воспренятствовать. Если я дамъ, это, значитъ, я наперекоръ пойду, въ ссору съ нимъ.

— Тебѣ-то что?—замѣтилъ Неофитъ:—давно ли ты такимъ благочестивымъ сталъ, что гнѣва пастырскаго боишься? Не бойся, онъ апаодемѣ тебя не предастъ.

— Какая тамъ апаодема!.. Нешто я Гришка Отрепьевъ, чтобы меня апаодемѣ предавать?—обидчиво проговорилъ лавочникъ.

— Такъ чего же ты?—промолвилъ Псалмопѣвецъ, улыбкой стараясь поправить свою невольную ошибку.

— А съ того, что не желаю ссориться съ о. Аонасіемъ,—и весь сказъ!

Въ тонѣ Кулакова послышалось упрямство закапризничавшаго мужика.

— Какая же ссора?—продолжалъ убѣждать Псалмопѣвецъ:—ну, сначала родители посердятся на сына, а потомъ простятъ и сами же пошлютъ ему денегъ. Онъ тебѣ и отдастъ. А то о. Аонасіій тебѣ за сына заплатитъ самъ... Вотъ и все!

— Штъ, это не дѣло,—упрямо возразилъ Кулаковъ.—Между родителей какъ можно соваться? Будь еще дѣло чужестранное... А то поблизости... Я о. Аонасіи знаю, и онъ меня. Встрѣтимся, какими глазами стану смотрѣть на него?

Упрямство лавочника начало сердить Псалмопѣвца.

— Ужъ очень ты что-то стыдливъ сталъ погѣ,—сказать семнарнеть, не сдержавшись.

Эти слова еще болѣе задѣли Кулакова.

— Это какъ же понимать надо?—спросилъ онъ:—стало-быть, я стыдъ потерялъ, такъ по-твоему выходить? Спасибо! Сидишь у меня, угощаешься, да меня же и хаешь... А еще, поди, и для себя занять хочешь?

— Ты мнѣ обѣщаль давно,—отвѣтилъ Псалмопѣвецъ сухо, сердясь и на лавочника, и на себя самого.

— Да что... расписку что ли я тебѣ дать? Уговоръ сдѣлать съ тобою? Общцать! Да послѣ такой обиды съ твоей стороны какія же деньги!

— Фу, ты... какъ разобидѣлся!— воскликнулъ Псалмопѣвецъ. — Точно и невѣсть, какъ его оскорбили. Завидяся ты, Спиридонъ Севастьяновичъ, больно... Разбогатѣлъ и завидяся.

— Всякій при своемъ капиталѣ,— отвѣтилъ Кулаковъ.— Кого какъ Господь наградилъ...

— Ну, ты имя-то Божіе все не употребляй,— перебилъ Псалмопѣвецъ, теряя всякое самообладаніе.— Нажилъ деньги, благодаря мужицкой темнотѣ и нищетѣ, и помалчивай. Пойдемъ, Яковъ,— добавилъ онъ, обращаясь къ пріятелю, все время хранившему молчаніе.— Видишь, его степенство разошлось, въ амбицію вломилось, не трошь его.

— Да-а. Обижать себя я не дозволю. И за что? За то, что я его не одиновъ выручалъ, хотѣлъ, можно сказать, облагодѣтельствовать на дорогу, онъ же меня и костить задумалъ!

— Да полно! никто тебя не костилъ. Прощай, богатѣй больше,— сказалъ Псалмопѣвецъ и пошелъ изъ сада.

За пріятелемъ послѣдовалъ и Крестовоздвиженскій.

Пѣкоторое время они шли молча. Наконецъ Псалмопѣвецъ воскликнулъ съ досадою:

— Экая мерзость! Прорвало его сегодня! Совсѣмъ дѣло—дыра.

— Ты ужъ очень, Псефитъ...

— Чего очень? Всегда я такъ... ну, положимъ, немножко переборщилъ... Нѣтъ, это стого, что послѣ заною векорѣ. Первы не въ порядкѣ у него. Э, да не кручинься! У меня другая комбинація есть. Поѣду въ

Дубровки, тамъ живетъ мой пріятель. И его, можно сказать, въ истинную вѣру привелъ, свѣтъ показалъ: теперь онъ «Что дѣлать» читаетъ. Понимаешь? А у его отца денегъ много.

— Кто же его отецъ?—спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Водочный заводъ у отца. Давно бы туда надо, да далековато—пятьдесятъ вереть съ лишнимъ. Дѣлать нечего, свѣзку.

Въ кухнѣ просвирни сидѣлъ Михай. Увидѣвъ отцовскаго работника, Крестовоздвиженскій измѣнился въ лицѣ.

— Ты что?—спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— А я по васъ, Яковъ Аонасьевичъ. Бабушка пріѣхали съ сестрицами, желаютъ васъ видѣть.

— Хорошо, ступай, скажи, что приду.

На другой день Крестовоздвиженскій отправился домой.

— Ты держи ухо востро, —сказалъ Псалмопѣвецъ, прощаясь. — И завтра же айда въ Дубровки. Если все хорошо, я сейчасъ же къ тебѣ. Ты только свои бумаги прячь хорошенько.

— Онъ у матери, —отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Какъ?!

Псалмопѣвецъ всплеснулъ руками.

— Какъ же это можно, Яковъ? Непремѣнно достань. Выдумай что-нибудь, ухитрись, обойди мать... Безъ бумагъ куда же ѣхать? Эхъ, Яковъ, Яковъ!..

Съ невеселыми думами и съ тяжестью на сердцѣ возвращался Крестовоздвиженскій въ Домкино.

XXIII.

Навстрѣчу брату выскочила Оеклуша, его любимица. Ласковая, добрая и бойкая, пухленькая, русокудрая Оеклуша была очень привязана къ брату.

— Якуша, Якуша!—закричала она и повисла у него на шеѣ.

Она обняла ее и поцѣловала нѣсколько разъ.

— Ну, какъ жилось у бабушки? Весело было?—спрашивала Яковъ Леонасьевичъ у Оеклуши, идя рядомъ съ нею.

На него повѣяло тепломъ, хорошо стало на сердцѣ отъ ласки сестренки. Той тяжести, которую онъ чувствовать, словно и не бывало,—по крайней мѣрѣ, въ эту минуту. Онъ такъ боялся возвращаться, и вотъ «Сибгурочка», какъ звать онъ Оеклушу, согрѣла его своей любовью и наполнила сердце радостью.

— У бабушки было хорошо,—отвѣтила сестра:—только я по тебѣ скучала. А ты нехорошій.

— Чѣмъ же?—спросила Крестовоздвиженскій съ улыбкой, забывая на мигъ и о борьбѣ, и о своихъ мечтахъ.

— А какъ же: унелъ, и нѣтъ тебя. Это я попросила бабушку послать за тобой. Она и сама хотѣла, а я тоже просила.

Она заглядывала въ глаза брату.

Въ передней Крестовоздвиженскій столкнулся съ другою сестрой, которая была на два года старше Оеклуши. Худенькая, съ длиннымъ весноватымъ лицомъ, съ рыжими некрасна волосами, съ узенькими костлявыми плечами, Стеша выглядѣла жалкой дѣвочкой, не возбуждавшей симпатіи. Ей никакъ нельзя было дать четырнадцати

дѣтъ, и передь ней двѣнадцатилѣтняя Оеклуна казалась совсѣмъ взрослой.

— Здравствуй, Стена,—сказать Крестовоздвиженскій, и въ его голосѣ не было слышно тѣхъ нотъ, какія звучали недавно въ разговорѣ со Сибгурочкой.

Стена какъ-то робко поздоровалась съ братомъ и въ ея безцвѣтныхъ узенькихъ глазахъ не отразилось ни волненія, ни радости.

— Ты это что же, въ бѣгахъ былъ? — промолвила она, очевидно, повторяя чью-то фразу.

Крестовоздвиженскій вскинулъ, но ему не удалось ничего отвѣтить сестрѣ, потому что въ дверяхъ показалась невысокаго роста, нѣсколько сторбленная старушка въ черномъ платьѣ и въ повязкѣ на головѣ. Маленькіе глазки старушки слезились, но въ нихъ было такъ много гнѣвной любви и ласки. Все лицо старушки въ мелкихъ сборкахъ походило на губку, но въ немъ было что-то неувидимое, что дѣлало его приятнымъ. Всмотрѣвшись, вы начинали понимать, что лицо красила улыбка, въ которой душевная мягкость сливалась съ чистотой и добротой сердца.

— Ахъ, Яшенька, соколикъ мой!—воскликнула старуха.

Она вся просвѣтлѣла, обнимая внука, который съ искреннимъ чувствомъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и потомъ расцѣловался съ нею. Онъ горячо любилъ бабушку, которая прежде жила подолгу у нихъ, когда онъ былъ еще маленькимъ. Бабушка, дѣтство, зимніе вечера, сказки, леденцы, и ласковыя рѣчи — все это сливалось въ одно въ представленіи Крестовоздвиженскаго. Ласками бабушки освѣщалось дѣтство, а свѣтъ дѣтства падалъ въ свою очередь на бабушку. Стояло Якову Аоанасьевичу

вспомнить дѣтскіе годы — онъ вспоминалъ и бабушку. Вспоминалъ бабушку — воскресали и дѣтскіе годы. И теперь сразу на него повѣяло тепломъ дѣтства, точно отворили окно въ темную комнату, и въ нее снаружи ворвался лучъ солнца.

— Пойдемъ, пойдемъ, Яшенька, мы чай пить собираемся... Дай на тебя, соколнѣкъ, хорошенько взглядыться. Шутка ли: полтора года не видала тебя. Парочно и прѣвхала.

— Бабушка, Якуша любитъ малиновое варенье, — сказала Оеклуша.

— Знаю, знаю, стрекоза. Пить, обрадовалась.

Старуха погладила внучку по головѣ и опять обратилась къ внуку, глядя на него радостными, счастливыми глазами.

— Какой ты красивый да пригожій стать! — произнесла она съ восхищеніемъ.

Самоваръ уже кипѣлъ. Анна Михайловна заваривала чай. О. Аонасія еще не было въ комнатѣ.

— Здравствуйте, маменька! — произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, и загостился же ты у своего дружка, и домъ забыть, — сказала попадья, ставя чайникъ на самоваръ.

Въ голосѣ Анны Михайловны прозвучало неудовольствіе, хотя, видимо, старалась она быть ласковой.

— Бѣглець, — смѣясь, промолвила бабушка. — Ну, да мы его теперь не пустимъ, шалунъ! На цѣпочку его... Такъ, вѣдь, Яшенька?

— Зачѣмъ же на цѣпочку? — съ улыбкой спросилъ молодой человѣкъ, поглядывая на дверь.

— А потому, не бѣгай! Вотъ зачѣмъ, — съ добродушной усмѣшкой отвѣтила старуха. — Мы, батюшка, этого

не любимъ. Садись-ка, пей чай да ѣшь лепешку. Смотри, какая она румяная, въ родѣ тебя.

— И меня,—подхватила Оеклуна, ластясь къ бабушкѣ.

— Ужъ безъ тебя не обойдется дѣло, какъ можно тебя забыть! Ну, полно, полно. Садись, пей, да гдѣ сестра-то? Зови ее.

— А гдѣ же батюшка? — освѣдомился Крестовоздвиженскій.

— Онъ закусиль уже да въ церковь ушелъ съ подрядникомъ,—отвѣтила мать.

Послѣ чая Яковъ Аонасьевичъ отправился съ Оеклуной въ огородъ, куда пришла и бабушка. Она скоро услала Оеклуну.

— Ну, что же, Ишенька, ты о себѣ ничего не скажешь?—заговорила старуха, когда они остались одни.

Она опустилась рядомъ съ внукомъ на скамейку.

— Какъ ты насчетъ своей судьбы думаешь?

— Да вѣдь вы, навѣрное, все знаете, говорили вамъ,—сказала Крестовоздвиженскій.

— Ничего мнѣ не говорили,—отвѣтила старуха:—да зачѣмъ мнѣ отъ другихъ узнавать, развѣ ты мнѣ не скажешь самъ?

Яковъ Аонасьевичъ посмотрѣлъ на нее и промолвилъ съ улыбкою, которою хотѣлъ скрыть свою тревогу, снова пробудившуюся при вопросѣ старухи.

— Да вотъ бунтъ учиняю, бабушка.

— Ой, какіе страхи, Ишенька! Что ты, Богъ съ тобой! не пугай меня, Христа ради!

И она махнула рукой.

— Да нешто можно бунтовать? А что за это бываетъ-то?

— Да я не противъ начальства, бабушка. Это, такъ сказать, семейный бунтъ.

— Развѣ не одно и то же? Да полно тебѣ меня пугать. Ты лучше расскажи мнѣ, какъ устроиться задумать? Въ академію-то не ѣдешь?

— Въ духовную нѣтъ, а ѣду въ медицинскую.

— Это зачѣмъ же, родной? Пенно оттуда тоже въ поны выходятъ?

— Нѣтъ, въ доктора.

— Зачѣмъ же тебѣ въ доктора? Думаешь меня что ли онять въ молодую превратить? Эхъ, Яшенька, тутъ никакая наука не поможетъ.

Она улыбнулась.

— Не хочу, бабушка, въ духовные выходить, хочу быть свѣтскимъ.

— О-о? Будто лучше?

— Не по сердцу мнѣ духовное званіе.

— Да ты вѣдь не пробовать. Мой мужъ покойный, твой дѣдушка, то же самое: не хотѣлось ему въ поны идти, да и только. Со слезами посвящали. А какъ пожить да привыкъ, потомъ и сталъ говорить: да лучше и жизни нѣтъ, спасибо, что архіерей заставилъ. Вѣчно Бога за него молилъ, вотъ что, Яшенька.

Она внимательно посмотрѣла на внука. Онъ молчалъ.

— И куда же это надо ѣхать тебѣ въ академію - то эту?

— Въ Питеръ.

— Ухъ, куда! А какъ худо тамъ окажется? Другіе-то вѣдь храбрые да смѣлые, а ты у насъ смиренный, прожить все время на готовомъ. А тамъ какъ же на казенномъ что ли жить?

— Нѣтъ, на своемъ.

— На своемъ. А гдѣ же деньги — то у тебя? Развѣ принасъ?

— Если бы отецъ захотѣлъ, то у него хватило бы.

— А ты считаешь? Эхъ, соколикъ! А сестрамъ не надо? Обидѣть хочешь Сибгурочку-то. А Стена? За той еще больше надо, красотой-то не вышла.

— Мнѣ не много надо. Да тутъ дѣло не въ деньгахъ, бабушка. Отецъ не хочетъ, говорить, въ понахъ лучше.

— А что же, Яшенька, и не хуже. У алтаря Господня и почетно, и Богу угодно.

— Склонности не имѣю.

— Ну, что ты! Съ твоимъ чистымъ сердцемъ, да не имѣть склонности! Ты такой добрый да кроткій, настоящій пастырь и будешь.

— Неужели, бабушка, и вы противъ того, чтобы и шеть въ доктора?

— Извѣстно, въ понахъ лучше, особенно, если мѣсто хорошее... Какъ у Христа за пазухой: живи, не тужи... И здорово, и спокойно. А доктору сколько безпокойства: тутъ не вылѣчилъ, тамъ не угодилъ, глядишь, и пошла дурная слава, а коли такъ-то, и цѣна не та, да и опасно. Недалеко ходить: у насъ докторъ-то лѣчилъ отъ горячки, да и домой болѣзнь занесъ, всё переболѣли, а жена и умерла. Итъ, Яшенька, какъ можно равнять, то ли дѣло быть пономъ? Домикомъ своимъ заживешь, всего-то у тебя будетъ вдоволь: и птички, и скотинки, и хлѣбецъ свой, и огородикъ... Живи себѣ, какъ баринъ, никого не знаешь, только съ благочиннымъ не ссорься.

На этомъ разговоръ пока и кончился. Но старуха на другой день опять заговорила о томъ же самомъ. Она говорила мягко, не настаивая, не возмущаясь, а только расхваливая поповское житье.

— Знаешь, Яшенъка, — сказала она: — кабы ты на мѣсто вышелъ, и я бы къ тебѣ перебралась. Право. Или прогонишь?

Крестовоздвиженскій засмѣялся.

— Не прогонишь? Ну, и ладно. Мы къ тебѣ вмѣстѣ со Сибгурочкой.

— Милости просимъ въ Петербургъ, бабушка.

— Пш-ни! Туда не поѣдемъ! Куда мнѣ, старой, кости такъ далеко трясти? Не доѣду, разсыплюсь.

Постѣ обѣда Оеклуша пристала къ брату.

— Якуша, вѣдь ты не уѣдешь?—говорила она, чуть не плача.

— Уѣду.

— Ну, какъ же! Такъ тебя и пустили.

— Кто же меня не пуститъ?

— Да я не пуцу.

— Ты развѣ меня не любишь, Оеклуша?

— Я-то тебя люблю, а ты вотъ меня не любишь и никого изъ насъ не любишь, хочешь такъ далеко уѣхать. Вѣдь даютъ тебѣ мѣсто, ну, и бери его... Якуша, милый, не уѣзжай!

Она прижималась къ брату.

— А если уѣдешь,—продолжала она, не получая отъ него отвѣта:—то я умру, и бабушка, и мама... всѣ, всѣ умремъ.

Она говорила какъ бы шутливо, но порывисто и съ дрожью въ голосѣ.

— Перестань, Оеклуша, ты мелешь глупости,—остановилъ ее Яковъ Аванасьевичъ, которому были неприятны слова сестры.

— Да, да,—капризно повторяла она.—А не уѣдешь—ничего не случится.

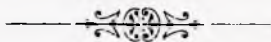
Стена почти совсѣмъ не разговаривала съ братомъ. Она была флегматична, замкнута въ себѣ. Она, если и оживлялась порою, то потому только, что «Осклуна хотъ мертвѣго подниметь», по выраженію бабушки. Но, когда младшая сестра оставляла ее въ покоѣ, Стена по цѣлымъ днямъ молчала, занятая работой. Она была большая руководъльница, но мало способная къ ученю. Ее нельзя было назвать злой, но она долго помнила обиды. Бабушка жалѣла Стену, считая ее дурнушкой и обдѣленной природою; въ ласкѣ старухи проглядывало болше жалости, чѣмъ той горячей любви, которую она чувствовала къ другой внучкѣ. Яковъ Аонасѣвичъ не любилъ Стени; полнымъ равнодушіемъ отплачивала и она брату.

Занятый ремонтомъ въ церкви, о. Аонасій нѣсколько дней подъ-рядъ мало видѣлся съ сыномъ, а разговаривать съ нимъ ему совсѣмъ не приходилось, да, видимо, онъ и избѣгалъ разговоровъ.

Зато бабушка, Анна Михайловна и Осклуна все время не отпускали Якова Аонасѣвича никуда, и все разговоры были направлены къ одной цѣли. Слова бабушки и ласки сестры имѣли на него самое большое вліяніе. Онъ не отказался отъ своего плана, потому что Соны все равно не пошла бы за него. Но самое іерейство получило въ его глазахъ болше привлекательности. Онъ соглашался и съ тѣмъ, что хорошо остаться вблизи своихъ, жить въ тиши, заниматься хозяйствомъ. Однако все дѣло было въ Соѣ, и Яковъ Аонасѣвичъ стремился въ Петербургъ.

Неофитъ не подавалъ о себѣ вѣстей. Стѣдуя его совету, Крестовоздвиженскій добылъ у матери свое семинарское свидѣтельство. Онъ взялъ его, чтобы показать бабушкѣ, и, воспользовавшись тѣмъ, что въ это время

пріѣхала жена ставового, оставилъ свидѣтельство у себя. Анна Михайловна забыла потомъ и не спросила бумаги обратно у сына.

XXIV.

Пять пастушили хорошіе, ясные дни для Якова Аонасьевича, и если бы не тревога о будущемъ, онъ чувствовалъ бы себя вполне счастливымъ. Онъ любилъ тишину, сельская жизнь ему очень нравилась. Онъ соглашался съ бабушкой, что «въ деревнѣ поцу, когда жена хорошая, да всего вдоволь, житье отличное». Онъ даже какъ-то подумалъ: «конечно, можно и попомъ быть. Духовное просвѣщеніе народа — дѣло хорошее... Но вотъ Соня... Жаль, что она другого взгляда». Онъ теперь уже болѣе отстаивалъ не академію, а Соно. Но о Сонѣ онъ ничего не говорилъ бабушкѣ, которая также не подавала внуку вида о томъ, что она знаетъ о его любви къ Сонѣ. Умная, очень тактичная бабушка ни разу не раздражила молодого человѣка и не задѣла его самолюбія. Ея рѣчи, приправленные шуточками, ласковыми словами, доходили прямо до сердца. Онъ-то и сдѣлалъ то, что Яковъ Аонасьевичъ какъ бы сузилъ программу своей борьбы: онъ примирился съ іерействомъ и даже началъ раздѣлять на него взглядъ бабушки и только не могъ отказаться отъ Сони. Старуха дѣйствовала дипломатично, хорошо понимая внука. Она

любила его и не могла не желать ему счастья, но она понимала и то, что счастье его не тамъ, гдѣ онъ самъ его видитъ.

— Охъ, соколикъ мой,—сказала она ему какъ-то въ разговорѣ:— прежде чѣмъ большія-то деньги начнешь получать въ докторахъ, сколько муки применишь... Кусокъ-то тамъ, можетъ-быть, и жирный, да его надо умѣть взять, а ты не такой... Повѣрь мнѣ, не зла я тебѣ хочу. И тебя я хорошо знаю. Ты самъ себя такъ не знаешь, какъ я тебя знаю.

О. Аонасій хотѣлъ было «скорѣе повернуть дѣло», но теща остановила его. Сидя за чаемъ, когда внука не было дома, старуха промолвила, обращаясь къ зятю:

— Батюшка, о. Аонасій, не домай круто вѣтки, не уйдетъ время, не малша это, не перерѣветъ.

— Вы, Агнія Капитоновна, очень любите внучать...

— Люблю, о. Аонасій, люблю, батюшка. Что же тутъ худого? Отъ любви зла не бываетъ.

— А баловство не зло?

— Баловство не отъ любви, а отъ стѣноты, батюшка. Я не говорю, что слѣдуетъ попускать дѣтямъ, а надо умѣючи ихъ отводить отъ гибели. Вы, мужчины, народъ горячій и крутой. Ума у васъ палата, да женской ссоровки пѣть. Оттого вы воики знатные, а хотя бы при болѣзни, примѣрно, никуда не годитесь.

— Что вы этимъ разуужденіемъ сказать хотите, Агнія Капитоновна?—спросилъ протоиерей, польщенный тѣмъ, что у него, какъ у мужчины, ума палата.

— А то, батюшка, что дай ты намъ съ матерью Якова урезонить. Мы потихоньку да полегоньку лучше все оборудуемъ. Душа у него кроткая, сердце мягкое и до своихъ жалостливое. Извѣстно, блажь вошла въ го-

лову по молодости. Власть твоя всегда при тебѣ, и если у насъ ничего не выйдетъ, тогда и прикрикни: «ну, бабы, будетъ вамъ, ничего у васъ не ладится. Надо мнѣ самому приниматься за дѣло».

— Ха-ха-ха! Министръ вы, Агнія Канитоновна, да и только,—произнесъ зять:—ну, понадея, ты предъ матерью никуда не годишься, ей-ей!

Онъ всталъ, помолился на икону и отправился по дѣламъ.

— Какъ это вы всегда умѣете разсуждать съ нимъ, маменька, — сказала Анна Михайловна. — Я его тоже хорошо изучила, а чтобы такъ... Да у меня и словъ нѣтъ такихъ, ну, да и не вытерпишь.

— О, Аннушка,—возразила старуха:—было бы желаніе, будетъ и стараніе. Больно ужъ мнѣ Ишеньку жалко. Примѣчаю я, тоскуетъ. Видимо, сильно забрала его эта дѣвушка, о которой ты мнѣ говорила. Можетъ-быть, она и хорошая, и счастливъ былъ бы съ нею Яша, да не выйдетъ ничего.

— Нѣтъ, маменька, она не по немъ: свѣтская модница, о мужѣ въ рясѣ и слышать не хочетъ, самъ дядя сказывалъ.

— Вотъ, вотъ, гдѣ ужъ такая ему. Душа-то, можетъ быть, и чистая, да понятія не тѣ. А Дунечка славная. Я съ ней разъ говорила только и поняла. Она, какъ жена, для Ишеньки кладъ. О Господи, Господи! Помоги, Создатель, все устроить!

Она глубоко вздохнула.

Крестовоздвиженскій ждалъ съ сердечной тревогой шельма отъ Сонн. Ѣхать самому въ городъ ему было неудобно. Узнавъ, что работникъ старосты ѣдетъ въ Сонскъ, онъ попросилъ его зайти на почту за шельмомъ.

— Если есть, такъ возьми, но только ты мнѣ передай прямо въ руки, чтобы никто не видать. Слышишь, Петръ?—добавить Крестовоздвиженскій, вручая работнику двугривенный.

— Ужъ будьте благонадежны,—отвѣтилъ Петръ:—ни одна душа не узнаеть.

Къ обѣду неожиданно прѣехала Дуня съ теткой.

Анна Михайловна засуетилась, выражая радость «по случаю прѣзда такихъ гостей».

— Да что же вы такъ поздно, родныя мои?—говорила понады, здороваясь со старухой и Дуней:—съ утрачка бы. Ну, да ужъ все равно, пообѣдайте съ нами, чѣмъ Богъ послать. Не знали вѣдь, что такія дорогія гости будутъ.

— Развѣ мы для угощенія, Анна Михайловна? Что вы, голубушка, — возразила Анонса Леонтьевна: — намъ васъ-то повидать захотѣлось. Мы въ городъ ѣдемъ, купить кое-что надо... Какъ же, думаемъ, не заѣхать? Хотя немного и крокъ, а надо заѣхать.

— И хорошо сдѣлано, спасибо вамъ, спасибо!.. Дунечка, милая! Вы день ото дня хорошеете.

И, какъ бы не имѣя силъ удержать своего порыва, Анна Михайловна стремительно обняла дѣвушку и расцѣловала ее.

Стена, несообщительная вообще, сегодня была еще угрюмѣе, благодаря зубной боли. Она скоро ушла въ свою комнату. Но Оеклуша вертѣлась около Дуни и постоянно вмѣшивалась въ разговоръ.

Послѣ обѣда подали самоваръ. На столѣ появились печенья, разные сорта варенья.

Дунечка сегодня дѣйствительно выглядѣла еще лучше, чѣмъ въ прошлый разъ дома. Она была въ голубомъ ба-

тистовомъ платьѣ и въ дорожной сѣрой бедушигѣ. Изъ-подъ бѣлой соломенной шляпки, какъ изъ рамки, выглядывало свѣженькое личико Дуни. Когда она сняла шляпку, одна изъ прядей волосъ свѣсплась на лобъ и, поправленная рукой дѣвушки, снова капризно приняла прежнее положеніе.

— Да оставьте такъ, это къ вамъ идетъ, милуша,— сказала Анна Михайловна.

Яковъ Леонасьевичъ невольно согласился съ матерью. Въ простенькомъ костюмѣ дѣвушка показалась ему пріятельнѣе. Она ему напомнила, хотя и очень отдаленно, Сою.

Дуня заговорила съ нимъ и невольно задѣла лучшія струны его сердца. Она говорила о своихъ овечкахъ, какъ о близкихъ друзьяхъ, радовалась тому, что поправилась Буренка, съ восхищеніемъ разсказывала о своихъ удачахъ по рассадѣ цвѣтовъ. Въ ней не было ни капли жеманства, и если проглядывало кокетство, то не холодное и разсчитанное, а тѣ природное, непосредственное, въ которомъ проявляется женственность, и которое свойственно дѣвушкамъ всѣхъ положеній и народностей.

— Милая, милая дѣвушка, — шептала Агнія Кашитиловна, слушая разсказы Дуни, и Крестовоздвиженскіи, сидѣвшій рядомъ съ бабушкой, въ душѣ соглашался съ нею. Если бы не Соя, онъ могъ бы, пожалуй, полюбить дѣвушку. Эта мысль даже мелькнула въ его умѣ. Сои! У него снова заняло сердце, и онъ задумался на мгновеніе, охваченный тревожнымъ вопросомъ: привезетъ ли Петръ письмо съ почты?

— Вы такъ и не собрался къ намъ?— сказала Дуня, обращаясь къ молодому человѣку. — А сколько у насъ малыши-то!

— Меня не было дома, Евдокія Никифоровна.

— Гдѣ же вы были?

— Въ городѣ ѣздилъ, а потомъ гостилъ у Неофита Псалмопѣвцева.

— Вотъ какъ! Вы у него гостили, а къ намъ и приѣхать не хотѣли.

— Все дѣла, Евдокія Никифоровна.

— Рассказывайте!

Она мило надула губки.

— Еще усѣдете, Дунечка, наговоритесь,—таинственно замѣтила Анна Михайловна.

— Ну, да, жди его,—отвѣтила Дуня, засмѣявшись.

Анна Михайловна не могла рѣшить, что хотѣла этимъ сказать Дуня: поняла ли она слова въ прямомъ смыслѣ, то-есть «жди, когда онъ прѣдетъ», или хотѣла своимъ отвѣтомъ сказать, что «жди, когда еще онъ согласится».

И понадня промолвила:

— Недолго ждать, Дунечка, недолго. Мы его пошлемъ къ вамъ.

— Я вовсе не хочу, чтобы его посылали. Надо, чтобы онъ самъ захотѣлъ!—воскликнула Дунечка съ улыбкой...

Всѣ засмѣялись. Отвѣтъ Дуни очень понравился Крестовоздвиженскому.

Послѣ чая онъ и Дуня случайно одни очутились на балконѣ. Дуня похвалила какой-то цвѣтокъ, стоявшій на перилахъ; отъ этого цвѣтка разговоръ перешелъ вообще къ цвѣтамъ, а затѣмъ къ хозяйству.

— Я не люблю города,—сказала Дуня.—А вы?

— Я тоже деревню люблю больше,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, вотъ видите, значить, у насъ вкусы одинаковые!—воскликнула Дуня.

— Но не во всемя,—произнесъ Крестовоздвиженскій.

— А въ чемъ же не одинаковыя? Вы любите животныхъ?

— Люблю.

— И я люблю. Ну вотъ. Что же еще?

— Я люблю читать, а вы не любите, Евдокія Шенфорова.

— Кто вамъ сказать? Я очень люблю, только не скучное. Вонъ мама заставляетъ читать духовные журналы, но это же, ей-Богу, скучно... Я не поню!

— А хотѣли бы быть понадеей,—неволью пошутить Яковъ Аонасевичъ.

— Такъ что же? Попада не служить обѣди.

— А готовить обѣды?

— Я и умѣю. О, я это люблю и умѣю! — проговорила Дуня.

— А я не умѣю. Значить, вотъ вкусы...

— Ха-ха-ха!

— Что это, что это? — спросила подхлывшая Анна Михайловна, очень довольная тѣмъ, что разговоръ Дуни съ сыномъ принялъ такой веселый характеръ.—Что это васъ такъ раземѣшило, Дунечка?

— Да какъ же, Анна Михайловна, послушайте... Ха-ха-ха! Яковъ Аонасевичъ говоритъ, что у насъ разные вкусы, потому что я умѣю стряпать, а онъ не умѣетъ! Ха-ха-ха!

Смѣхъ Дуни былъ такой заразительный, что Яковъ Аонасевичъ также не могъ удержаться и заемѣлся.

— Ну, ничего, научится потомъ,—сказала Анна Михайловна съ улыбкой.

Подошла и бабушка съ Анюсой Леонтьевной.

— Э, да какъ здѣсь весело,—проговорила она:—вотъ

что значить молодые-то люди... Имъ другъ съ дружкой и весело... и думки одиѣ и тѣ же и радости.

И, обратившись къ Дунѣ, она добавила:

— Спасибо вамъ, красавица, что съ тетенькой заѣхали къ намъ. Какъ птичка, сюда занорхнули и голоскомъ своимъ всехъ расшевелили. Вонъ Мишенька эти дни скучалъ, а при васъ и развеселился, смѣется. Да что онъ! И старуха, да и то оживла, словно помолодѣла. Отъ солнышка всегда всемъ тепло и радостно.

Дуня невольно покраснѣла, но глазки ея заблестѣли отъ счастья. Довольная улыбка расплылась по лицу Анюсы Леонтьевны.

«Министръ теца, да и только!»—подумать о. Аонасій, вышедшій на балконъ при послѣднихъ словахъ Агнии Канитоновны.

Гости не могли оставаться долго: нужно было понасть къ вечеру въ городъ.

— А знаете, родная моя,—вдругъ промолвила Анна Михайловна, обращаясь къ тетѣ Дунѣ:—и я бы съ вами съѣздила въ городъ, если бы только нашлось мѣстечко у васъ въ тарантасѣ.

— Къ чему, понадя, развѣ на своихъ нельзя?—произнесъ о. Аонасій, не понимая, зачѣмъ жеиѣ понадобилось ѣхать въ городъ.

— Ну, порознь ѣхать скучно.

— Да отчего же не съ нами? Мѣсто найдется, что вы!—сказала Анюса Леонтьевна:—очень рады, пожалуйста, Анна Михайловна.

— Ты зачѣмъ ѣдешь-то?—спросить жецу о. Аонасій, отводя ее въ сторону.

— Надо, отецъ, не мѣнай. Дай-ка мѣѣ четвертную.

— Четвертную?

— Ну, да, не бойся, не издержу всёхъ. А если и издержу, такъ не на бросовое.

— Мм?..

— Ахъ, отецъ, некогда теперь объяснять! Что ты мнѣ не вѣришь, что ли?

— Ну, ну, ладно!—произнесъ протопопъ и подумаль при этомъ:—это, вѣрно, все теща задумала. Пусть ихъ, она не промахнется».

Черезъ полчаса гости и, вмѣстѣ съ ними, Анна Михайловна уѣхали.

Иковъ Анастасевичъ пожалѣлъ, что и онъ не отправился съ ними. Онъ высказалъ это бабушкѣ.

— А зачѣмъ тебѣ ѣхать-то?—сказала она:—пыль-то глотать, большая охота. Мать по дѣламъ, а тебѣ зачѣмъ? Развѣ у тебя тоже дѣло есть?

Онъ ничего не отвѣтилъ на это. А бабушка помолчала и заговорила;

— Ну, и дѣвушка эта Дуня. Вотъ-то счастье принесетъ мужу. Веселая, добрая, на все умѣлая.. У такой жены хозяйство не разстроится, и мужу изъ дома никуда не захочется. Не такъ ли, Яшенька? Гляди, какая она привѣтливая да ласковая.

— Вѣдь это въ гостяхъ, бабушка, а не дома,—замѣтить Крестовоздвиженскій.

— Да развѣ она притворщица? У нея хитринки-то настолько вотъ пѣтъ,—проговорила Агнія Канштоновна, показывая на кончикъ пальца. — У нея, Яшенька, что на сердцѣ, то и на виду. Тебѣ, пожалуй, это глупостью кажется?

Внукъ улыбнулся.

— Вотъ, вотъ! Не умѣютъ люди цѣнить такія достоинства. Въ міру лукавство больше любятъ, думаютъ:

хитерь, такъ и уменъ, а простъ, такъ и глупъ. Итъ, Иленька, такихъ, какъ Дунечка, надо цѣнить, да цѣнить. Поиѣ все меньше становитея такихъ дѣвушекъ. Другая и умная, и образованная, и красивая, а что у ней на умѣ: франтить да гулять. О домѣ и думушки нѣтъ. Выйдетъ замужъ, о мужѣ и заботушки не будетъ. Вѣстеръ въ головѣ. Знала я, соколикъ мой, одну дѣвушку: такая бойкая да ловкая, всѣхъ плѣняла. Съ лица красива, ну, извѣстно, мужчины-то за ней и бѣгали. Представилась партія: хороній человекъ. Ему выходило дяконское мѣсто. Посватался. Она какъ фыркнуть: «За долгогриваго ни за что! Хотите брать меня,—идите въ чиновники». А онъ-то хотѣлъ въ дяконы, она уперлась и все тутъ. Илюнуть бы слѣдовало на нее, а онъ влюбился, жить безъ нея не можетъ. Однимъ словомъ—захоронила, власть забрала. Такія вѣдь всегда умѣютъ, имъ вѣдь себя только жалко, а не мужа. Ну, вотъ онъ и отказался отъ мѣста и вышелъ въ почтовое чиновники. Обвѣчались. Годика полтора прожили ничего, а тутъ и пелады пошли: денегъ мало, жить скучно. А гдѣ ему взять денегъ? Жалованье маленькое... со стороны работу взять—и нѣту, да онъ и такъ пожелтѣлъ и похудѣлъ отъ службы, а она фыркаетъ... Въ дѣвушкахъ-то такая была сладкогласная, а тутъ и обращеніе другое... И пошло дальше да хуже... И мужъ сталъ глупъ, дуракомъ звать почала, а тутъ—и говорить-то срамно—слобилась съ какимъ-то архитекторомъ, да мужа и бросила. Онъ съ горя-то занпль и умеръ въ чахоткѣ. А вотъ ужъ Дуня не такая, этого не сдѣлаетъ. Знаешь, Иленька, вотъ если бы тебѣ на ней жениться. То-то бы ты насъ всѣхъ обрадовалъ.

Крестовоздвиженскій грустно улыбулся.

— Бабушка, зачѣмъ вы хитрите со мной? — сказалъ онъ: — вѣдь вы же знаете, что меня и ладять на ней женить...

И въ его голосѣ зазвучалъ упрекъ, соединенный какъ бы съ сожалѣніемъ, что вотъ-де и она, добрая бабушка, хитритъ съ нимъ.

Старуха вздохнула и промолвила:

— Соколикъ мой, не хитрю я съ тобою. Не отпущу, что знаю, а если не говорила, то потому, что не хотѣла тебя тревожить. Нѣтъ у меня хитрости. А это ты вѣрно сказалъ, хотять тебя женить на Душѣ твои родители, и по-моему это хорошо. Лучше дѣвушки и не найдешь. А только вотъ что, милый мой: жениться—не лошадь купить. И тамъ нужна добрая воля, а женить тебя безъ твоего желанія и подавно нельзя. Это я матери твоей и о. Аванасію говорила. Уразумѣешь самъ, что счастье твое тутъ, — женишься, а то сохрани Богъ. А я тебѣ потому все и говорю теперь, что хочу тебѣ глаза открыть. Ты вотъ, можетъ быть, Душою глушой считаешь, оттого только и отказываешься.

— Бабушка, — перебилъ Крестовоздвиженскій: — вы говорите, что у васъ нѣтъ хитрости... Ну, а скажите: знаете вы что-нибудь про Сою?

И онъ устремилъ на старуху пристальный взглядъ.

Та улыбнулась и отвѣтила:

— И опять не откажусь, не буду врать — знаю. Да только что же я знаю, милый мой? Ну, Сою тебѣ очень нравится... и все. А кто она, что такое? Все это для меня потемки. Ты вотъ, соколикъ, тоже не откровененъ со мной, хотя и говоришь, что любишь меня, и знаешь, что и я люблю тебя. Зачѣмъ же скрываетсяшь?

— Тяжело говорить, бабушка,—со вздохомъ произнесъ Крестовоздвиженскій.

— А тяжело, такъ и подѣлись со мною. Я ли тебя не люблю? Вѣдь я тебя больше дѣтей своихъ люблю. Твое счастье мнѣ жизни дороже. Вотъ скажи сейчасъ, что умереть надо, лишь ты былъ бы счастливъ,—и умру.

На ея глазахъ навернулись слезы.

— Бабушка,—промолвилъ Крестовоздвиженскій, тронутый словами старухи,—я это знаю.

— Ну, такъ что же молчишь?

— Да что же я скажу? Родители противъ брака... Въ академію не отпускаютъ...

— Голубчикъ мой...

Старуха взяла его за руку и погладила ее, какъ это дѣлала давно, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

— Голубчикъ мой,—повторила она:—да ты увѣренъ ли, что Соня тебя любитъ?

— Увѣренъ, бабушка.

— Да такъ ли? На чемъ твоя вѣра-то держится? Охъ, Яна, словамъ да ласкамъ дѣвушки вѣрить еще пельзя. Ты красивъ, она молода, ну, понравился, что мудренаго. А надолго ли? И любовь ли еще это, Яна?

— Она обѣщалась ждать, бабушка.

— А ты мнѣ вотъ что скажи: если бы ты ей объявилъ, что идешь въ поны... что она?

— Она не хочетъ этого.

— Вотъ видишь. Это—какъ и та, о которой я тебѣ рассказывала. Я не выдумала, не скажи, что изъ хитрости старуха все подвела... Переkreщусь, что правда. Вотъ ты говоришь, она этого не хочетъ, а если такъ, то, стало-быть, любви нѣтъ, не ты ей и дорогъ. Если бы ты-то былъ нуженъ, такъ она бы такъ не говорила. А

то значить, если ты не согласишься бы, она за другого пойдетъ. Гдѣ же любовь—посуди самъ? Если мнѣ человекъ дороже всего, такъ я ни на кого не промѣняю его. Куда бы онъ ни пошелъ — и я съ нимъ. А тутъ она сама себя любить, а не тебя. Вотъ ты-то ее любишь, это я вижу, потому что на нужду хочешь идти, съ родными готовъ поссориться. А съ ея стороны я никакой любви не вижу. Не дастъ она тебѣ счастья, не любить она тебя такъ, какъ надо любить мужа.

Крестовоздвиженскій задумался. Простыя слова бабушки встревожили его. «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такъ?»

А старуха продолжала:

— Ты вотъ что, Яшенька, спроси-ка ее: я-де, такъ и такъ... въ лѣкаря идти передумалъ, а выхожу въ поны. Согласна повѣнчаться? Что она тебѣ отвѣтитъ? Ты ей не писать?

— Н-нѣтъ,—солгалъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, а вотъ нашии. А то ты, того гляди, свою любовь за ейнюю принимаешь, а отъ своей-то любви тебѣ и самому тепло... Ты хорошій, сердечный... Какъ полюбилъ, такъ на все готовъ. А вотъ она-тѣ...

Крестовоздвиженскій молчалъ.

«Если въ самомъ дѣлѣ написать?—мелькнула у него мысль.—А вдругъ она откажетъ?»

И ему сдѣлалось странно.

Старуха, какъ бы угадывая мысли внука, проговорила:

— Конечно, больно правду узнать, да лучше до вѣнца, чѣмъ опознать.

Въ комнату вошелъ Михай.

— Яковъ Аванасьевичъ, а васъ Петръ спрашиваетъ. Говорить, за чѣмъ-то нужно.

Крестовоздвиженскій поспѣшно всталъ и вышелъ.

На дворѣ у крыльца стоялъ работникъ старосты.

— Ну, что?—спросилъ Яковъ Аонасьевичъ съ тревогой.

— Ничего нѣтути. Справлялись, искали, нѣтъ, говорятъ.

Сердце упало въ груди Крестовоздвиженскаго. Нѣтъ! «Но вѣдь онъ же просилъ ее немедленно отвѣтить, умолять... что же это такое? Неужели она увлеклась кунцомъ? Неужели бабушка права?»

— Ну, значить, еще не пришло,—промолвилъ молодой человѣкъ, стараясь подавить волненіе.

Онъ не могъ вернуться въ комнату, боясь выдать передъ бабушкой свое душевное состояніе.

XXV.

Анна Михайловна возвращалась изъ торговыхъ рядовъ въ квартиру Пуниковыхъ, у которыхъ она почевала. Проходя мимо почтовой конторы, она приостановилась на мигновеніе. «Не зайти ли?» задала она сама себѣ мысленный вопросъ и сейчасъ же рѣшила: «А зачѣмъ? Марки у меня есть... письма?—не отъ кого, а если какія есть, пришлются въ волостное правленіе. А тутъ еще жди да справляйся». Ей хотѣлось пить, она порядкомъ устала, обойдя чуть ли не все лавки, выбирая лучшее и подешевле. Понадея стала спускаться съ высокаго тротуара на бульварчикъ. Но се что-то потя-

пуло на почту, словно, кто пешнультъ: «зайди лучшѣ». Какъ бы покоряясь этому невѣдомому внушенію, она вернулась и зашла въ контору. Она подошла къ прилавку и обратилась къ сидѣвшему угреватому чиновнику, смотрѣвшему на публику съ величіемъ, по крайней мѣрѣ, губернатора.

— Пѣтъ ли писемъ въ Домкино на имя протоіерей Крестовоздвиженскаго?—спросила Анна Михайловна.

Чиновникъ медленно поднялся, лѣвнвоі поступью подошелъ къ полкѣ, раздѣленной на множество перегородокъ, и досталъ изъ крайняго отдѣленія пачку писемъ. Онъ пересмотрѣлъ ихъ и сухо промолвилъ:

— Ничего пѣтъ.

Другой чиновникъ замѣтилъ ему:

— Кажется, сегодня утромъ было письмо до востребованія Крестовоздвиженскому, мнѣ что-то помнится.

Чиновникъ величаваго вида небрежно досталъ изъ другого ящика толстую пачку писемъ и быстро началъ ихъ пересматривать.

— Вы кому спрашиваете письмо?—сказалъ онъ, задерживая въ рукахъ небольшой конвертъ.

— На имя протоіерей Анаасія Крестовоздвиженскаго,— отвѣтила понадь.

— Ему пѣтъ. А вотъ тутъ есть письмо на имя Якова Анаасьевича Крестовоздвиженскаго.

— Все равно, дайте. Это моему сыну.

— Я не могу отдать вамъ.

— Отчего же? Неужели ему нарочно вѣхать за столько версть?—съ удивленіемъ спросила Анна Михайловна.

— Да, а то пусть придетъ довѣренность.

Въ эту минуту къ понадь подошелъ помощникъ почт-мейстера.

— Здравствуйте, матушка. Что это, вы за письмами прѣхали?

— Да, Ефимъ Григорьевичъ. Но вотъ не отдають мнѣ письмо. Говорять, ва имя сына, нужна довѣренность.

— До востребованія,—поеленлъ угреватый чиновникъ уже другимъ тономъ.

— Отдайте, Глушицкій,—ничего.

Угреватый чиновникъ подаль письмо Аннѣ Михайловнѣ.

«Отъ кого это?—въ недоумѣнн подумала она.—Рука будто женская». Она взглядлась въ итемель и разобрала «Петербургъ». Ее словно что-то осѣнило. «Это отъ той! Они переписываются!»

Ей захотѣлось сейчасъ же прочесть письмо. Но на почтѣ было неудобно. Она вышла на улицу. «Что она пишетъ? А если не она? Рука женская, но бываетъ и мужской почеркъ похожъ на женскій». Анна Михайловна находилась въ недоумѣнн. Ей очень хотѣлось прочесть письмо, и она не рѣшалась.

Понадья уже шла по бульвару, держа въ рукахъ загадочное письмо. Ее такъ и подмывало разорвать конвертъ. «Непремѣнно отъ той, изъ Петербурга. Отъ кого же? Я вчера не повѣрила Пушкиновой, что Яковъ не переписывается черезъ нее. А, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ такъ». Мысли Анны Михайловны вернулись къ вчерашнему разговору съ Марьей Ивановной.

Пушкова радушно встрѣтила понадью. Появился самоваръ, угощеніе. Мужа не было дома. — «По какому случаю вы въ городъ надумали?»—спросила Пушкиова. Понадья отвѣтила уклончиво. «Кунить кое-что надо». — «Ну, а что Яковъ Аоанасьевичъ? Скоро ли на мѣсто?» Въ вопросѣ Пушкиовой послышалось участіе. Понадья зорко посмотрѣла на нее, но ничего не могла разгадать

по лицу. «Да вотъ все еще урезонить не можемъ,— отвѣтила она.— Забралъ себѣ въ голову какую-то глупость и стоитъ на своемъ». Марья Ивановна выразила удивленіе:— «Неужели это въ самомъ дѣлѣ серьезно? Да куда Якову Лоанасьевичу ѣхать? Неужели онъ такой упорный? Кажется, онъ мягкій, кроткій». Попадья опять зорко посмотрѣла на Пушкикову. «Да, онъ-то мягкій,— сказала она съ улыбкой,— но вѣрно есть кто-нибудь потверже его и руководить имъ». Пушкикова еще болѣе удивилась.— «Кто же это?— спросила она.— Неужели Псаломѣвцевъ имѣетъ на него такое вліяніе?» Попадья подумала: ну, и хитрая же ты, кажется,— и промолвила вслухъ: «А я думаю, подальше кто-нибудь». Пушкикова молчала. «И прямо думаю,— продолжала попадья,— не сердитесь на меня, Марья Ивановна, всему виною ваша племянница».— «Соня?— воскликнула Пушкикова.— Да что вы!»— «А что же,— возразила попадья:— что Яковъ въ нее влюбленъ, я въ этомъ убѣдилась, да и вы, я полагаю, не могли не замѣтить?» Она подчеркнула послѣднія слова. Марья Ивановна отвѣтила вполне искренно: «Не стану лгать, замѣтила. Даже больше,— догадываюсь, что и Соня его любитъ. Но вѣдь это все вздоръ. Мало ли кто правится».— «А вотъ видите, не вздоръ»,— сказала Анна Михайловна.— «Все равно ничего не выйдетъ,— промолвила Пушкикова:— сестра не выдастъ Сою за Якова Лоанасьевича, пока онъ еще безъ всякаго опредѣленнаго положенія, а вѣдь не ждать же нѣсколько лѣтъ. Соня не уродъ, женихи будутъ. Вошь ужъ и теперь какой-то купецъ чуть не ежедневно у нихъ. Соня ему, очевидно, правится. Нѣтъ, это пустяки, Анна Михайловна. Вы вотъ жените его скорѣе, и будетъ лучше». Искренній тонъ Пушкиковой подкунылъ попадью, и она откровенно

призналась: «Ахъ, матушка, Марья Ивановна! Да какъ же его женишь? Не за шиворотъ же тащить его въ церковь. Измучилась я вся. О. Аонасій молчитъ, а вѣдь я знаю, что внутри-то у него творится. Вы вотъ правду говорите, и я то же самое говорю Янгѣ. Не слушаешь, почему я и сказала вамъ, что кто-нибудь его поддерживаетъ: такой смиренный, и вдругъ — на!» — Марья Ивановна махнула рукою. — «Да что вы, развѣ я бы позволила? Я очень люблю Якова Аонасеевича, но, когда онъ былъ здѣсь у насъ недавно, я ему прямо сказала: «если вы забрали въ голову насчетъ Сони что-нибудь, то все это вздоръ, ничего не выйдетъ». Хоть побожиться вамъ, такъ сказала. Не стану скрывать, если бы съ вашей стороны было согласіе, я рада была бы видѣть Соно за нимъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Итъ, Анна Михайловна, на меня вы и не думайте, не обижайте подозрѣіемъ». «Вы простите меня, Марья Ивановна,—сказала понадыя:—вѣдь такое горе, не знаешь, на что и подумать». Все это припомнилось теперь Аннѣ Михайловнѣ.

Марья Ивановна сама отперла двери.

— А и долго же вы ходили,—сказала она.—И ужь не утерѣбла, вышла чашечку кофею. Поди, устали? Чего это вы такъ много закупили?

— Надо, Марья Ивановна, надо,—съ улыбкой отвѣтила понадыя, кладя осторожно въ карманъ платья письмо.

— И письмо получили отъ кого-то?

— И письмо. Вотъ поговоримъ потомъ. Дайте только напиться, въ горлѣ пересохло.

Она положила нѣсколько свертковъ на диванъ въ переднюю, а одинъ изъ нихъ оставила у себя.

— Что же вы этотъ-то здѣсь не положили?

— А это, голубушка, вамъ за вашу ласку и заботы о Янгѣ.

— Зачѣмъ, Анна Михайловна, что вы?—возразила Пушкова, на самомъ дѣлѣ, очень довольная подаркомъ.

Она развернула свертокъ, заключавшій въ себѣ кусокъ шерстяной матеріи.

— Награсно тратились, Анна Михайловна. Очень, очень вамъ благодарна. Только, право, мнѣ и совѣстно. Ничего я не сдѣлала особеннаго для вашего сына.

— Ну, что вы! Вы всегда къ нему относились, какъ родная, и теперь, вотъ, вижу, что жалѣете, добра хотите ему. Охъ, устала я!

Крестовоздвиженская грузно опустилась на стулъ.

Вошла кухарка и подала Марьѣ Ивановѣ письмо. Пушкова взглянула на конвертъ и промолвила: «а, отъ сестры! Посмотримъ, что пишеть».

Она разорвала конвертъ, положила на столъ и принялась читать письмо. Анна Михайловна приветала, какъ бы для того, чтобы взять сахару, но при этомъ изгнулась и посмотрѣла на адресъ на конвертъ. Почеркъ былъ тотъ же самый, что и на письмѣ, которое она получила на почтѣ. Сомгнѣнія большіе не было. Но она все-таки хотѣла какъ бы подтвержденія со стороны Марьи Ивановны.

— А н красивъ же почеркъ у вашей сестрицы,—замѣтила она.

— Что?—спросила Пушкова, отрываясь отъ письма.

— Почеркъ красивъ у вашей сестрицы,—повторила Анна Михайловна, указывая глазами на конвертъ.

— О, это не ея рука, это рука Сонн. Она всегда пишеть адреса.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди понады. Марья Ивановна дочитала письмо и сказала:

— Ну, вотъ, Анна Михайловна: у Сони и женихъ готовъ почти. Сестра пишетъ, что фабрикантъ такъ ухаживаетъ за Соней, что надо непременно ждать предложенія. Онъ даже намекаетъ объ этомъ.

— Еще неизвѣстно, что отвѣтитъ ваша племянница.

— Какъ что? Такая партія...

Крестовоздвиженская улыбнулась.

— Всяко бываетъ.

Она помолчала и прибавила:

— Говорить ли все вамъ?

— Что такое?—съ недоумѣніемъ спросила Пушкина.

— Да отъ васъ нечего скрывать. Помните, я вчера говорила вамъ о перенесѣ Якова съ вашей племянницей, еще подумала, что черезъ васъ идетъ перенеска?

— Ну, ну!

— А они безъ васъ обошлись, прямо перенесываются.

— Почему вы такъ думаете?

— Не думаю, а знаю. Вотъ вамъ.

Понады вынула изъ кармана письмо и показала его Пушкиной.

— Чей почеркъ?

— Это... это рука Сони,—отвѣтила Пушкина тономъ прекрениго удивленія.

— Вотъ видите! Значитъ, всерьезъ дѣло.

— Важно знать, что она пишетъ,—сказала Пушкина.

— А какъ это узнать?

— Возьмите и прочтите.

— Вы совѣтуете?—спросила понады, которой очень хотѣлось прочесть, но она все еще не рѣшилась.

— Непременно.

— А не лучше ли ему отдать, и...

— Пусть онъ самъ покажетъ?—подхватила Марья Ивановна.—И такъ можно.

Она раземѣялась и прибавила:

— У меня, признаюсь, не хватило бы терпѣнія. Пускай нехорошо, а прочла бы.

— Ну?

Понадья вдумчиво посмотрѣла на хозяйку.

— А и въ самомъ дѣлѣ,—вдругъ рѣшила она.— Можетъ-быть, тутъ такое есть, что и показать ему не слѣдуетъ. Вы правы. Вѣдь я же добра ему хочу.

— Конечно!

Пушковой, очевидно, и самой интересно было узнать содержаніе письма племянницы.

Однако, Анна Михайловна не разорвала конверта, а положила его на столъ.

— Вѣдь, можетъ-быть, это и не первое,—сказала она.

— Можетъ-быть,—согласилась Пушкова.— Только едва ли. Яковъ Афанасьевичъ сказалъ бы мнѣ. Знаете,—добавила она, какъ бы припоминая что-то:—когда онъ былъ у насъ недавно, онъ писалъ въ своей комнатѣ кому-то письмо. Я еще спросила: кому? Онъ отвѣтилъ: товарищу. Можетъ-быть, онъ ей тогда и писалъ. Адресъ я ему сказала.

Она налила гостѣвъ кофе и промолвила, подвигая чашку:

— А все-таки, скажите мнѣ, Анна Михайловна: если бы Яковъ Афанасьевичъ не послушался и уѣхать бы и,—хоть этого не можетъ быть, но допустимъ, для примѣра,—если бы онъ женился на Сонѣ, вѣдь простилъ же бы о. Афанасій?

— О, что вы, голубушка!—воскликнула понадья, махнувъ рукой.—И думать объ этомъ нечего.

— Неужели никогда бы не простить?

— Ни за что! Вы его не знаете. Сдѣлай такъ Яковъ,— никогда бы не простить и гроша мѣднаго не дать бы.

— Хотя сынъ умираетъ бы съ голода?

— Все равно. Да вотъ вамъ: былъ у него племянникъ, недурно учился въ семинаріи и вдругъ не захотѣлъ кончать, вышелъ изъ перваго класса философін, влюбившись въ какую-то портинку, и сдуру поступилъ въ почталлоны. Аванасій Григорьевичъ его уговаривалъ, тотъ не послушался. Прошло два года; заболѣла жена, ребенокъ... Пришелъ Константинъ просить денегъ. Онъ его не пустилъ даже. Онъ не злой, Марья Ивановна, а въ такихъ случаяхъ упорный. Ужъ такая порода у нихъ. Случись съ Яковомъ, пожалуй, и плакать бы сталъ втихомолку, а отказалъ бы навѣрно, на глаза бы не пустилъ. Сохрани, Господи!—съ испугомъ закончила понадя.

— Вѣдь это ужъ и не по-христіански, Анна Михайловна,—замѣтила Пушкова.

— Что дѣлать! такой характеръ! Отецъ его былъ еще тверже. Нѣтъ, избави Богъ отъ такой напасти! И думать нечего!

— Да я и не думаю,—возразила Пушкова.—Вы, можетъ, полагаете, что я съ той цѣлью спросила, чтобы узнать, желая все-таки устроить свадьбу? Совѣсьмъ нѣтъ! И вотъ вашу сестрѣ, чтобы она не вздумала отказывать фабриканту. Такой богачъ, и такъ ее любить! Можетъ-быть, сама судьба...

Понадя вздохнула и взяла письмо со стола.

— Такъ какъ же: прочесть, а?

И, не дожидаясь отвѣта, она быстро разорвала конвертъ, изъ котораго выхлѣпъ листокъ красной почтовой бумаги.

— Какая бумага-то, самая пыльная, — съ грустной усмѣшкой замѣтила попадья и стала читать письмо.

Пушкова слѣдила за нею, желая по лицу отгадать то впечатлѣніе, какое произвело письмо на попадью. Анна Михайловна, безъ перерыва, медленно прочла все письмо и положила его обратно на столъ.

— Ну, что, что? — полюбопытствовала хозяйка.

— Да что, — отвѣтила попадья съ разстановкой: — любить Якова, ждетъ его, ободряетъ, успокоиваетъ. Вы, вѣрно, Марья Ивановна, говорили ему что-нибудь о куницѣ?

— Да, да. А что?

— Ну, вотъ. А онъ, видно, ей написалъ объ этомъ, тревогу выказать, она его и успокоиваетъ.

Попадья взяла письмо и, отыскавъ необходимое мѣсто, прочла вслухъ: «О какой новой любви пишете вы? Какъ вамъ не грѣшно? Это васъ тетья смутила, вѣрно. Такъ знайте, что все вздоръ. Вы хотѣли подтвержденія, такъ вотъ вамъ. Я дала слово и буду ему вѣрна, пока вы не измѣните своему. Прѣвзжайте скорѣе. Миѣ думается, что вы сами-то не выдержите, хотя и пишете, что боретесь со всѣми пренятствіями. Дай Богъ! Я молюсь за васъ. Я отвѣчаю вамъ скоро, какъ только могу. Отвѣчайте немедленно и вы: когда прѣдете? Я безпokoюсь за васъ, и у меня для этого больше основанія. Меня никто ни къ чему не принуждаетъ, а на васъ, навѣрное, дѣйствуютъ все и со всѣхъ сторонъ».

Крестовоздвиженская пропущила нѣсколько строкъ и продолжала: «не сдавайтесь, помните, что, думами, всегда съ вами горячо любящая васъ Соня».

— Видите? — промолвила Анна Михайловна, подымая глаза на Пушкову.

— Да-а,—протянула Марья Ивановна.—Ну, я этого не ожидала. Значить, Софья откажетъ кунцу. Это видно по тону пшсьма.

Анна Михайловна молча глядѣла на Пункову.

— Какъ же теперь быть съ пшсьмомъ? — спросила она.— Не отдавать же его Якову распечатаннымъ.

— Да вы просто совсѣмъ ему не отдавайте и ничего не говорите.

— Ладно ли будетъ?—усомнилась Анна Михайловна.

— Что же иначе сдѣлать? Сказать, что прочтали? Это еще больше его раздражить.

— Что правда, то правда,—согласилась понадея.

— Разумѣется. Лучше ужъ солгать. Знаете: и ложь— во спасеніе, говорятъ. Вы теперь видите, матушка, что я не хитрю, и не противъ васъ.

— Спасибо вамъ,—промолвила гостья.— Я знаю, что вы хотите добра Инѣ. Да вѣдь и вашей племянницѣ— это на пользу.

— Да, не думала я, что дѣло выйдетъ такое серьезное,—произнесла Пункова.— Я еще смѣялась: не влюбитесь, говорю. А такъ и вышло. Я дивлюсь на Сою: положимъ, вашъ сынъ красивъ, это вѣрно, и симпатиченъ, да, вѣдь, видѣла же она мужчинъ въ Самарѣ, были же и красивые, навѣрно, и симпатичные, а тутъ долго ли, вѣдь, пожила, и влюбилась.

— Вотъ подите,—сказала Анна Михайловна, разводя руками.— И я-то дивлюсь на своего. Откуда что взялось: уперся, спорить. Бывало, стоить слово молвить, и сейчасъ же уступить.

— Видно, Анна Михайловна, правда поется въ романсѣ, что «любовь чувство не простое, если всѣмъ волнуется кровъ».

Пушкова задумалась на минуту и произнесла съ легкимъ вздохомъ:

— Всѣ мы прошли то же самое. Что скрывать: и я дѣвчонкой влюбилась въ офицера. Казалось, если не за него, такъ лучше смерть.

— А вотъ и вышли же за другого.

— Противъ воли, Анна Михайловна. Мачеха была у меня суровая. Какъ прикрикнула, я и осѣла. Только плакала.

— А теперь не жалѣете?

— Нисколько. Дай Богъ всёмъ такую жизнь. Павелъ— чудный человекъ... А мой-то кумиръ женился на купчихѣ, да въ подлогъ попался... изъ службы выгнали, и теперь золоторотцемъ сталъ.

— Ай-ай-ай! Вотъ она глупость-то наша въ молодости. Да ужъ что. Если пошло на то, и я скажу: не по любви за Аонасія Григорьевича вышла. Чиновникъ одинъ правился. И вотъ тоже прожила, слава Богу, не на смѣхъ подямя.

— И теперь, Анна Михайловна, и у Якова Аонасеевича тоже: перемелется—мука будетъ. Соня веселая, долго грустить не станетъ. Выйдетъ за купца и замужествомъ отлично. Характеръ у нея хорошій, правду скажу. Жаль, что такъ, а то жена для вашего сына она была бы прекрасная. А вотъ, вѣдь, что, Анна Михайловна: если бы она согласилась и за священника выйти, тогда что? Какъ вы?

— Да гдѣ же мѣсто, родная? Надо Аонасію Григорьевичу свое отдавать. А при чемъ же дочери? Ну, Оеклуна еще ничего, эта не засидится. А Стешу безъ мѣста никто не возьметъ.

— Это вѣрно, — согласилась Пушкова. — Да вѣдь я

такъ только и говорю, къ примѣру, а Соня за пона едва ли поидеть: она умреть со скуки въ деревнѣ.

Онѣ еще долго разговаривали на эту тему, какъ двѣ союзницы. Въ концѣ-концовъ онѣ рѣшили дѣйствовать дружно. Понадя не должна была ничего говорить сыну о письмѣ, а, напрогивъ, сообщить, что Соня, кажется, уже дала слово куцу. Тагъ-де можно понять изъ письма матери. А она, Пушкова, напишетъ Сонѣ, въ видѣ слуха, но почти вѣрнаго, что Крестовоздвиженскій сговоренъ на дочери о. Никифора и беретъ его мѣсто. А тѣмъ временемъ дѣйствовать на молодого человѣка и скорѣе кончать дѣло.

— Правда, не совѣмъ прямое дѣло-то наше,—призналась Пушкова,—но какъ же иначе? Если купецъ посватается, и Соня откажетъ—другой такой блестящей партіи ей не дождаться. Онъ не уродъ, не старикъ и такой капиталъ. И при всемъ томъ она ему очень правится. Нечего и говорить, что она его потомъ полюбитъ. А горяча все можно испортить. Я для блага ея все и дѣлаю.

— А если они сннхутся снова,—сказала Анна Михайловна:—все и узнается.

— Вы слѣдите за нимъ, а я напишу сестрѣ. Надо ужъ ей все открыть. Пусть она посматриваетъ за получасными пшесмами. Соня у нея, вѣдь, полной свободой пользуется. Конечно, отъ случайностей не убережешься. Надо дѣйствовать, а что выйдетъ, не угадаешь. Если ничего не выгорить, значить, тогда такая судьба.

— О, Господи, что только и будетъ!—проговорила Анна Михайловна.—Я сегодня обнадежила тетку Дуни: все, говорю, скоро уладится. А кто, вѣдь, знаетъ? Право, и ихъ-то стыдно... Словно уродъ дѣвушка и мѣсто пло-

хос, что уговаривать надо. Вѣдь только объяви, десятки жениховъ явятся.

— Видно, Дунечкѣ Яковъ Аонасьевичъ очень нравится,—замѣтила Пушкова.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень нравится, потому и ждуть. Къ нимъ уже прѣѣзжали двое, такъ Дуня и слышать не хочетъ.

Въ то время, какъ двѣ союзницы заключали между собою условіе, въ Домклинѣ Крестовоздвиженскій получилъ письмо отъ Неофита. Псалмопѣвецъ извѣщалъ пріятеля кратко: «Пока и здѣсь неудача. Юса ибѣтъ, отецъ уедать его за озеро, скоро будетъ. Я жду, и пока съѣзжу къ одному пріятелю, а оттуда снова въ Дубровки. Къ тому времени юсь вернется. Крѣпись!»

«P. S. О документахъ. Понялъ? Я явлюсь или со щитомъ, или на щитѣ. Знаешь меня!»

Веселый тонъ пріятели мало ободрить Крестовоздвиженскаго, на котораго сильно вліяли рѣчи бабушки и еще болѣе молчаніе Соин. Прочитавъ письмо товарища, Яковъ Аонасьевичъ вздохнулъ и подумалъ: «опять неудача... все неудачи». Видно, сама судьба противъ. А много ли осталось времени?

Молчаніе Соин прямо убивало молодого человѣка, который ходилъ, какъ потерянный.

Анна Михайловна вернулась ранѣе Дунни и Аносемъ Леонтьевны, которыя остались еще въ городѣ. Понадья была довольна содѣйствіями и планомъ Пушковой, хотя ей было тяжело «такъ обманывать сына». Совѣсть невольно упрекала ее. Но Анна Михайловна успокоивала себя тѣмъ, что «все это для счастья Яши». Вѣдь и Пушкова, разсуждала она, для племянницы старается. Это было вѣрно. Марья Ивановна, узнавши изъ письма сестры

о томъ, что фабрикантъ намѣренъ сдѣлать предложеніе Сонѣ, рѣшила, во что бы то ни стало, устранить всё препятствія къ этой свадьбѣ. Обѣ женщины считали, что онѣ дѣйствуютъ для пользы и счастья близкихъ людей. Имъ обѣимъ казалось, что счастье, именно, тамъ, гдѣ видятъ онѣ, а не увлекающіеся молодые люди.

XXVI.

Слова бабушки: «а ты спроси ее, согласится ли она выйти за тебя, за пона», — смутили Якова Лоанасевича, но онъ рѣшилъ такъ, какъ рѣшаетъ всегда истинная любовь. Зачѣмъ требовать жертвъ отъ Сони? Онъ не хочетъ, чтобы счастье Сони было чѣмъ-нибудь отравлено.

Съ этими мыслями онъ возвращался домой съ прогулки.

Осклуна, кормившая на дворѣ куръ и утокъ, увидѣла входившаго брата и кинулась къ нему навстрѣчу.

— Мама вернулась!

— Давно ли?

— Сейчасъ только. Она пріѣхала на ямщицкихъ, а Дуня съ теткой еще осталась въ городѣ.

Въ столовой Анна Михайловна показывала какія-то матеріи Агнии Кашитоновѣ.

— Красивая... и добрѣта хорошая, — говорила старуха.

Она оглянулась, слышавъ шаги. Анна Михайловна подняла голову отъ куска матеріи.

— Вотъ я и вернулась,—сказала она вошедшему сыну.—Привезла тебѣ поклоны отъ Марьи Ивановны и Павла Ивановича.

Крестовоздвиженскій съ тревогою ждалъ, что скажетъ мать дальше. Онъ вдругъ почувствовалъ, что она должна сообщить что-то важное для него. Лишь она заговорила, и вдругъ—но ея ли голосу, но выраженію ли ея лица, онъ понялъ какимъ-то необъяснимымъ внутреннимъ чувствомъ, что услышитъ что-то серьезное, важное.

И онъ не ошибся.

Мать, начавшая складывать матерію, добавила съ тревогой, которой она не могла скрыть:

— Да, вотъ что... Я тебѣ какую новость сообщу... Племянница Марьи Ивановны, Соня...—такъ кажется?—почти помолвлена за какого-то фабриканта. Они съ нимъ еще въ Москвѣ встрѣтились.

У Крестовоздвиженскаго помутилось въ глазахъ. Онъ инстинктивно схватился за стулъ, вблизи котораго стоялъ. Смертельная блѣдность покрыла его лицо.

Бабушка взглянула на внука и какъ бы невольно промолвила, обращаясь къ дочери:

— Ну, Аниушка, можетъ-быть, это и неправда.

Старуха поняла сердцемъ всю боль, переживаемую внукомъ, и постаралась смягчить ударъ, нанесенный ему матерью. Она даже упрекнула мысленно дочь за ея слова, брошенные прямо, безъ всякой подготовки. Аниѣ Михайловнѣ также стало жаль сына. И она отвѣтила матери нѣсколько уклончиво:

— Не знаю, маменька, но письмо получила Пушкова изъ Петербурга отъ сестры.

— Этого не можетъ быть,—медленно, какъ бы про себя, но вслухъ проговорилъ Яковъ Доанасевичъ и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Старуха пытливо воззрѣлась на дочь и сказала:

— Аннушка, правда это?

Анна Михайловна на мгновеніе поколебалась, но затѣмъ отвѣтила твердо:

— Марья Ивановна получила письмо, я вамъ говорю... и при мнѣ читала, дѣло почти слажено... Это же понятно, маменька: фабрикантъ-милліонникъ, такая блестящая партія, тутъ всякая дурь изъ головы выскочить.

— Такъ-то такъ, но нельзя было говорить сразу. Ты посмотри, какъ на него подѣйствовало... Вѣдь мало ли что... Пойду-ка я, погляжу, что съ нимъ.

И она, сиѣвша по-старушечьи, вышла изъ комнаты.

— Гдѣ Яковъ?—спросила она у Стени, встрѣтивъ ее въ передней.

— Въ спальнѣ,—коротко отвѣтила внучка.

Старуха отворила дверь и окликнула внучку:

— Яна!

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ на кровати въ застывшей позѣ, устремивъ въ пространство неподвижный взоръ.

Агнія Капитоновна посмотрѣла на него, и ей сдѣлалось странно.

Она сѣла съ нимъ рядомъ, обняла его и заговорила:

— Яшенька, соколикъ мой, что съ тобою? Полно! Это еще, можетъ-быть, неправда, какъ можно такъ сразу... Что ты!

Онъ слегка повернулъ голову къ бабункѣ.

— Этого не можетъ быть,—произнесъ онъ, точно онъ

забыть всё слова, кромѣ этихъ, и только ихъ повторять въ умѣ и вѣлухъ.

— Да, да, соколикъ, надо узнать все...

У Икова Анапасьевича вдрутъ изъ глазъ покатились слезы.

Агнии Капитоновѣ сдѣлалось невыразимо жаль внука, но она была рада этимъ спасительнымъ слезамъ.

— Ина, голубчикъ мой,—проговорила она, заглядывая ему въ лицо:—ты не отчаивайся, надо все узнать хорошенько.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ же узнать? И зачѣмъ?

У него словно все помутилось въ головѣ. Онъ твердилъ: «этого не можетъ быть, этого не можетъ быть», и, въ то же время, какъ бы уже признавалъ фактъ и съ увѣренностью отчаянiя спрашивалъ: «зачѣмъ, когда уже все совершилось?»

— Какъ зачѣмъ? — возразила бабушка.—Да чтобы узнать, правда ли все.

Онъ глядѣлъ на нее и, видимо, дѣлалъ напряженiе, чтобы привести въ ясность мысли и понять, что ему говорить она.

— Вѣдь письмо изъ Петербурга... Маменька сказала.

— Милый мой! Да вѣдь, можетъ-быть, се, Сошо-то, такъ же, какъ тебя, убѣждаютъ, настанвають. Тотъ поеватался, она не хочеть, а мать настанваеть. Ты пойми это.

Молодой человекъ воззрился на бабушку, словно она сказала ему что-то такое, чего онъ не могъ ожидать, но что сразу вносило свѣтъ туда, гдѣ все было покрыто тьмою.

Радость мелькнула въ его глазахъ, и кровь прилила къ лицу.

— Вы думаете? вы думаете, что это такъ?—сказать онъ, оживляясь.

— Все можетъ быть, Яна. Я говорю потому, что надо узнать, а не отчаиваться.

Онъ вскочилъ съ кровати, глаза его заблестѣли.

— Я поѣду въ городъ!

— Поѣзжай, голубчикъ. Только возьми Михея. Тебѣ не до того, чтобы возиться съ лошадыю.

— Хорошо. Я ей пошлю денегу.

— Пошли, пошли...

Яковъ Аванасьевичъ чувствовать, что онъ воскресаетъ. Жизнь снова возвращалась къ нему съ надеждами, съ тепломъ и свѣтомъ. Потрясенный, взволнованный, онъ стремительно обнялъ бабушку и тихо заплакалъ.

Это уже были слезы надежды, радости.

— Бабушка, бабушка, — проговорила онъ, — простите меня!

— Въ чемъ, въ чемъ, Яшенька?

— Что я сомнѣвался, что я могъ вамъ не вѣрить.

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

«Ахъ, Яна, Яна!» — проговорила старуха, вздыхая. Въ эту минуту ей даже хотѣлось, чтобы Соня не выходила за фабриканта, чтобы она стала женою внука. Любовь къ нему перевернула все въ дунѣ старухи.

Когда она вышла изъ спальни, ей попалась навстрѣчу дочь.

— Маменька, куда это Яковъ поѣжалъ?

— Въ городъ ѣдетъ.

— Въ городъ?—съ недоумѣниемъ промолвила Анна Михайловна.—Зачѣмъ?

— Денегу послать Сонѣ.

Анна Михайловна посмотрѣла на мать такими глазами,

какими смотреть на сумасшедшихъ, когда они заговариваются.

— Маменька, что вы сказали? Сонъ денену?

— Да, Аннушка, и не мѣняйся ты лучше,—съ нѣкоторой досадой перебила старуха.—Если не хочешь погибели сына, не мѣняйся.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?—повторяла дочь, ничего не понимая.

— А зачѣмъ, чтобы онъ... не сдѣлалъ надъ собою чего-нибудь сейчасъ, или не сошелъ бы съ ума, вотъ зачѣмъ!

Анна Михайловна молча посмотрѣла на мать и промолвила медленно, покорно:

— Но что же изъ этого будетъ?

— А Богъ знаетъ, что будетъ,—отвѣтила старуха.—Только пусть не будетъ того, что можетъ случиться безъ этого.

— А если все-таки подтвердится?

— Ну, что же, и пусть. Я и сама увѣрена, что подтвердится, если такъ пишеть сестра... Но пройдетъ время, Яна освѣжится. Вѣдь, пока онъ будетъ ждать отвѣта, мысль о возможности выхода замужъ Сонн за купца все-таки будетъ съ нимъ жить, и онъ исподовольно примирится, такъ что всякій отвѣтъ приметъ легче.

— А если, маменька, та откажетъ фабриканту, что тогда?—спросила Анна Михайловна.

Старуха развела руками.

— Что тогда? Я ужъ не знаю. Да что,—прибавила она,—говорить о той тучѣ, которой еще нѣту, надо тутъ отвести, которая надъ головой влеть, вотъ о чемъ подумай.

Она помолчала и промолвила:

— Всему предѣлъ есть, Аннушка. Надо настаивать, ну, а если... и противъ Божьей воли не пойдешь: если суждено иначе, что дѣлать...

— Маменька, да вѣдь вы знаете волю Аонасія Григорьевича?

— А что жъ такое? — вдругъ сердито промолвила старуха: — что же Аонасію Григорьевичу: легче въ гробу сына видѣть, что ли? И тебѣ тоже? умри, или по-нашему... такъ что ли? Да ты ему мать, или нѣтъ?

Рѣзкимъ укоромъ прозвучали эти слова и, какъ по-жомъ, пронзили сердце Анны Михайловны. «Неужели я его меньше люблю, чѣмъ бабушка?» задала она себѣ вопросъ. «Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ лучше»... Она почувствовала, въ какія тѣнета попала теперь, и ужасъ охватилъ ее. Но вдругъ опять ее ободрила надежда: «а, можетъ-быть, все пройдетъ благополучно, уладится».

Вошелъ о. Аонасіій.

— Гдѣ Яковъ?—спросилъ онъ.

— Онъ собирается въ городъ, — отвѣтила жена.

— Какъ въ городъ? это зачѣмъ?

Анна Михайловна взглянула на мать, какъ бы прося ея помощи.

Старуха подошла къ зятю.

— Батюшка, о. Аонасіій, надо это... чтобы грѣха не случилось.

— Да что такое? — съ невольнымъ испугомъ спросилъ онъ.

Теща объяснила ему все дѣло.

— Гм...—повторилъ онъ, хмурясь.—Это что же такое выходитъ: опять...

— Ничего не онять, батюшка, — сказала Агнія Капитоновна: — дѣло уже къ концу клонится, не надо только

портить его, да и Яшу губить. Надо его пожалѣть и о себѣ подумать, случись грѣхъ какой съ нимъ, всѣмъ намъ тяжело будетъ.

— Гм... — произнесъ о. Аванасій, пройдясь по комнатѣ. — Ну что же, пусть разрядится, это вы вѣрно подумали. А хорошо, что та выходитъ.

— Конечно, батюшка, — подтвердила теща: — а Яшенька пусть проѣдется и, какъ ты изволилъ по-умному-то выразиться, пусть разрядится.

XXVII

Еще не было четырехъ часовъ утра, когда Яковъ Аванасьевичъ и Михай въѣхали въ городъ. На улицахъ царилъ тишина. На Архангельскомъ проспектѣ, у воротъ большого купеческаго дома, на лавочкѣ сладко дремалъ полицейскій стражъ. Стукъ деревянной таратайки по мостовой не разбудилъ его.

— Ишь какъ спитъ, хошь укради его самого, — съ усмѣшкой произнесъ Михай.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ у Якова Аванасьевича:

— Что жъ, прямо на телеграфъ ѣхать?

— Надо захватить на почту сперва, узнать, итъ ли писемъ, — сказалъ Яковъ Аванасьевичъ.

— Да нешто почта теперь открыта? — съ усмѣшкой проговорилъ Михай.

— Да, это вѣрно,—согласился Крестовоздвиженскій и добавилъ:—тогда нельзя и подавать денешни.

Онъ надѣялся еще получить письмо отъ Сони. Онъ тревожится, мучится, хочетъ послать телеграмму, а на почтѣ, можетъ-быть, лежитъ письмо, и въ немъ все разъяснено. Надо непремѣнно сначала справиться.

И онъ повторилъ вслухъ свою мысль:

— Надо на почту сперва заѣхать.

— Почта открывается въ восемь часовъ, я ужъ это знаю,—сказалъ работникъ.

— Тогда заѣдемъ въ трактиръ напиться чаю,—произнесъ Яковъ Аонасевичъ.

— Это можно,—радостно одобрилъ работникъ, и добавилъ:—къ Пальцеву, въ «Зеленый Островокъ», Яковъ Аонасевичъ? Чудесно! Съ пяти часовъ открытъ, и чистая половина есть, а ситникъ... у, какой ситникъ, точно конфета!

Въ трактирѣ, въ первой комнатѣ было уже много народа. Пили чай и закусывали плотники, каменщики и разные мастеровые, идшіе на работу. Сидѣло и нѣсколько извозчиковъ. Яковъ Аонасевичъ не пошелъ на чистую половину, а присѣлъ къ свободному столу у окна и потребовалъ чаю «на двоихъ». Михей поставилъ лошадь къ колодѣ, задалъ корму и вошелъ въ трактиръ.

— Да вы что же тутъ-то, Яковъ Аонасевичъ, а не на чистой?—съ удивленіемъ проговорилъ онъ.

— Все равно.

— Какъ можно! Тамъ не въ пригѣрѣ лучше.

Михею очень хотѣлось попить чаю «на чистой», гдѣ нють подрядчики и хозяева. Но онъ не сталъ настаивать и оживленно принялся хлопотать около чайниковъ.

Наливъ поповичу стаканъ крѣпкаго чаю и подвигая его, Михей замѣтилъ:

— А какъ же ситничку... не худо бы ситничку?

— Я не хочу, а ты спроси, если хочешь,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

Михей воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и потребовалъ полтора фунта «ситничку перваго сорта съ изюмомъ».

Они просидѣли въ трактирѣ около двухъ часовъ. Михей выпилъ чашекъ десять и съѣлъ весь ситничекъ. Онъ два раза спрашивалъ сахару, съ удовольствіемъ распывая чай въ накладку. Крестовоздвиженскій все время сидѣлъ задумчивъ. Чай его простылъ, и онъ выпилъ стаканъ залпомъ передъ самымъ уходомъ изъ трактира.

Почтовая контора только что открылась, когда Яковъ Ломаксевичъ подѣхалъ. Публики еще никого не было, даже не все чиновники явились на службу. Крестовоздвиженскій обратился за справкой къ почтальону, разбивавшему письма. Тотъ посмотрѣлъ въ отдѣленіи «до востребованія» и сказалъ, что ничего нѣтъ.

— Это вѣрно?—переспросилъ Крестовоздвиженскій.

— Что же мнѣ за корысть врать?—довольно грубо отвѣтилъ почтальонъ.

— Можетъ-быть, въ другомъ мѣстѣ?

— До востребованія все тутъ,—тѣмъ же тономъ произнесъ почтальонъ.

Одной надеждой стало меньше, и тяжелое предположеніе получило какъ бы новое доказательство. Съ угнетеннымъ сердцемъ вышелъ Крестовоздвиженскій изъ конторы и поѣхалъ на телеграфъ.

«Какъ составить денену?» Онъ испортилъ нѣсколько листовъ, прежде чѣмъ написать телеграмму слѣдующаго

содержанія: «Петербургъ, П—скій дѣтскій пріютъ. Софья Львовна Карышиной. Получили ли письмо? Отвѣчайте немедленно и рѣшительно. Отъ этого зависитъ все. Яковъ».

Телеграфистъ принялъ депешу, сосчиталъ слова и, сдѣлавъ пометки, обратился къ Крестовоздвиженскому.

— Вашъ адресъ?

— Я пріѣзжій.

— Все равно, гдѣ остановились. Куда же доставить вамъ отвѣтъ?

— Я найду самъ.

— Тогда примните, что до востребованія, и оговорите принisku.

Крестовоздвиженскій исполнилъ все это.

— Когда можетъ быть отвѣтъ?—робко спросилъ онъ.

— Смотри, какъ скоро отвѣтять.

— Но когда телеграмма будетъ въ Петербургѣ?

— Часа черезъ четыре будетъ навѣрное.

— А ночью телеграфъ открытъ?

— Да, все время.

Было уже около девяти часовъ. Теперь можно было вернуться къ Пушковымъ. Крестовоздвиженскій отправился къ нимъ, а Михайло поѣхалъ на постоянный дворъ къ знакомому.

Около Свѣтлыхъ рядовъ Крестовоздвиженскій столкнулся съ Пушковымъ.

— Господи, откуда такое явленіе!—съ удивленіемъ воскликнулъ Павелъ Павловичъ, останавливаясь.—По какому случаю?—добавилъ онъ, здороваясь.

— По дѣлу,—уклончиво отвѣтилъ семинаристъ.

— Вы не къ намъ ли шли?—спросилъ Пушковъ.

— Да.

— Очень жалко... Марья Ивановна пѣтъ дома.

— А гдѣ же она?—спросилъ Крестовоздвиженскій, вообразившій, что она поѣхала на свадьбу племянницы.

— Марья Ивановна задумала Богу молиться и вчера со знакомыми отправилась въ Семигороднос. Раньше четырехъ, пяти дней назадъ не будетъ. Вы теперь куда? намъ не по пути?

— Мнѣ все равно.

— Такъ проводите меня до палаты.

Они пошли по бульварчику.

— Ну, что ваши дѣла? Ахъ, да! знаете, вѣдь Соня-то замужъ выходитъ.

— Вы это, какъ фактъ, сообщасте?—проговорилъ Крестовоздвиженскій, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы произнести фразу спокойно.

И все-таки это ему не удалось, его голосъ дрогнулъ.

— Мать Сонин писала женѣ... Все слажено...

— И сговоры были?

— Сговоры? Ну, ужъ я этого не знаю... Самъ я письма не читалъ... Должно-быть, были, или назначены... Однимъ словомъ—дѣло слажено... Соня дала слово и выходитъ за этого... Вообразите: фабрикантъ, капитала около милліона. Жирнаго гуся подѣлила Сонька!

Какъ бы спохватившись, Пуниковъ добавилъ, взглядывая на Крестовоздвиженскаго:

— Вѣдь вамъ Соня правилась, я помню, ну, да вѣдь...

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ сгорбленный старичокъ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Павлу Ивановичу,—проговорилъ онъ, покаясь на Крестовоздвиженскаго.

— А, Евгению Петровичу! И вы сегодня раненько на службу.

Крестовоздвиженскій воспользовался появленіемъ старичка и простился съ Пуниковымъ.

— Да вы заходите ко мнѣ, я буду очень радъ,—проговорилъ Пуниковъ.—Вы долго ли пробудете? Вѣдь не уѣдете сегодня?

— Думаю, что не уѣду.

— Тогда заходите ко мнѣ почевать.

— Можетъ-быть... благодарю васъ.

Крестовоздвиженскій повернулъ вправо. Онъ сдѣлать это машинально; ему было все равно, куда ни идти. Онъ шагаль по неровной панели, а въ головѣ билась мысль, давя мозгъ, словно свинцомъ: «какого же еще отвѣта ждать? дала слово... выходить—не все ли равно, какъ и почему? Оттого и молчить». У него даже мелькнулъ вопросъ: не отправиться ли сейчасъ домой? Но ему не хотѣлось ѣхать, точно здѣсь, на этомъ шумѣ, въ толгѣ, было лучше и легче, чѣмъ въ деревнѣ. Еще смутная надежда на что-то теплилась въ его дунгѣ, и, какъ утопающій, онъ хватался за соломинку.

Онъ шелъ впередъ, погруженный въ думы. Вдругъ до его слуха донесся тоненькій церковный перезвонъ. Онъ оглядѣлся: невдалекѣ бѣлѣли казармы, изъ-за которыхъ виднѣлась колокольня съ золотымъ крестомъ. Онъ узналъ церковь подгородной пустыньки, куда онъ ходилъ иногда во время семинарскаго ученія къ обѣднѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ товарищами на клиросѣ. Кого вдругъ потянуло въ церковь, въ обитель Того, Кто призываетъ всѣхъ страдающихъ и обремененныхъ и обѣщаетъ имъ успокоеніе. Изстрадавшаяся, мятущаяся душа молодого человѣка воз-

жаждала тѣхъ сладкихъ молитвенныхъ звуковъ, которые несутъ миръ огорченнымъ сердцамъ.

— Тутъ, вѣдь, священникомъ Трудолобовъ,—вспомнилось Якову Аѳанасьевичу.

Ему захотѣлось повидать Трудолобова, который былъ его старше на четыре года.

Церковь была почти совсѣмъ пуста. Впереди стоялъ толстый мужчина въ длинномъ сюртукѣ, рядомъ съ нимъ пожилая женщина, въ шелковой повязкѣ на головѣ, а позади, на разныхъ мѣстахъ, три-четыре старушки,— вотъ и всѣ молящіеся, если не считать слѣпца и нищаго, пріотивнагося у самыхъ дверей. Обѣдя только-что началась. Дьякона не было, и священникъ служилъ одинъ. Онъ дѣлалъ возгласы высокимъ теноромъ, какъ бы съ нѣкоторой натугой. Яковъ Аѳанасьевичъ всталъ въ уголокъ за свѣчной ящикъ и началъ молиться. Прямо передъ нимъ, на боковой колоннѣ, висѣла икона Спасителя греческаго письма. Онъ всегда любилъ образа такого письма, потому что они всего сильнѣе вызывали у него религіозное настроеніе. Они не давали никакого опредѣленнаго реальнаго облика и не превращали Христа въ обыкновеннаго человѣка.

Передъ иконой горѣла лампадка, и ея мерцаніе, освѣщавшее ликъ Спасителя, наполнило сердце Крестовоздвиженскаго тихимъ врачующимъ свѣтомъ. Онъ опустился на колѣни и сталъ молиться безъ словъ, не слыша того, что читалось и пѣлось. Онъ весь унесся куда-то мыслію, и видѣлъ предъ собою только этотъ почеркѣвннй ликъ божественнаго Учителя, какъ бы не нарисованнаго, но живого, слушающаго, страдающаго. Молодой человѣкъ не устами, а сердцемъ взывалъ: «Спаси и защити!» И ему дѣлалось такъ хорошо, такъ спокойно, словно

Христось прикоснулся къ его изболѣвшей душѣ Своей цѣлящей десницей. Вотъ до слуха Якова Аванасьевича донеслись слова: «Твоя отъ Твоихъ»... У него какъ-то невольнo мелькнула мысль: «давно ли же началась обѣдня и уже»... Онъ не замѣтилъ, какъ простоялъ на колѣняхъ въ забытьѣ такъ долго. Ему и теперь не хотѣлось вставать,—такъ было отрадно тутъ, въ уголку, бесѣдовать съ Тѣмъ, Которому близки печали и скорби людей. И вдругъ онъ подумалъ: а вѣдь какъ хорошо молиться не только за себя, а и за всѣхъ, быть всегда близко къ Христу, служить ему, совершать безкровныя жертвы». Первая дрожь пробѣжала по всѣму его тѣлу: онъ взглянулъ на образъ, и ему показалось, что Спаситель съ ласковымъ укоромъ глядитъ на него съ иконы и какъ бы говорить: «а ты бѣжннцъ отъ Меня и не хочешь служить у Моего алтаря». «Господи!..—воскликнулъ Яковъ Аванасьевичъ:—не суди, меня, не суди! Я слабъ... Что же мнѣ дѣлать?»—и слезы, въ которыхъ разрѣшилась тягота душевной скорби, потокомъ хлыли изъ глазъ. Онъ ужалъ ничкомъ на полъ и продолжалъ шептать лежа: «Господи, Господи!» А дребезжанціи голосъ стараго дьячка тянулъ на клиросѣ: «И молимтиса, Боже нашъ!».

Когда Яковъ Аванасьевичъ поднялся съ пола, лицо его было влажно отъ слезъ.

Во время запричастнаго стиха въ церковь вошелъ невысокаго роста брюнетъ въ шиджакѣ и съ соломенной шляпой въ рукахъ. Онъ остановился посреди церкви, перекрестился и оглядѣлся вокругъ. Увидѣвъ въ углу Крестовоздвиженскаго, онъ радостно улыбнулся и направился къ нему.

— Ты отчего не въ деревнѣ?—спросилъ онъ, здороваясь.

— Пріѣхать по дѣлу. А ты какимъ образомъ?

— Взялъ отпускъ, ѣду къ роднымъ.

Отворились царскія врата. Священникъ вышелъ со Святыми Дарами. Крестовоздвиженскій сдѣлалъ земной поклонъ, но недавнее настроеніе уже начало покидать его. Появленіе брюнета и его разговоръ помѣшали Якову Аонасьевичу. Когда священникъ вышелъ для заамвонной молитвы, брюнетъ обратился къ Крестовоздвиженскому:

— Вѣдь ты знаешь о. Леонидъ?

— Знаю.

— Зайдемъ къ нему послѣ обѣди.

— Хорошо,—согласился Яковъ Аонасьевичъ.

По окончаніи обѣди брюнетъ отправился въ алтарь, а Крестовоздвиженскій остался дожидаться его на клиросѣ. Вскорѣ изъ алтаря вышелъ о. Леонидъ въ лиловой рясѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ—лѣтъ подъ тридцать. Его простое русское лицо, съ легкимъ загаромъ, было очень симпатично. Въ свѣтлыхъ глазахъ видѣлась ласка и привѣтливость. Русые волосы, длинные, но не густые, были аккуратно расчесаны и припомажены. О. Леонидъ радушно поздоровался съ Крестовоздвиженскимъ и пригласилъ его завернуть «въ хижину» и выпить чайку.

— А мы все ожидаемъ указа о васъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Якову Аонасьевичу, когда они вышли уже изъ церкви.—Скоро ли ваша свадьба?

Женщина, подошедшая подъ благословеніе «батюшки», помогла справиться съ смущеніемъ Якову Аонасьевичу, и онъ, когда женщина отошла, могъ отвѣтить довольно снокойно:

— Все еще не опредѣлено пока.

— Да вы что это,—усмѣхнувшись произнесъ о. Леонидъ,—не раздумали брать мѣсто? И что-то слышать такое, да, по правдѣ сказать, не обратилъ большого вниманія и не придавать значенія.

Они подходили къ небольшому одноэтажному домику, выкрашенному въ дикій цвѣтъ. Теперь брюнетъ неожиданно пришелъ на помощь Крестовоздвиженскому.

— А вѣдь это твой собственный домикъ?—спросилъ онъ.

— Да, то-есть, женянь,—отвѣтилъ Трудюбовъ.

— Хорошій домикъ, и какой садикъ, прелесть!—продолжалъ брюнетъ.

— Сами ухаживаемъ,—произнесъ о. Леонидъ и съ любовью посмотрѣлъ на куртины въ палисадникѣ.

Трудюбовъ забылъ о томъ, что онъ сдѣлать вопросъ, приведеннй въ замѣнательство Крестовоздвиженскаго, чему этотъ послѣднй былъ очень радъ. Дворъ, какъ игрушечка: подметень, усыпанъ песочкомъ. Посрединѣ двора находился колодець съ колесомъ, дальше въ глубинѣ надворныя постройки.

— И это все сами?—проговорилъ брюнетъ, указывая глазами на песокъ.

— Ну...—отвѣтилъ о. Леонидъ:—тутъ есть труды и сторожа, а, впрочемъ, и я самъ подметаю и посыпаю для моціона.

— Поди,— коровки, лошади свои?—спрашивалъ брюнетъ, поднимаясь на низенькое крыльцо.

— Да, двѣ коровки, а лошади нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ лошадь? Мой приходъ весь тутъ, да вотъ на той сторонѣ, за рѣкою, нѣсколько домиковъ.

Изъ маленькой передней двери вели въ гостиную, также небольшую, но уютно и красиво обставленную.

Въ ту самую минуту, когда все трое вошли въ переднюю, откуда-то донесся плачь ребенка.

— Э-э, молодое поколѣніе, кажется? Какого пола?— спросилъ Брюнетъ.

— Мальчишка!— съ улыбкой отвѣтилъ о. Леонидъ и добавилъ:— проходите въ гостиную, я скажу только Дашѣ.

Молодые люди прошли въ гостиную.

— Нишь,— замѣтилъ вполголоса Брюнетъ:— не хочеть свою жену называть понадѣей... Даша!

Онъ осмотрѣлъ обстановку гостиной и проговорилъ:

— Ничего себѣ, очень хорошо устроился, куда лучше нашего.

— А ты развѣ худо живешь?— спросилъ Крестовоздвиженскій, подходя къ дивану, надъ которымъ висѣла фотографія, изображавшая священника съ молодой женой, державшей на рукахъ ребенка.

— Да, не жирно. На сорокъ рублей не раскутишься, особенно при двухъ ребятахъ.

— Уже?— съ удивленіемъ проговорилъ Крестовоздвиженскій.

— Что же, братъ, вѣдь мы съ Леонидомъ на одной недѣлѣ вѣдчаны. Онъ четыре года попомъ. Тутъ не только двое, а трое могло быть.

Вошелъ хозяинъ. Брюнетъ обратился къ нему:

— А ты славно устроился. Просто зависть береть.

— Ну, вотъ, чего же самъ не шелъ въ поны, вѣдь тебѣ предлагали.

— Не хотѣлось рясы надѣвать, и вышелъ въ чиновники. А теперь вижу, что сглупилъ. Въ понахъ сытѣе и спокойнѣе.

— Развѣ тебѣ такъ худо?— замѣтилъ о. Леонидъ.—
Вѣдь не голодаешь?

— Не голодно, да и не жирно, а главное неприятностей много. Начальникъ такой злока, я ужъ переводиться хотѣлъ. Да и дѣло такое мертвое. Вѣдь ты помнишь Доброправова?

— Ивана? Съ кудластой головой? Какъ же! Онъ въ Сольскѣ служить?

— Да, мы вмѣстѣ ѣхали на пароходъ. Тоже, братъ, жалуются. Заѣла, говорить, канцелярица. Вѣдь, вотъ, тоже давали мѣсто, да гдѣ еще: на кладбищѣ! не взять. Дѣятельности хотѣлъ. Ну, вотъ и панель. Теперь жалѣеть, что не пошелъ въ поны.

— Пусть выходитъ, правъ не потерялъ, — сказалъ Трудолюбивъ.

— Сюда чай-то, или въ столовую?

Оба гости обернулись.

— Въ столовую, Дана, — сказалъ о. Леонидъ.— Вотъ позволь тебя познакомить. Это мой товарищъ по семинаріи, Федоръ Алексѣевичъ Доброумовъ, служить въ казначействѣ въ Кольскѣ. А это — Яковъ Аонасѣевичъ Крестовоздвиженскій, сынъ домкинскаго благочиннаго, котораго ты видѣла какъ-то у о. Всеволода. Помнишь?

— Какъ же, помню.

Попадья привѣтливо улыбнулась, подавая Крестовоздвиженскому духлую руку.

Фотографія прекрасно передавала лицо молодой попадьи: то же полное, круглое, напоминающее кошачью мордочку, лицо, съ небольшимъ носикомъ, освѣщаемое парюю добродушныхъ, веселыхъ карихъ глазъ, съ длинными черными рѣсницами. Гладкая прическа нѣсколько скрадывала красоту черныхъ волосъ, но придавала мо-

лодой женщиной видъ той скромности, которая такъ шла къ ея положенію. Она была одѣта въ ситцевое платье, свободно сшитое, съ широкими рукавами. Когда понадея вышла изъ комнаты, Крестовоздвиженскій снова взглянулъ на фотографію и подумалъ: «если бы придать этимъ глазамъ жизнь, которая свѣтится въ нихъ у оригинала, то изъ рамки глядѣло бы совсѣмъ живое лицо хозяйки».

— Да,—промолвилъ о. Леонидъ, поправляя скатерть на предиванномъ столѣ:—Доброправовъ хотѣлъ дѣятельности, а попалъ въ бумажное царство. Если говорить правду, въ нашемъ дѣлѣ больше жизни для того, кто хочетъ быть настоящимъ пастыремъ.

— Ты доволенъ жизнью, стало-быть?—спросилъ Доброумовъ.

— Да.

— А хотѣлъ, вѣдь, тоже въ свѣтскіе.

— Ну, чего тамъ хотѣлъ,—возразилъ о. Леонидъ.—Такъ только болталъ, Доброправовъ же меня и сбивалъ. А я всегда думалъ въ поны итти. Не хотѣлось только мнѣ брать мѣсто съ невѣстой.

— Развѣ у тебя была другая на примѣтѣ?

— Никого не было, а просто...

И о. Леонидъ, видимо не желавшій продолжать разговоръ на эту тему, обратился къ Крестовоздвиженскому:

— Вотъ, Яковъ Аванасьевичъ, не прельщайтесь очень-то свѣтской службою: видите, выходитъ, да и жалѣютъ.

Въ столовой гостей ждалъ не только чай, а пастоящій завтракъ. Была подана личница, творожнички, горячіе пирожки, масло, сардинки и какое-то печенье.

— Да когда же вы все это успѣли приготовить, ма-тушка?—воскликнулъ Доброумовъ, разводя руками.

— Долго ли же съѣдать яичницу?—съ улыбкой сказала попадья.—А пирожки уже были готовы.

Она перевела взглядъ на мужа, продолжая улыбаться свѣтло и радостно.

— Можетъ-быть, они желаютъ водки?—сказала она, спустя минуту, обращаясь къ мужу.

— Ты пьешь?—спросилъ онъ у Доброумова.

— Выпиваю, а ты?

— Я почти не пью, но если ты...

— Нѣтъ, что же, не надо.

— Я тоже не пью,—поспѣшилъ заявить Крестовоздвиженскій.

— Не надо, Дана,—сказалъ о. Леонидъ жемѣ.

За чаемъ Доброумовъ сообщалъ разныя новости изъ кольской жизни, разсказалъ о скалдаль въ клубѣ, закончившемся протоколомъ.

— Однако, у васъ жизнь историческая,—съ усмѣлкой замѣтилъ о. Леонидъ.

— Именно: что ни день, то исторія — подтвердилъ Доброумовъ.—Да что же шаче дѣлать? Скучища смертная. Вѣдь и здѣсь то же, даромъ, что губернскій городъ. Тоже пьютъ, въ карты играютъ и елстничаютъ.

— Это вѣрно,—согласился попадья,—просто хоть нигуда не ходи: пересуды да карты, только и всего.

— Да что же въ гостяхъ дѣлать? Вотъ къ вамъ гости ходятъ, вѣдь, поди, тоже въ карты играютъ?

— У насъ рѣдко гости,—отвѣтила попадья:—городъ далеко, а здѣсь кто же?

— Такъ какъ же вы не соскучитесь? — спросилъ Доброумовъ.

— Развлекаемся понемножку, чѣмъ можемъ,—сказалъ о. Леонидъ.

— Да чѣмъ же? По хозяйству?

— Всѣмъ. Надо же чѣмъ-нибудь заняться, а то поневолѣ запынешь. И, вотъ, слышала недавно, что мой конкурентъ, о. Аркадій Соколовъ,—онъ вѣдь за нашимъ городомъ,—тоже шить началъ.

— Горькую пьешь,—отвѣтилъ Доброумовъ, махнувъ рукою.

— Ну, вотъ. Нельзя опускаться себя, чѣмъ-нибудь слѣдуетъ заниматься. Вѣдь строго говоря,—произнесъ о. Леонидъ, покачавъ головой,—дѣла у насъ по горло, если относиться къ обязанностямъ, какъ слѣдуетъ, по-настырски. Ну, да на это мы лѣнны и мало пригодны часто. А кто хочетъ да можетъ, здѣсь такое поле для дѣятельности, что не только о водѣ, а и объ отдыхѣ, о снѣ некогда думать. Сколько одиѣхъ душевныхъ драмъ узнаешь, да и мало ли что еще.

— Да, это такъ,—согласился Доброумовъ:—только вотъ...

Онъ вмѣсто окончанія фразы сдѣлать выразительный знакъ глазами.

— Въ этомъ вся суть,—сказала о. Леонидъ:—мало такихъ настырей. И вотъ первый скажу про себя: далеко отъ идеала. Ну, такъ вотъ мы чѣмъ-нибудь стараемся заняться, чтобы наполнить время.

— У васъ, я слышала, есть школа,—спросила Крестовоздвиженскій.

— Есть маленькая. Не особенно ревностно, а учу. Ну, да по дому, въ саду. Занимаюсь фотографіей. А теперь, вотъ, я задумала вышиваніемъ разныхъ вещей заняться. Тоже дѣло.

Послѣ чая о. Леонидъ повелъ гостей въ свой кабинетъ. Это была небольшая комната въ два окна, въ ко-

торой посрединѣ стоялъ письменный столъ, вблизи его, у окна, кушетка, а вдоль стѣны шкафы съ книгами. На столъ лежали книжки «Странника» и «Русскаго Вѣстника» и развернутый номеръ «Сына Отечества».

— Да ты и за литературой слѣдишь?—сказалъ Доброумовъ.—Ну жели всё выписываешь?

— Газету и «Странникъ» выписываю, а «Русскій Вѣстникъ» беру въ библіотекѣ.

— Я положительно тебѣ завидую,—проговорилъ Доброумовъ.—У меня нѣтъ ни времени, ни возможности. Утромъ—на службу; тамъ съ этихъ чертовескихъ бумагъ голова кругомъ идетъ. Вернешься домой, пообѣдаешь, немножко отдохнешь, а тамъ опять часто на службу, а то дома работаешь... или кто придетъ. Нѣтъ совсѣмъ времени. А у тебя его, видно, много?

— Достаточно,—сказалъ о. Леопидъ.—Конечно, я не служу ежедневно, это оттого.

— Ты что же: только разъ въ недѣлю?

— По воскресеньямъ и по праздникамъ, и изрѣдка на недѣлѣ. Хотите посмотрѣть мою школу и ктати мои владѣнія?—предложилъ Трудолобовъ.

— Пожалуйста,—отозвался Доброумовъ и прибавилъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому:—вотъ, Яковъ Леонасьевичъ, приглядывайся, учись. Самъ скоро будешь іереемъ, бери примѣръ, какъ надо жить. Видишь, какъ хорошо устраниваются отцы, не то, что мы, чиновныя клычи.

Онъ засмѣялся, и въ его смѣхѣ послышались зависть и недовольство своимъ положеніемъ.

Сначала Трудолобовъ повелъ гостей въ огородъ.

— Для чего у тебя столько этихъ инструментовъ?—спросилъ Доброумовъ, указывая на удочки и меряжки,

просунувавшіяся на огородномъ тынѣ: — рыбачишь, что ли?

— Да, съ дьячкомъ. И занятно, и подспорье.

— Что же, дѣло безгрѣшное. Это и пону можно, не то, что охота съ ружьемъ.

— Конечно, — согласился о. Леонидъ. — Рыболовствомъ и апостола занимался.

Почти весь огородъ былъ занятъ грядами и парниками.

— У тебя, стало-быть, все свое?

— Да, всякая овощь. Я вотъ хочу еще расширить огородъ, а пока яблонекъ насадилъ. Вотъ видите тамъ, за баней. Плодовъ-то придется подождать, а зато, должно-быть, будутъ хорошіе. Хочу вотъ еще разбить малинникъ и смородникъ.

— Только недостаетъ ульевъ, — сказала Доброумовъ.

— Будутъ и они, — отвѣтилъ о. Леонидъ. — Я уже тутъ веду переговоры съ опытнымъ пчеловодомъ изъ мужичковъ. Надо устроить: дѣло интересное и полезное. Кажется, у твоего отца тоже есть ульи?

— Какъ же, любитель, — промолвилъ Доброумовъ: — только старъ становится, трудно заниматься.

Крестовоздвиженскій съ любопытствомъ разсматривалъ все, показываемое о. Леонидомъ, и думалъ: «а въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо онъ устроился. Отчего это отецъ пчѣмъ не займется? Только и знаетъ, что строится да увеличиваетъ пашню. Наступитъ зима, скучаетъ и спитъ цѣлые дни. Кто хочетъ, тотъ можетъ очень хорошо устроиться на священническомъ мѣстѣ. Можно строже исполнять обязанности пастыря, и все-таки время будетъ на разное другое».

— Какъ вамъ у меня правится? — спросилъ его Трудо-

любовь, когда они, выйдя из огорода, направились въ школу, стоявшую черезъ дорогу, противъ дома священника.

— Очень хорошо! — искренно воскликнула Крестовоздвиженскій.

— Все, братъ, отъ жены зависитъ, — рѣшительно промолвилъ Доброумовъ: — какая жена попадется. Другая всю жизнь въ каторгу обратитъ. Возьми-ка Троицкаго. Царень былъ добрый, не пилъ, а попалась баба-яга, что за жизнь у него! Цѣлый день грызня: то она ревнуетъ его, то ворчитъ, что мало принесъ денегъ, то зачѣмъ кому-то помочь, за все ругаетъ... Какая она жадная, просто бѣда! Тебѣ вотъ посчастливилось, у тебя, я вижу, славная жена.

— Даша — хорошая жена, — серьезно и съ довольствомъ произнесъ о. Леонидъ. — Она простая, а сердце хорошее у нея.

Школа понравилась Крестовоздвиженскому. Комнатка чистая, уютная, свѣтлая. Въ переднемъ углу образъ прекрасной работы, на стѣнахъ портреты государя, государыни и мѣстнаго архіерея. Около печки низафикъ съ книжками.

— А гдѣ же столы и парты? — спросилъ Доброумовъ.

— Перекрашиваютъ. Обратите вниманіе на образъ Спасителя, — сказалъ священникъ: — это рѣдкой работы. Намъ подарила его здѣшняя купчиха, лично знавшая покойнаго художника. Она у насъ попечительницей.

— А учите вы съ женой?

— Я Закону Божію, жена руководѣію, а предметамъ дѣвушка-спрота, дочь прежняго дьячка. Она уродецъ: горбатенькая, и на лѣвой рукѣ всего три пальца, но хорошая дѣвушка, старательная. Она получаетъ всего во-

семь рублей и живетъ у теперешняго дьячка. Ну, еще мы ей помогаемъ немного изъ церковныхъ суммъ, попечительница рублей десять дастъ на Пасху. Школка у насъ небольшая.

— Славно, славно у тебя!—восхищенно произнесъ Доброумовъ.—Вотъ-то устроился! И вѣдь небогатый приходъ, кажется?

— Такъ себѣ, Бога гнѣвить нечего, жить можно, особенно, пока дѣтей нѣтъ, Мишка еще чтѣ... клошъ! на него немного надо. Конечно, не такой приходъ, какой достается Якову Доанасьевичу. Тамъ не житье, а маленница.

Онъ не отпустилъ гостей, и они остались обѣдать. Послѣ обѣда всѣ трое ходили на набережную, осматривали близлежащій кожевенный заводикъ и вернулись, какъ разъ, къ вечернему чаю. Послѣ чая Крестовоздвиженскій заявилъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться, что ему нужно идти по дѣлу. У него уже поднималась внутренняя тревога. Доброумовъ еще остался у о. Леониды.

— Ну, до свиданія, дружнице,—сказалъ Доброумовъ, прощаясь съ Крестовоздвиженскимъ:—значить, скоро увидимся; поѣду къ роднымъ, вѣдь черезъ Домкино придется, заверну, можетъ-быть, и къ тебѣ.

Крестовоздвиженскій отправился въ городъ.

XXVIII.

Вь Домкино вернулся одинъ Михай. Это было на другой день около полудня.

— А Яковъ?—воскликнула Анна Михайловна, бывшая въ это время на дворѣ.

— Яковъ Иоанасьевичъ тамъ остался.

— Какъ тамъ? Почему?

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Какъ же ты могъ его оставить?—проговорила она.

— Да я что же,—возразилъ работникъ:—развѣ я могу... Они сказали: «ты поѣзжай домой. Я буду ждать отвѣта, а тебѣ здѣсь нечего оставаться». Ну, я и поѣхалъ.

— Когда же онъ вернется? Что это такое? Ты не долженъ былъ его оставлять.

— Да если они велѣли, долженъ я слушаться, или нѣтъ?—уже съ раздраженіемъ проговорилъ Михай, отпрягая лошадей.

— Это Богъ знаетъ, что такое!

Анна Михайловна кинулась къ дому. Первою ей попалась мать.

— Ну, вотъ, ваши затѣи... Радуйтесь!—крикнула она.

— Что такое?—тревожно спросила старуха.

— А то, что вернулся Михай одинъ, Яковъ остался въ городѣ.

И, не дождавшись отвѣта матери, Анна Михайловна промолвила:

— Говорить, что будетъ ждать отвѣта. Какой тамъ отвѣтъ? Это что-нибудь не то... Онъ либо хочетъ

уѣхать потихоньку въ Петербургъ, либо... Иѣтъ, это невозможно... Я сама сейчасъ поѣду въ городъ, а то пусть ѣдетъ Аонасій Григорьевичъ.

Она прошла въ кабинетъ къ мужу, который про-сматривалъ счета.

— Отецъ, надо ѣхать сейчасъ въ городъ,—сказала она, опускаясь въ изнеможеніи на стулъ.

— Зачѣмъ?

— Яковъ не вернулся. Отослалъ Михея, а самъ остался въ городѣ.

— Да вѣдь вернется же онъ?

— А кто его знаетъ? Можетъ-быть, задумалъ что-нибудь надъ собой... Либо хочетъ въ Петербургъ ука-тить. Не пріѣхалъ ли туда Псалмопѣвецъ?..

— Да бумаги-то у тебя?

— Что жъ, что у меня? Господи! Да, вѣдь, знаешь, отецъ, я отдала ему свидѣтельство, а онъ мнѣ не вернулъ... Да, да... я забыла, а онъ не вернулъ...

Протопопъ нахмурился.

— Это глупо, понадея,—сказалъ онъ.

— Ужъ что теперь говорить! Собирайся скорѣе, не-чего терять времени.

— погоди,—перебилъ ее мужъ:—чего горячку порешь, сама промахнулась, а теперь мечешься безъ толку. По воздуху что ли полечу? Если задумалъ уѣхать, такъ давно уѣхалъ, гдѣ его ловить... Не надо было отпускать.

— Это все маменькины выдумки. А ты одобрилъ.

О. Аонасій прошелся по комнатѣ, крикнулъ и про-изнесъ:

— Позови-ка сюда Михея.

Черезъ минуту явился работникъ.

— Ты это что же оставилъ Якова-то?—сказать протопопъ:—тебя послали вмѣстѣ, а ты его оставилъ.

— Да нешто я караульный, а Яковъ Лоанасевичъ арестантъ?—возразилъ работникъ вызывающимъ тономъ.— Велѣлъ ѣхать, я и поѣхалъ.

— Ну, ну, не забывайся,—нахмурился, оборвалъ его о. Лоанасій.— Съ тобой говорить по-человѣчески, а ты грубияншишь, невѣжа!

Работникъ промычалъ что-то себѣ подъ носъ и прислонился къ косяку двери.

— Гдѣ же ты его оставилъ? Что онъ дѣлалъ это время?—спросилъ снова протопопъ, некоса поглядывая на работника.

— Да что дѣлать... Приѣхали-то мы рано утромъ, напились, значить, чаю въ трактирѣ, потомъ на почту, оттуда въ телеграфъ. Тутотка Яковъ Лоанасевичъ пошелъ къ своимъ бывшимъ хозяевамъ, а меня съ лошадюю отослалъ на постоялый къ Якиму. Я прождать тамъ цѣлый день, — не явился. Ходилъ я и къ хозяевамъ вечеромъ. Марья Ивановна шѣту, на богомолье ушла, а самъ говоритъ, что Якова Лоанасевича сегодня видѣлъ утромъ, и онъ хотѣлъ прійти почесать, но не приходилъ. Я съ тѣмъ и ушелъ. А на утро, такъ часовъ, должно, около восьми, а то, пожалуй, и ранѣ, приниелъ онъ ко мнѣ на постоялый и говоритъ: «я остаюсь здѣсь, а ты поѣзжай домой, я одинъ вернусь». А когда—не сказалъ. Ну, я и поѣхалъ.

— Гм!—произнесъ протоіерей и, пройдясь по комнатѣ, снова обратился къ работнику:—а Псалмогѣвцева тамъ шѣтъ, не видать?

— Шѣту, не видать

— Ну, ладно, ступай!

Когда работникъ вышелъ, о. Аонасій промолвилъ, обращаясь къ женѣ:

— Я не поѣду. А вотъ, если онъ не вернется сегодня, то пусть завтра Михей опять ѣдетъ въ городъ.

— Какъ же такъ, отецъ?... А если онъ задумалъ уѣхать совсѣмъ?

— Ну, это глупости. Сама потеряла голову и меня спутала. Какъ онъ можетъ уѣхать безо всего? Въдь у него ни копейки денегъ, ни вещей, ни бѣлья, въ одномъ легкомъ пальтецѣ. Куда же онъ такъ поѣдетъ?

— Это такъ,—согласилась жена.

Она вздохнула.

— А если... Ахъ, Господи, Боже мой! И зачѣмъ было его отпущать! Послушался ты маменьки. Въ другой разъ тебя ничѣмъ не уломаешь, а тутъ послушался, на ея умъ положился, словно у тебя у самого нѣтъ царя въ головѣ.

— Ну, ладно, довольно,—остановилъ мужъ:—что сдѣлано, то сдѣлано. Ничего и не будетъ, вернется.

Анна Михайловна вышла изъ комнаты.

Она заплакала и, пройдя въ спальню, гдѣ стоялъ кюль, унала на колѣни передъ образомъ, заломивъ руки.

Она вчера и сегодня все время чувствовала себя угнетенной. Она не только тревожилась, но и мучилась отъ того «обмана», который она совершила передъ сыномъ. Ее тяготилъ этотъ обманъ, она считала себя виноватой. Надо дѣйствовать открыто... Конечно, все это для пользы Яши, но избранный путь все-таки нехорошъ. А возврата уже не было. Открыться сыну она не могла, это она сознавала: она боялась уронить себя въ его глазахъ, порвать съ нимъ всякую связь, потерять уваженіе, даже любовь. У нея не хватало духа даже открыться во всемъ

матери и мужу. Она одиноко страдала, терзаемая совестью. Она плакала, вздыхала и молилась, скрывая отъ всѣхъ свое горе, свой стыдъ. Агнѣя Канитоновна замѣтила внутреннюю тревогу дочери и остававливая на ней подолгу пристальный взглядъ. Это сердило Анну Михайловну, и она сказала какъ-то матери:

— Что вы смотрите на меня такъ, точно въ чемъ подозрѣваете и хотите укорить?

— Что ты, Аннушка, Богъ съ тобой! — возразила старуха:—я вотъ вижу, что ты волнуешься чѣмъ-то...

— И видите, — перебила дочь, — и танти про себя, а не смотрите такъ, — это меня раздражаетъ.

— Ну, Христось съ тобою, — сказала старуха, подавляя вздохъ.

На Оеклушу, которая сунулась, было, къ матери съ вопросомъ о братѣ, Анна Михайловна рѣзко прикрикнула:

— Отстань! чего лѣзешь? Иди къ бабушкѣ, се и спрашивай.

Оеклуша съ испугомъ и удивленіемъ посмотрѣла на мать и отошла отъ нея.

Сегодня, въ началѣ поднявшейся тревоги, Оеклуши не было дома. Она ушла въ поле. Возвратившись домой и узнавъ, что Михей прѣехалъ одинъ, она съ плачемъ кинулась опять къ матери и застала ее молящейся передъ кѣтомъ. Оеклуша не посмѣла спросить ее и побѣжала къ бабушкѣ.

— Бабушка, гдѣ Яша? Онъ уѣхалъ? совѣмъ? Мама плачетъ и молится въ спальнѣ...

— Ну, и пусть молится, ты ее не тревожь.

— А Яша, бабушка?

— Вернется твой Яша, не хлопочи. Онъ остался по дѣлу.

— А если не вернется?

— Говорю тебѣ, вернется, не приставай!

Старуха, раздражаясь, потеряла обычную ласковость. Оксудина почувствовала себя одинокой, убѣжала въ огородъ и тамъ дала полную волю своимъ слезамъ.

Яковъ Аонасѣевичъ не вернулся къ вечеру. Ужинъ прошелъ въ молчаніи. Почти никто ничего не ѣлъ, только о. Аонасій выпилъ два стакана квасу и съѣлъ немного гречневой каши, безъ которой онъ не могъ обойтись передъ сномъ. Послѣ ужина онъ призвалъ Михея и велѣлъ ему на утро рано отправиться въ городъ, найти тамъ Якова Аонасѣевича и привезти домой.

— Скажи ему прямо, что я велѣлъ, чтобы онъ долгие не оставался... Слышишь?

— Слышу, — отозвался работникъ: — а если онъ все же не пойдетъ, что жъ мнѣ, не на веревкѣ его тннуть.

— Дуракъ! — произнесъ раздраженно протоиерей: — дѣлай, что тебѣ приказываютъ, и не разсуждай!

Работникъ, ворча, вышелъ изъ кухни, въ которой происходилъ разговоръ.

Ночью Анна Михайловна почувствовала себя дурно: у нея захватывало дыханіе и появилась боль въ сердцѣ. Эта боль проходила и опять возобновлялась. Мать и мужъ перепугались и хотѣли послать за докторомъ, но помогли припарки, и къ утру попадѣ стало легче. Однако, она осталась въ постели на день. Какъ и вчера, она безпрестанно плакала и что-то шептала. Раздраженіе у нея улеглось и смѣнилось тревожной тоскою. Когда въ спальню заходила мать, Анна Михайловна повторяла ей одно и то же:

— Ахъ, что съ Яшей? Вернется ли онъ? Боже, что я сдѣлала, что я сдѣлала!

— Да про что ты говоришь, Аннушка?—спросила старуха:—почему ты себя обвиняешь? въ чемъ?

— Да вѣдь я же была противъ,—отвѣтила Анна Михайловна.

Она и теперь не могла сказать правды матери.

— Ну, что ты, вѣдь не ты одна...

— Но я, я... Вѣдь добра же хотѣла, кто же думаетъ, что такъ все выйдетъ...

— Да полно, никто, какъ Богъ: вернется Яна, и все кончится благополучно,—сказала старуха въ утѣшеніе.

— О, Господи!

Анна Михайловна опять принялась плакать.

Старуха ходила, какъ убитая. Глаза Окслюни не просыхали отъ слезъ. О. Аонасіій не выходилъ изъ кабинета. Темное облако нависло надъ всѣмъ домомъ.

И вдругъ эта туча порвѣла.

Было около десяти часовъ вечера. Окслюна услышала стукъ колесъ, выбѣжала изъ комнаты и вернулась черезъ минуту съ радостнымъ крикомъ:

— Бабушка, Яна пріѣхала!

Этотъ крикъ долетѣлъ до спальни, гдѣ лежала Анна Михайловна.

Анна Михайловна ничего не промолвила: она только облегченно вздохнула, подняла на икону глаза, полные благодарныхъ слезъ, и перекрестилась.

Сообщивъ бабушкѣ о пріѣздѣ брата, Окслюна побѣжала къ нему навстрѣчу. Онъ снималъ пальто въ передней.

— Якуша, мама больна!—воскликнула сестра.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Ну, что ты пугаешь брата?—сердито проговорила старуха, появляясь изъ столовой.—Здравствуй, Яна! здравствуй!

— Что съ маменькой?—спросилъ онъ.

— Не тревожься, Яша... ночью прихватило се... ну, извѣстно, отъ волненія. Какъ это можно было отправлять Михея одного? Ты всёхъ насъ перепугалъ!

Не отвѣчая ничего бабункѣ, молодой человекъ прошелъ прямо въ спальню матери. Увидѣвъ сына, Анна Михайловна приподнялась на кровати и воскликнула радостно:

— Яша, голубчикъ!

И она всхлинула.

— Маменька, что съ вами?—проговорилъ Яковъ Аонасьевичъ, останавливаясь у кровати.

— Ничего, милый, это пустяки, пройдетъ. Миѣ уже лучше... вотъ ты вернулся, и я поправлюсь. Яша, какъ ты напугалъ насъ всёхъ! Голубчикъ, отчего ты такъ долго?

— Ждать отвѣта,—глухо промолвилъ Крестовоздвиженскій, который на мгновеніе, пораженный извѣстіемъ о болѣзни матери, забылъ совсѣмъ о своемъ горѣ.

— Ну, и что же, что?—тревожно спрашивала мать, какъ будто не она сама все устроила, и не она желала того, что было такъ тяжело для сына.

— Никакого отвѣта...

— Вотъ видишь!

И въ тотъ же мигъ она почувствовала угрызения совѣсти. Кто-то словно шепнулъ ей: «и тебѣ не стыдно такъ лгать, лицемѣрить передъ сыномъ?»

Она со стономъ опустилась на подушки. Сыгъ иначе перетолковать этотъ стонъ и опять, весь охваченный боязнью за мать, полный любви къ ней, воскликнулъ съ тревогой:

— Маменька, что съ вами? надо скорѣй за докторь...

— Иѣтъ, Яша, не надо, не надо!.. Голубчикъ, подойди ко мнѣ.

Онъ нагнулся. Она обняла его за шею и стала цѣловать.

— Яша, Яша, не сердись на меня. Не вини меня... вѣдь я добра хотѣла тебѣ...

— Что вы, маменька!—сказала онъ дрожащимъ голосомъ.—Въ чемъ мнѣ васъ винить? Я вамъ много доставилъ горя... Но вѣдь я...

Ему было говорить не менѣе трудно, чѣмъ и матери, хотя по другой причинѣ.

— Не волнуйтесь, маменька,—продолжалъ онъ, помолчавъ, когда мать положила свою руку на его плечо.

— Какъ же, Яша? Я о тебѣ горюю.

— Ну, что же, вѣрно... такая судьба... Вѣдь вы счастья мнѣ хотѣли, говорите вы?

Онъ пріостановился на мгновение и добавилъ съ горечью:

— Что же! Вѣрно, оно тамъ и будетъ, гдѣ вы его находите...

Онъ быстро выпрямился и, сказавъ: «я пойду къ себѣ», вышелъ изъ спальни.

Придя въ свою комнату, онъ уналь на постель и зарыдать. Это были слезы, которыми молодой человекъ справлялъ нанихиду по своимъ грезамъ, оплакивалъ вѣру въ Сошо и... иѣтъ, только не любовь, потому что она еще не умерла въ его сердцѣ. Онъ попрежнему продолжалъ любить ту, которая «забыла его и промѣнила на богатаго фабриканта».

На другой день Анна Михайловна, хотя и съ трудомъ, но встала съ постели. За утреннимъ чаемъ, когда все собрались въ столовой, кромѣ о. Лонасія, который замѣнкался на дворѣ съ плотниками,—бабушка вдругъ обратилась съ вопросомъ къ внуку:

— Яна, какъ же понять тебя, скажи? Ты вчера такое слово молвилъ, что мы не знаемъ, какъ и принять его: не то радоваться твоимъ родителямъ и всѣмъ намъ... не то...

Ложка, которою мѣнялъ чай молодой человекъ, задрожала въ его рукахъ.

— Миѣ все равно, — едва слышно произнесъ Яковъ Аонасѣвичъ: — пусть будетъ и такъ.

— То-есть что же: ты согласишь на бракъ съ Дуней и берешь мѣсто? — также тихо спросила мать.

— Миѣ все равно, — повторилъ сынъ, — пусть и такъ. Въ столовую вошелъ о. Аонасій.

— Можно объявить отцу? — спросила Анна Михайловна нерѣшительно.

— Говорите.

Мать скорѣе догадалась, чѣмъ разобрала отвѣтъ сына.

— Аонасій Григорьевичъ, — сказала она, обращаясь къ мужу: — вотъ Яна сейчасъ сказала, что онъ беретъ мѣсто о. Шкифора.

— А-а!..

И, обернувшись къ сыну, протопопъ промолвилъ.

— Вѣрно, Яковъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, словно произносилъ самъ себѣ смертный приговоръ.

— Ну, вотъ, это хорошо, что ты, наконецъ, надумалъ. Давно пора. Что же... Надо послать будетъ сегодня туда сказать.

Онъ опустился на стулъ и съ довольствомъ, которое выразилось и въ его лицѣ и въ голосѣ, добавилъ:

— Это хорошо, и не жаль: увидишь, что твои родители правы.

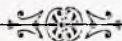
Яковъ Аонасѣвичъ ничего не отвѣтилъ на это, до-

пить чай, поднялся со стула и молча вышел из столовой.

Онъ пришелъ въ свою комнату, постоялъ у стола, потомъ надѣлъ фуражку и отправился черезъ кухню на дворъ, а оттуда въ поле. Ему вдругъ вспомнились слова Марьи Ивановны: «Соня просила кланяться и передать вамъ, чтобы вы вѣрили молитвамъ».

Онъ почувствовалъ рѣзкую боль въ сердцѣ и въ мозгу, его губы искривились отъ горькой улыбки. Онъ шелъ впередъ... Острая боль начала стихать и переняла въ тупую, давящую.

Поздно вечеромъ вернулся онъ домой.

XXIX.

У. Доанасіи былъ радъ, что сынъ «наконецъ-то образумился и далъ согласіе».

— Конечно,—заявилъ онъ женѣ:—я заставлю бы его сдѣлать по-моему, но все-таки лучше, что обошлось безъ принужденія.

Анна Михайловна ничего не сказала на это и только вздохнула. Она была и сама довольна, что сынъ оставался близъ нихъ и бралъ мѣсто, но одна мысль подавляла ее и отравляла радость. Анна Михайловна понимала, что только съ рѣшительнымъ шагомъ приведетъ дѣло къ желаемой развязкѣ, что побѣда почти всецѣло принадлежитъ ей. Но эта побѣда была достигнута дорогой

цѣной. Анна Михайловна не переставала мучиться отъ сознанія, что ей пришлось «пойти на обманъ». Но, вѣдь, иного способа не находилось,—пыталась она оправдывать и утѣшать себя. Несмотря на такіе доводы, она мучилась. Дѣлая рѣшительный шагъ, она была убѣждена, что борется за счастье сына. И вотъ теперь у нея вдругъ зародилось сомнѣніе: «а будетъ ли онъ счастливъ?» Она опять-таки старалась убѣдить себя, что, «конечно, будетъ», и въ то же время чего-то боялась. Все время она безусловно вѣрила въ счастье сына съ Дуней, а теперь вдругъ явилась боязнь за будущее. Словно эти мученія были посланы ей, какъ кара за ея вѣроломный поступокъ. Она не удержалась и подѣлилась мыслями съ мужемъ.

— Вотъ тебѣ на!—проговорилъ о. Аонасій, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на жену:—сама все твердила, что лучше Дуни жены не найти для Якова, а теперь несетъ, Богъ знаетъ, что!

— И теперь скажу то же самое: а если только онъ ее не полюбитъ, что тогда?

— Э, полно говорить вздоръ! И Яковъ-то надоѣлъ мнѣ, а еще ты...

Видя, что отъ мужа она ничего другого не дожидается, Анна Михайловна обратилась къ матери.

Та выслушала сѣтованія дочери и сказала:

— Полно, Ашуника; онъ скоро Дуняшу полюбитъ. Огорченное сердце запроситъ ласки. Вотъ, если бы его заставили насильно отказаться отъ той, ну, это другое дѣло. А разъ та ему измѣнила, такъ это лучше. Извѣстно, онъ потоскуеть, а потомъ и привяжется къ Дуни. Любовь всегда рождаетъ любовь, какъ и злоба злобу.

— Какой онъ скучный, маменька! Словно онъ плачетъ потихоньку... Глаза красные.

— Все можетъ быть, Аниунка. Ты думаешь, легко перенести-то ему. Вѣдь онъ ее любилъ и любить, это ясно. Сердце у него привязчивое. Крѣпко полюбилъ онъ... А все пройдетъ. На Дуню злобы у него теперь не можетъ быть.

— Да и никогда не могло быть, маменька.

— Ну, какъ же: если бы та осталась вѣрна, а его приневодили бы на Дуниѣ жениться, безпрѣмѣнно злоба противъ нея явилась бы у него. На счастье фабрикантъ-то прельстилъ ту.

— Да, конечно, — сказала Анна Михайловна, подавляя вздохъ.

Она не договорила и какъ бы сама не рѣшилась уяснить себѣ причину своей тревоги. Анна Михайловна не только тревожилась о томъ, что сынъ не полюбитъ Дуню, какъ говорила мужу, но и боялась, что все откроется, и сынъ узнаетъ правду. О. Аонасій торопился сговоромъ и свадьбой и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ согласно съ о. Шкифоромъ. Анна Михайловна также говорила, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, хотя и понимала, что этимъ достигается не прочность счастья сына, а только предупрежденіе скандала, если бы правда открылась. Только одно соображеніе успокоивало ее: «Дуня сумѣетъ заставить полюбить себя и покорить лаской Якова». Увѣренность Агнии Каштоновны начала передаваться и Аннѣ Михайловнѣ. Она нѣсколько повеселѣла.

Наканунѣ сговора Крестовоздвиженскій разсказалъ бабункѣ о своемъ посѣщеніи Трудолюбова и о его жизни въ пустынѣ. Бабушка сидѣла въ комнатѣ внука; о. Аонасій уѣхалъ съ требой къ умирающему, Анна Михайловна ушла по дѣлу къ жемѣ церковнаго старосты.

— Вот видишь, Яшенька,—сказала старуха:—прекрасно живетъ человѣкъ... А тѣ, чиновники-то, бѣдствуютъ. И ты хорошо устроишься. Не печалься, соконики, будь веселѣй... Полно... на всякомъ мѣстѣ можно быть человѣкомъ. Кто чего ищетъ... Не бойся ты іерейства, Яшенька...

— Я не боюсь, бабушка, да только... что же я съ сердцемъ подѣлаю?

— Ну, Христось съ тобой... Ты молись, Яшенька... Господь и сниметъ печаль съ сердца. Я понимаю тебя, родной мой... Какъ не обидно... обидно, конечно... А, вотъ, видишь, бабушка твоя и права: ты по себѣ всѣхъ мѣряешь...

Агнія Капитоновна нарочно подчеркивала измѣну Соии: старуха понимала, что эта измѣна тяжела внуку, но она понимала также, что эта боль и вызоветъ другое чувство, которое вытолкнетъ любовь къ Соигѣ изъ сердца и, такъ сказать, очиститъ мѣсто для любви къ Дугѣ.

Агнія Капитоновна еще не кончила начатой фразы, когда въ комнату вошелъ Псалмопѣвецъ.

— Иковъ!—воскликнулъ онъ, не поздоровавшись даже съ Агніей Капитоновной, и остановился посреди комнаты:—что за басню сообщили мнѣ сейчасъ: говорить, что ты идешь въ цоны!.. Быть не можетъ! Я не хочу вѣрить!

Крестовоздвиженскій смутился.

— Вѣрно, батюшка, вѣрно, поздравьте Яшеньку,—проговорила старуха, предупредивъ отвѣтъ внука:—завтра сгѣворы...

— Такъ это правда, а не басня! Тѣфу ты, дьявольщина! Я тутъ хлопочу, изъ сплѣ выбился... лечу сюда... вдругъ...

Онъ не договорилъ, покачалъ головой, глядя на Крестовоздвиженскаго, и произнесъ съ сожалѣнiемъ:

— Эхъ, боець, боець! И, втихомолку, не предупредивъ меня...

— Неофитъ, я тебѣ все объясню,—произнесъ Крестовоздвиженскiй въ волненiи.

— Да скажи, пожалуйста... ты съ ума сошелъ, что ли?—перебилъ Псалмопѣвцевъ.—Съ чего это?

— Да что вы, батюшка, такъ-то?— снова вмѣшалась бабушка:—замѣсто того, чтобы поздравить товарища, вы вдругъ его сумасшедшимъ зовете...

— Эхъ, божья старушка!—сказалъ Псалмопѣвцевъ, садясь на стулъ:—поздравлять-то не съ чѣмъ! И думалъ, что онъ въ люди выйдетъ... а теперь...

— Да нешто священники и не люди... какъ это вы такъ говорите?—промолвила Агнiя Капитоновна обидчиво.—Пастырь Христовъ, и вдругъ...

— Ну, что, бабушка, антимоиn разводите,—перебилъ Псалмопѣвцевъ:—надо говорить прямо: идетъ Яковъ въ мужицкiе захребетники, нахлѣбники... станетъ за ругой ъздить да яйца собирать, съ бабами спорить: «ты, Матрена, сметаны-то чего жалѣешь для отца духовнаго?.. прибавь»... Вотъ вамъ и пастырство!

— Неофитъ... — началъ Крестовоздвиженскiй, но Псалмопѣвцевъ не далъ ему продолжать.

— Ну, что, скажешь — невѣрно? Полно, будь хотя правдивъ-то!

— Не дѣло вы опять говорите,—возразила старуха, приходя въ волненiе:—всякiй отъ своихъ трудовъ питается... вѣдь и доктора, батюшка...

— Эхъ, куда хватили!—воскликнулъ Псалмопѣвцевъ,

не дослушавъ:—ну, да что разсуждать даромъ... Сдѣлано дѣло... и конецъ всему.

Но, какъ бы снохватившись, онъ вдругъ произнесъ другимъ тономъ, обращаясь къ пріятелю:

— Яковъ, да образумься... Еще и сговоровъ не было... Можно все поправить, я денегъ достать... ъдемъ!

— Батюшка, вы это что же... смущать пришли?

Не слушая старухи, Псаломѣвцевъ подошелъ къ Крестовоздвиженскому и повторилъ, кладя ему руку на плечо:

— Встряхнись, Яковъ!.. пока еще не поздно!

— Зачѣмъ? мнѣ теперь все равно!

И, поднимаясь со стула, Крестовоздвиженскій добавилъ:

— Пойдемъ въ огородъ... Я тебѣ все разскажу.

— Вотъ оказія!—произнесъ Псаломѣвцевъ:— все время человекъ стоялъ, стоялъ на своемъ и вдругъ... Чѣмъ тебя подкупили врази твои?—продолжалъ онъ, идя за Яковымъ Леонасьевичемъ.

— Ахъ, безпутный!—прошептала Агнія Капитоновна, глядя вѣдѣ уходившему:—совѣмъ отчаянный! Пришелъ въ домъ священника и что говорить!.. Ну, человекъ!

Пріятеля вышли на дворъ.

— Мнѣ все равно теперь!—повторилъ Крестовоздвиженскій, отворяя калитку въ огородъ:—тамъ все рухнуло!

— Гдѣ—тамъ?

— Да... Сося... она... выходитъ замужъ.

Крестовоздвиженскій все разсказалъ товарищу.

— Вотъ что!.. Значить, дѣвочка не промахъ... Ну, такъ что же: тебѣ, значить, не академія была нужна, а все дѣло въ Сонѣ? Кисляй, кисляй! А я-то повѣрилъ тебѣ, что ты не чувствуешь призванія къ поповству... Возился... А вся цѣна тебѣ грошъ ломаный!

Слова пріятеля съ болію отозвались въ сердцѣ Крестовоздвиженскаго.

— Зачѣмъ ты бранишься, Неофитъ?—сказаль онъ съ горечью.—Вхать въ Петербургъ... да это тяжело: еще ветрѣтяться...

— Такъ что же? умрешь, что ли?—возразиль Неалмопѣвцевъ.—Экая важность!... Не клиномъ сошелся свѣтъ... Было бы чего жалѣть... А то невысокаго качества и Соня твоя... Такое же дрянцо... Только на иной манерь...

Крестовоздвиженскій поблѣднѣлъ.

— Какъ ты говоришь!—промолвилъ онъ.—И вижу, ты серднишься на меня, Неофитъ...

Якову Аонасьевичу было тяжело. Слезы подступали къ горду... Хотѣлось во многомъ открыться пріятелю, но насмѣшливое отношеніе Неалмопѣвцева и еще что-то, непонятное и самому Крестовоздвиженскому, удерживало этого послѣдняго отъ откровенныхъ изліяній и заставляло его замкнуться въ себѣ.

А Неалмопѣвцевъ между тѣмъ продолжалъ:

— Въ поны... И зачѣмъ бурлилъ!.. Ввичался бы давно... Я говорилъ тебѣ, что ты рожденъ для рая... Такъ и вышло... Только юбка Сонина и тянула тебя, а не академія... И умно сдѣлала Сонька, что за фабриканта выходитъ... Изъ Москвы въ Питеръ за ней полетѣлъ и, видно, старался, что тебя забыла. Я напрасно ее выругаль: не одиѣ деньги сманили ее, а просто поняла, что ты кисель, а тотъ съ силой человекъ. Такіе, какъ ты, никому не нужны, кромѣ дурачекъ, въ родѣ Дунни. Ну, и грезите орѣхи, и милуйтесь... Чортъ съ вами!

Неалмопѣвцевъ не щадилъ пріятеля. Онъ былъ возмущенъ, озлобленъ и «вымещаль сердце» на Крестовоздвиженскомъ. Яковъ Аонасьевичъ молчалъ и только то

красивѣль, то блѣднѣль. Онъ въ душѣ признавалъ справедливимъ гнѣвъ Псалмопѣвцева, и когда этотъ кончилъ, то онъ не въ оправданіе, а въ видѣ мольбы произнесъ снова:

— Неофитъ, не сердись, Бога ради... Миѣ и такъ тяжело.

Въ его голосѣ слышались слезы.

Псалмопѣвецъ былъ горячъ, порывистъ, неразборчивъ на слова, но не злой въ душѣ. Ему стало жалко пріятеля, и онъ, опускаясь на скамейку, стоявшую вблизи бесѣдки, произнесъ уже мягче:

— Что ты капонить-то задумалъ! Да я оттого тебя и ругаю, что еще люблю дурака этакого! Тебя жаль. Въдѣ ты замуравить себя заживо хочешь. Ну, что за жизнь: кресты да отгѣвай — экое веселіе! Облѣнишься, огрубѣешь, въ такого же пона, какъ отецъ, превратишься, а то, пожалуй, хуже. Повезешь потомъ сына въ семинарію и тоже будешь въ поны тащить.

— Ивѣтъ, онъ будетъ учиться въ гимназій.

— Кто?

— Сынъ мой.

— Ахъ, ты, чучело! — уже засмѣявшись, сказалъ Псалмопѣвецъ: — въ гимназій!... Да ты еще женись, да вырасти... Можетъ-быть, и сына не будетъ.

— Ты же говоришь...

— Я говорю! Ты говоришь! А тамъ, братъ, жизнь будетъ говорить!... А ты рѣзать погоди... Эхъ, Янка, Янка! Напрасно я тебѣ повѣрилъ. Забылъ, изъ какого ты тѣста сдѣланъ...

Онъ поднялся.

— Ну, прощай, понове! Миръ вамъ да совѣтъ и двѣ дюжины ребятъ!

— Погоди, Неофитъ... Вѣдь ты скоро уѣзжаешь...

— Завтра же! И такъ изъ-за тебя столько времени потерять—гляди, срокъ пропущу.

Онъ протянулъ руку.

— Некогда мнѣ... Ну, черезъ годъ свидимся, можетъ-быть... А околѣю, отслужу панихиду по безшабашномъ рабѣ Божьему Неофитѣ.

Крестовоздвиженскій крѣпко пожалъ протянутую руку; ему было тяжело и тоскливо разставаться съ пріятелемъ... «Вотъ вмѣстѣ бы ѣхали... А теперь»...

— Кланяйся Сонѣ, что ли?—спросилъ Псалмопѣвецъ, прерывая его думы.

— Ты развѣ будешь у нея?

— Съ какой стати! А такъ... встрѣтимся, можетъ... Я ее узнаю... Слушай, Яковъ: хочешь, такъ и быть, я схожу къ ней отъ тебя? Предлогъ найду, не бойся... А то, ищи сейчасъ письмо...

— Зачѣмъ же?

— А пусть все объяснитъ... Интересно посмотрѣть на нее...

Крестовоздвиженскій подумать и произнесъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Уже все кончено... А если встрѣтись... кланяйся ей... скажи, что я ей желаю... счастья... Да ты ее едва ли застанешь въ Петербургѣ... Она, вѣроятно, уѣдетъ скоро съ мужемъ въ Казань.

— Ну, какъ знаешь!.. Песи хомуть! Да смотри, не давай Дуныкѣ осѣдлать себя... Она, хотя и дурочка, а вожжи забрать сумѣетъ...

Онъ засмѣялся, Крестовоздвиженскій принужденно улыбнулся.

— Ну, прощай!—повторилъ Псалмопѣвецъ.—Какъ

ни какъ, хотя ты меня и надулъ, а все жъ друзья... Давай, простимся по-пріятельски.

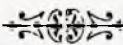
Они расцѣловались.

— Жаль мнѣ тебя, Яша!—искренно произнесъ Псалмопѣвецъ и добавилъ, какъ бы не имѣя силъ примириться съ совершившимся:

— Не вѣрится, просто! Давно ли разсуждали съ тобой... Я мчался сюда, радуясь, что досталъ денегъ... И вдругъ—какой сюрпризъ! Эхъ!

Онъ энергично махнулъ рукой и пошелъ изъ огорода. На дворѣ у забора была привязана гнѣдая малорослая лошаденка. Псалмопѣвецъ вскочилъ на нее, кивнулъ головой и, не удержавшись, крикнулъ:

— Ну, благослови, отче!

XXX.

Время отъ сговоровъ до свадьбы обыкновенно самое веселое для жениха и невесты. Если они влюблены другъ въ друга, то стараются воспользоваться полнѣе долей свободы, какаѧ допускается для помолвленныхъ. Положимъ, въ духовной средѣ, гдѣ чаще всего женятся по расчету, берутъ не невесту, а мѣсто, о позѣн брачной жизни заботятся мало. Все-таки, если невеста недурна, то женихъ не остается къ ней равнодушнымъ, хотя бы и не былъ влюбленъ въ нее. Близость красивой дѣвушки невольно наэлектризовываетъ его и пробу-

ждаетъ въ его сердцѣ ту страсть, которая одна только и придастъ праздничный характеръ обиденной и прозаической жизни большинства людей.

Дуня была недурна, Иковъ Аванасьевичъ влюбчивъ. Будь его сердце свободно, онъ, навѣрное, скоро увлекся бы и почувствовалъ ту радость, какую приносить однимъ своимъ присутствіемъ хорошенькая дѣвушка. А если эта дѣвушка еще и любитъ васъ, то радости легко перейти въ то чувство, которое дѣлаетъ человѣка счастливымъ и молодымъ даже въ зрѣлые годы.

Дуня любила Крестовоздвиженскаго, сама, по выраженію Анны Михайловны, «ластилась» къ жениху, и если онъ не поддавался всецѣло ошьяняющей страсти, то потому только, что его сердце жило еще любовью къ Сонѣ. Если люди подолгу не могутъ выкинуть изъ сердца «трупъ» старой любви, то какъ же могъ Крестовоздвиженскій сразу освободиться отъ любви, когда она была жива, сильна, и ею еще трепетало его раненое сердце.

У молодого человѣка не было злобы противъ Дунни, онъ отдавалъ ей должное: ему нравилась ея чистота, доброта, онъ невольно любовался ея свѣжимъ личикомъ, его заражалъ ея здоровый смѣхъ, трогало ея чувство къ нему, ему было жаль ея—и онъ сознавалъ свою вину передъ нею. Въ самомъ дѣлѣ: она отдастъ ему свою первую любовь, свое чистое сердце... А онъ? Что дастъ онъ ей? Онъ ея не любитъ, онъ любитъ другую и не можетъ забыть ея. Онъ лжетъ... Ему было не только совѣстно, но и страшно за будущее. Не лучше ли отказаться, чѣмъ бы ни вышло изъ этого? Это честиѣе.

Онъ тосковалъ, томился... Въ день сговора онъ былъ самъ не свой. Точно его не обручали, а забивали въ кандалы. Его преслѣдовала одна мысль: «надо ей все

сказать, пусть знаетъ...» За ужипомъ онъ немного оживился, даже развеселился: разгорѣвшаяся, хорошенькая Дуня задѣла его, и онъ почувствовалъ сладость отъ ея близости, она потянула его къ себѣ... Но это было еще не то чувство, которое вызвала у него Соня. И настроеніе, охватившее молодого человѣка, было непродолжительно... Опять пробудилась глухая старая боль. А та же мысль и еще настойчивѣе билась въ мозгу: «скажи ей всю правду, это надо... иначе нечестно». Но у него теперь не хватило рѣшимости, да и мѣшали гости. «Все равно, на-дняхъ ей скажу, до свадьбы».

Онъ равнодушно слушалъ все разговоры о предстоящей брачной жизни, а когда зашла рѣчь о росписи, и обратились къ нему, онъ точно испугался и воскликнулъ въ смущеніи:

— Все равно... дѣло не въ этомъ...

Онъ неясно выразилъ свою мысль, не договорилъ даже фразы, и Анна Михайловна постаралась перетолковать ее въ пріятномъ смыслѣ для родныхъ невѣсты:

— Ну, конечно,—сказала понадеясь съ улыбкой:— когда люба невѣста,—не въ приданомъ дѣло.

И добавила, обращаясь къ теткѣ Дуни:

— Вотъ она молодость-то, Анюса Леонтьевна! Ну, а мы поостыли и можемъ спокойно говорить о такихъ вещахъ.

И она «спокойно» заговорила, какъ женщина, которая своего не упуститъ, хотя, конечно, дѣло не въ приданомъ, а въ невѣстѣ. Впрочемъ, спора и не предстояло. «Дуни одна у насъ... все ей... другому и некому, развѣ что немножко племянникамъ»,—заявила Анюса Леонтьевна.

Мкову Лоанасевичу не легко было объясняться съ Дуней. Онъ считалъ себя обязаннымъ открыться, тайна

мучила его, но не хватало рѣшимости, да и каждый разъ, какъ только онъ пристуналъ къ объясненію, кто-нибудь мѣшалъ ему.

А время шло. До свадьбы осталось всего нѣсколько дней. Дальше откладывать было нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ не часто ѣздилъ къ невѣстѣ. И вотъ онъ рѣшился объяснить во что бы то ни стало. Онъ поѣхалъ къ Осокинымъ верхомъ, послѣ обѣда. Ему сегодня посчастливилось, — онъ засталъ невѣсту одну: о. Никифоръ спалъ, а тетка ушла къ дьяконницѣ. Не было никого и изъ дѣвушекъ—подругъ Дунн. Невѣста выбѣжала навстрѣчу и ласково промолвила:

— Вотъ панька, что прѣхали... хвало!

Она едѣла движеніе, какъ бы вызывая жениха на поцѣлуй. Но онъ только пожалъ руку невѣстѣ и смущенно произнесъ:

— Авдотья Никифоровна, пойдете въ садъ... мнѣ надо вамъ сказать очень важное.

Онъ смотрѣлъ въ сторону, избѣгая взглядовъ дѣвушки.

— Пойдемъ,—согласилась она:—но что такое?

Въ ея словахъ слышалась тревога.

— Вы не письмо ли изъ Питера получили?—спросила она, когда они спускались съ террасы.

— Письмо? отъ кого?—спросилъ, въ свою очередь, Крестовоздвиженскій, быстро поднимая голову.

— Отъ кого-нибудь... я вѣдь все знаю,—добавила она:—молчала только... а вы скрытый... ахъ, какой скрытый!..

— Я скрытый? Нѣтъ, Авдотья Никифоровна... Я не скрытый... Я нарочно и прѣхалъ, чтобы все объяснить... Но если вы знаете... что же вы знаете?

— Знаю все!—повторила Дуня:—а вы что хотѣли объяснить? Ну, говорите.

Крестовоздвиженскій обрадовался намекамъ Дуни и ждалъ, что она сама скажетъ ему то, что ему было такъ трудно передать. Тогда бы онъ только подтвердилъ. Но невѣста не сказала и задала вопросъ. Яковъ Аонасеевичъ не былъ увѣренъ, что Дуня знаетъ именно то, что онъ хотѣлъ ей открыть. Можетъ-быть, она имѣетъ въ виду что-нибудь другое.

Онъ въ молчаніи сдѣлалъ еще шага три и произнесъ:

— Вы упомянули о письмѣ... Отъ кого же оно могло быть, по вашему мнѣнію? отъ Псаломѣвцева?

— Нѣтъ.

— Отъ кого же еще?

Онъ пытливо глядѣлъ на нее.

— Можетъ-быть, вы писали той,—сказала Дуня.

— Кому—той?

Голосъ Крестовоздвиженскаго дрогнулъ.

— Той, въ которую вы были влюблены... какъ ее... Соной, что ли, зовутъ?

— Такъ вы это знали?.. знаете?..—съ удивленіемъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— А вы думали—нѣтъ!

— И... и что же?

— Да ничего.

Дѣвушка засмѣялась.

— Вы смѣетесь? — съ еще большимъ удивленіемъ произнесъ Яковъ Аонасеевичъ.

— А что же—плакать?.. О чемъ это?.. Вѣдь то было... не на ней, а на мнѣ женитесь... о чемъ же мнѣ плакать?

Крестовоздвиженскій все болѣе и болѣе пзумлялся. Онъ никакъ не ожидалъ услышать то, что слышалъ. Онъ

такъ стѣснялся... боялся поразить, обидѣть невѣсту, и вотъ, она говоритъ такъ просто, даже смѣется, словно въ «тайнѣ» и нѣтъ ничего особеннаго.

— Развѣ васъ это не тревожить, не обижаетъ?—промолвилъ онъ.

— А что такое? почему тревожиться? Тети всегда говорятъ: «что до свадьбы, это пустяки... не было бы только чего послѣ...» Это вѣрно.

— Ну... я... не такъ...—произнесъ женихъ, пожимая плечами:—если бы вы, напримѣръ, сообщили мнѣ...

— Ну, это дѣло другое!—искренно вырвалось у Дуни.

— Почему?

— Вы—мужчина... Тетя тоже говоритъ: «къ дѣвушкамъ всякая пыллка льнетъ... а мужчинамъ—что...»

Она твердо и беззавѣтно исповѣдывала обиходный катехизисъ толпы. Крестовоздвиженскій и самъ почти такъ же смотрѣлъ на «права» мужчины, ибо «быль—молодцу не укоръ». Но онъ все-таки не могъ понять, какъ можно не чувствовать обиды, какъ можно встрѣчать равнодушно «такое извѣстiе». Онъ промолвилъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою:

— Все-таки... развѣ не обидно это?

— Да какая же обида?—возразила Дуня.—Вы были влюблены, а теперь нѣтъ.

— Да почему вы это знаете?—воскликнулъ Крестовоздвиженскій не то съ болью, не то съ досадою.

— Развѣ вы... еще все влюблены?—какъ бы не вѣря, спросила невѣста.

— А если да... что тогда?..

По мнѣнiю Якова Аонасьевича, эти слова должны были поразить дѣвушку. Но она, помолчавъ, проговорила:

— Неужели она такъ хороша?

— Позвольте!.. но... какъ же вы пойдете за меня?

— Это же у васъ все пройдетъ!.. Не можете вы ее вѣчно любить. Когда Коносовъ женился на Настенькѣ Тихомировой, онъ страсть какъ былъ вторившись въ Катеньку Румянцеву... А теперь души въ женѣ не часть... И всегда такъ бываетъ... То—такъ... мало-ли кто правится... А тутъ—законная жена.

Крестовоздвиженскій былъ разбитъ и обезоруженъ. Онъ не зналъ, что и отвѣтить Дуни.

— А развѣ я вамъ противна?—вдругъ спросила она.

Жениху стало неловко отъ этого вопроса. И этотъ вопросъ, противъ желанія Дуни, которая не рассчитывала на его силу, произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе на жениха, заставивъ его обратить безпристрастное вниманіе на дѣвушку.

— Что вы еще выдумаете!—воскликнулъ Крестовоздвиженскій искренно.—Развѣ вы уродъ!..

— Да?—обрадовавшись, сказала Дуня.—Я немногимъ хуже... Сони?

Она сказала это такъ мило, что молодой человѣкъ невольно восхитился ея наивностью, и съ той же искренностью отвѣтилъ ей:

— Вы очень хорошенькая, Авдотья Пиклифорова!

— Вы это находите? Ну, такъ вы меня полюбите и забудете Сону. Да иначе и быть не можетъ... Тетя права...

— Въ чемъ?

— Она говоритъ, что горячая любовь всегда вызываетъ любовь.

— А развѣ вы меня горячо любите?

Краска залила щеки молодого человѣка.

— А развѣ вы не видите?—сказала Дуня.—Иначе,

зачѣмъ я ждала бы такъ долго, пока васъ уламывали... Я все знала... Тетя не разъ говорила мнѣ: «жениховъ много, Дуняша... выходи за другого»... Но я сказала, что не пойду... Я была увѣрена, что все случится такъ...

— Почему же вы были увѣрены?

— Не знаю почему... такъ... была увѣрена, и все тутъ... сердце говорило мнѣ...

Крестовоздвиженскій посмотрѣлъ на Дуню, и ему вспомнились слова бабушки: «Она стоитъ любви»... Да, это вѣрно... она славная... И онъ радъ былъ бы полюбить. О, какъ все хорошо сложилось бы тогда! Никакой муки, никакой тоски... «Все такъ и будетъ»... Онъ желалъ этого, потому что иначе какая же ему предстать жизнь? Онъ желалъ, но не вѣрилъ, что можетъ такъ случиться. Ему казалось, что этого никогда не случится, потому что онъ никогда не забудетъ Соню, никогда не затихнетъ боль сердца.

Онъ тяжело вздохнулъ и произнесъ:

— Ну, Авдотья Шенфорова... Я все сказалъ вамъ... Не вините меня.

— И не буду... да и не придется...

Непоколебимая увѣренность слышалась въ ея отвѣтѣ. Женихъ протянулъ руку.

— Ну, до свиданья.

— Какъ? Вы ѣзжаете? Только за этимъ и приѣзжали?—воскликнула Дуня.

— Да, за этимъ... Мнѣ кажется, стоило ѣхать!—съ отбѣнкомъ досады сказалъ онъ.

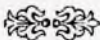
— Ну, вотъ! Оставайтесь! Скоро соберутся подружки... будутъ иѣтъ иѣни...

— Нѣтъ, не могу... Мой поклонъ батюшкѣ... Анонсѣ Леонтьевѣ...

Онъ повернулся и быстро пошелъ изъ сада.

— А вотъ за это вы бяка, а не панька!—крикнула ему вслѣдъ Дуня.

Она надула губки, но въ голосѣ ея прозвучалъ смѣхъ.

XXXI.

Вдуть, вдуть! — закричала дѣвочка, стоявшая на крыльцѣ дома.

Анонса Леоптьевна, уставившая въ залѣ приборы на свадебномъ столѣ, услышала это и кинулась въ сосѣдную комнату.

— Анна Михайловна! пожалуйста скорѣе, молодые вдуть отъ вѣнца!

Июндья засуетилась.

— Гдѣ же хмель-то? Хмель гдѣ?

— Здѣсь, здѣсь!... Маша, бери лукошко, и неси за матушкой.

Анна Михайловна посиѣнила на крыльцо, за ней слѣдовала дѣвочка съ лукошкомъ, наполненнымъ хмелемъ.

Молодые уже вышли изъ тарантаса и подходили къ крыльцу.

Оживленная, счастливая Дуня сегодня была особенно хороша. Она шла, какъ побѣдительница, съ улыбкой отвѣчая на поклоны и привѣтствія жепицниъ и дѣвицъ, толпившихся на дворѣ и на улицѣ.

Дуня была одѣта въ бѣлое кисейное платье съ двумя широкими воланами на юбкѣ и съ широкими же рукавами, обшитыми кружевомъ. Талию перетягивала бѣлая атласная лента, завязанная сзади пышнымъ бантомъ. Широкая воздушная одежда красиво волновалась на молодой женщиной, поминутно измѣняя форму и обозначая волнистыя линіи полнаго здороваго тѣла. На матовомъ фонѣ кисей атласъ кунака отливалъ серебромъ. Пышныя буллы волосъ сдерживала толстая фата, прикрѣпленная къ вѣничку изъ флеръ-д'оранжа, необыкновенно неднаго къ свѣжему личику Дуня.

Яковъ Аѳанасьевичъ сегодня много проигрывать передъ нею. Новый сюртукъ сидѣлъ на немъ нѣсколько мѣнковаго; волосы, слишкомъ напомаженные, сдѣлали прическу прилизанной, которая не шла къ нему. Онъ имѣлъ растерянный видъ человѣка, совершившаго такое дѣло, которое не допустимо, по его мнѣнію, но на которое онъ согласился, лишь, по слабости воли. Казалось, не онъ вель Дуню подъ руку, а она его, онъ же только покорялся ей и шелъ туда, куда она хотѣла.

Яковъ Аѳанасьевичъ началъ волноваться съ самаго утра, а когда онъ сѣлся въ тарантасъ, чтобы ѣхать къ вѣнцу, его била лихорадка. Потомъ она прошла, и Крестовоздвиженскій впалъ въ угнетенное состояніе. Слово камнемъ придавило ему сердце, и невыразимая тоска охватила его.

— Что съ тобой, Яша?—заботливо спросилъ его казенно-палатскій чиновникъ Титовъ, бывшій товарищъ его по семинаріи, приглашенный въ наѣра.

— Скверно, Вася... точно что-нибудь ужасное ждетъ меня... такая тоска, хоть... въ петлю...

— Полно, что ты!—испуганно возразилъ пріятель:—не

волнуйся... успокойся... Чего тамъ ужаснаго!.. Невѣста хорошенькая, мѣсто чудное... заживете на славу... Брось думать объ академіи... Экъ, тебя какъ Псалмопѣвецъ-то настроилъ... Ну, не время грустить... Погрустили и будетъ... Теперь надо радоваться.

Однако, уговоры шафера не дѣйствовали на Крестовоздвиженскаго. Всею дорогу онъ сидѣлъ убитый, тяжело вздыхать и хватался за сердце.

— Да ты здоровъ ли?— спросилъ Титовъ, когда они уже подъѣзжали къ церкви.

— Здоровъ... Это не отъ болѣзни,—неохотно отозвался женихъ.

Титовъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

Въ церкви, въ ожиданіи невѣсты, Яковъ Аванасьевичъ еще болѣе поддался тоскѣ. У него явилась даже мысль убѣжать и скрыться. Онъ понималъ всю нелѣпность этой мысли, но она такъ овладѣла имъ, что ему пришлось употребить всю силу воли, чтобы устоять противъ искушенія. Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ описаніе смертной казни какого-то преступника. Кругомъ люди, но онъ—одинъ. Вотъ сейчасъ придетъ палачъ—спасенія нѣтъ. Нѣчто подобное онъ испытывалъ теперь. Положимъ, стоитъ только сказать: «обѣщался»—и священникъ вѣнчать не станетъ. Но это невозможно... Мысли быстро мѣнялись... Вотъ плачетъ бабушка; плачетъ и говоритъ: «Мама, родной мой... это я отъ радости»... Благословляютъ родители и тоже плачутъ. Они-то отчего?.. Вѣдь они желали. И ему хочется плакать, но слезъ нѣтъ... Словно камнемъ придавило сердце, а слезъ нѣтъ.

— Невѣста пріѣхала! Яковъ Аванасьевичъ, идите встрѣчать невѣсту!

Чудный осенній день, точно лѣтній. Яковъ Аванасьевичъ

вичь выходитъ на палерть. Невѣста вся въ блѣдомъ. «Настоящій цвѣтокъ!» долетаетъ до слуха жениха что-то замѣчаніе. Онъ взглядываетъ на Дуно. Бѣлый парадъ придавалъ ей видъ трогательной невинности. Онъ невольно засмотрѣлся на нее.

— Дайте руку невестѣ!—шепчетъ шаферъ.

Онъ, наконецъ, понявъ и въ смущеніи взять за руку Дуно.

— Гряди, голубица!—загѣли на клиросѣ.

Яковъ Аонасьевичъ опять взглянулъ на невесту. Она была прелестна. Не красота дѣлала ее такою, а то настроеніе, которое отражалось въ лицѣ. Что-то внутреннее придавало ей виѣшнюю прелесть. Крестовоздвиженскій вдругъ вспомнилъ лекціи по Римской исторіи. «Весталка!» Да, вѣроятно, такой видъ имѣли весталки.

Что-то усноконтельное и радостное проникло въ его сердце. Тоска стихала. Онъ держалъ руку невесты; рука была мягкая, горячая.

Обрядъ уже начался. Вотъ о. Вуколь, священникъ ближайшаго села, спрашиваетъ жениха:

— Не обѣщались ли кому?

Онъ слышалъ этотъ вопросъ, но вдругъ его мысль унеслась далеко, и онъ ничего не отвѣтилъ священнику. Онъ думалъ о Софѣ: да, и ей тамъ приходилось отвѣчать на такой же вопросъ... Неужели она твердо и спокойно сказала: «нѣтъ»? И сейчасъ же другая мысль: а что если я скажу?..

О. Вуколь ждалъ отвѣта. Онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха. Смущеніе и тревога изобразились на лицѣ Дуни. Шопотъ пронесся по церкви. Одна изъ свахъ улыбнулась.

Къ Якову Аонасьевичу поклонился кто-то и шепнулъ:

— Отвѣчайте же: «нѣтъ»!

Онъ смутился и ниспѣнно, громче, чѣмъ нужно, воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!

Въ толпѣ зрителей, собравшихся на вѣчанье, раздался тихій смѣхъ.

Пезѣста, не поднимая головы, отвѣтила:

— Нѣтъ.

И вотъ опять тоска, стихнувшая на минуту, охватила жениха. Онъ не слышалъ того, что пѣли и читали. Какъ въ полуснѣ, обошелъ онъ вокругъ аналоя и очнулся только тогда, когда ему пришлось при всѣхъ поцѣловать жену. Дуня просто, спокойно поцѣловала мужа, и не могла удержаться отъ легкой улыбки при видѣ его смущенія. Начались поздравленія. Яковъ Аонасьевичъ жаль руки, цѣловался, благодарилъ. Но все это онъ дѣлалъ машинально, какъ заведенный манекенъ. Также безучастно отнесся онъ къ поцѣлюю и поздравленіямъ своей любимицы Осклуни.

— Ну, нашъ молодой не походить на счастливаго повобрачнаго,—сказалъ Первунинъ, бухгалтеръ водочнаго завода, обращаясь къ Титову.

Да, онъ походить скорѣе на плѣнника, котораго побѣдно вела за собою Дуня. Съ видомъ этого плѣнника Яковъ Аонасьевичъ приближался теперь къ крыльцу, на которомъ стояла Анна Михайловна.

Онъ отвѣчалъ на поклоны толпы какъ-то холодно, точно стѣбаясь своего положенія.

Едва молодые вступили на крыльцо, какъ Анна Михайловна, взявъ горсть хмеля, осыпала ихъ обонхъ.

Дуня весело засмѣялась и тряхнула головой, съ которой посыпался хмель. Яковъ Аонасьевичъ, какъ бы

озадаченный, остановился на мгновение, но Дуня увлекла его впередъ. Онъ шель съ хмелемъ на плечахъ и въ волосахъ.

Когда они поднялись на крыльцо, Анна Михайловна поцѣловала сына и потомъ певѣтку, которая ей поклонилась чуть не до земли. Анна Михайловна что-то проговорила и заплакала. Но это были счастливыя, радостныя слезы.

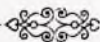
Въ дверяхъ зала встрѣтили молодыхъ о. Аонасій и о. Шлифоръ.

Дуня у обоихъ поцѣловала руки и поклонилась свекору такъ же низко, какъ и Аннѣ Михайловнѣ. Яковъ Аонасевичъ поцѣловался съ обоими «отцами». Старикъ Крестовоздвиженскій промолвилъ довольнымъ тономъ:

— Ну, вотъ, и слава Богу, Яковъ! Теперь ты на истинной дорогѣ... Господь да устроитъ вашу жизнь!

За порогомъ комнаты ждала Анонса Леонтьевна. Она обняла Дуню и крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Благослови тебя, Господи! — въ волненіи прошептала она.

XXXII.

Свадебный столъ былъ простой, но обильный и сытный, «на славу», какъ говорятъ въ деревнѣ: и кушаній и всякаго штія вдоволь.

— Однако ширь-то въ конесчку вскочить о. Шлифору! — замѣтилъ лавочникъ, обращаясь къ сосѣду дьякону.

— Го!.. одна дочка-то! — отвѣтилъ дьяконъ, наливая себѣ мадеры.

Опъ отхлебнулъ и добавилъ, улыбаясь:

— А мадера того... горьковата... Яковъ Аонасьевичъ! мадерца-то съ горечью, какъ будто.

— Горько, горько! — подхватили и другіе гости слова дьякона.

Оеклуша смѣялась и тоже кричала: горько!

Молодымъ пришлось «подслащать».

Обѣдъ подходилъ уже къ концу. Разговоры не смолкали ни на минуту. Общее оживленіе росло все болѣе и болѣе. Оживился и повеселѣлъ также и Яковъ Аонасьевичъ: выпитое вино произвело на него свое дѣйствіе. Не пить сегодня было нельзя.

— Шалнишь, шалнишь, — кричалъ Титовъ, скоро пришедшій въ самое игривое настроеніе: — ужъ сегодня напоимъ тебя пьянымъ! Сегодня должно!

— Вѣрно! — поддержалъ мафера дьяконъ. — Сегодня смиренномудріе, терпѣніе и прочія добродѣтели по боку! Помню я свадьбу Спземскаго: до положенія ризъ напоили... Дьячка за молодуху принялъ и цѣловать началъ... умора... ха, ха, ха!

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного, — вмѣшалась въ разговоръ Анна Михайловна. — Одно безобразіе только!.. И какаѣ же пріятности жешъ!

— Ну, молодая свое наверстаетъ! — сказала дьяконъ и захохоталъ.

Засмѣялись и нѣкоторые изъ гостей.

Анна Михайловна опять хотѣла что-то возразить дьякону, но о. Аонасіій остановилъ ее.

— Брось, мать, его не убѣдишь... видишь, опъ на какомъ взводѣ!.. Она самъ знаетъ!

Онъ знаетъ, но лишь довольно охотно. Первые двѣ-три рюмки какого-то вина пріятно отуманили его, гнетущія мысли сразу куда-то уплыли,—онъ повеселѣлъ. Сначала онъ смущенно, краснѣя, «подслащивалъ» вино по требованію гостей, по потомъ, постѣ «хересовъ и мадеръ», онъ уже, развязно смѣясь, цѣловалъ Дуню при всякомъ восклицаніи «горько!» Послѣ вышитаго шампанскаго онъ еще болѣе оживился, началъ шутить и на чье-то замѣчаніе отвѣтилъ такъ находчиво, что вызвалъ одобреніе дьякона и счастливую улыбку жены. Осклуна часто кидала взгляды на брата, полные ласки и довольства тѣмъ, что ея Якушь веселъ.

— Вотъ и отлично!—воскликнулъ Титовъ, обрадованный переменою въ женихѣ:—а то хмурый, словно туча... И съ чего?.. Счастливирикъ ты, братъ!.. Если бы у меня такая жена... да я бы...

— Пьемъ за твою будущую жену!—подхватилъ дьяконъ и, пользуясь предложеньемъ, наполнилъ себѣ полный стаканъ вина.

Раздался смѣхъ. Засмѣялись и молодые.

— Ну, вотъ, Анюса Леоптьевна, все наладилось, какъ слѣдуетъ, и Яковъ веселъ,—сказала Анна Михайловна подошедшей старухѣ.

— Слава Богу,—отвѣтила та, перекрестившись:—а то какъ пріѣхали отъ вѣнца, у меня и сердце упало... вотъ тебѣ, думаю, и молодой!.. Словно его въ неволю тащить!

— Ахъ, голубушка, ужъ больно ему въ академію-то медицинскую хотѣлось... надо по правдѣ признаться... Смutilъ его Псалмонѣвцевъ.

— Ну, родная моя, дѣло прошлое, что поминать... а тутъ только не въ одномъ Псалмонѣвцевѣ сила,—много-

значительно подмигнувъ, произнесла старуха и отошла отъ сваты.

Анна Михайловна проводила ее долгимъ взглядомъ и подумала: «да ты, матунка, хоть проста, а тоже яднику умѣешь поддустить!»

— Евдокія Никифоровна! Зачѣмъ вы пошли за Якова? Лучше бы за меня... Я люблю васъ пламенно!—раздался снова голосъ сильно подкутившаго Титова.

Гости засмѣялись.

А Титовъ продолжалъ:

— Евдокія Никифоровна! разводитесь! Пусть онъ ѣдетъ въ медики!

— Ну, ужъ ты, братъ, того... переборнилъ!—перебилъ его дяконъ.

— Почему?

— А потому... Язычокъ твой все о пороги задръбасть... ха, ха, ха!.. Вышей-ка лучше водицы.

Титовъ хотѣлъ возразить, но ему не дали. Начали вставать изъ-за стола. Кто-то взялъ Титова подъ руку и вывелъ изъ зала. Дуня отправилась въ свою комнату, которая отнынѣ становилась спальней молодыхъ.

Яковъ Аонасьевичъ вышелъ на террасу. Въ его головѣ шумѣло. Бодрящій воздухъ пріятно освѣжалъ ему лицо, которое пылало. Онъ распахнулъ сюртукъ и опустился на скамейку.

Къ нему подошелъ инъсмоводитель становаго, дальній родственникъ Псалмопѣвцева.

— И свадьба же... все по-хорошему! — произнесъ онъ, сядясь рядомъ съ Яковымъ Аонасьевичемъ.—Я гляжу на васъ и дивлюсь: откуда прыть! Ну, что же, привыкать надо.

— Къ чему?—спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Къ разнымъ питіямъ, или, какъ выражается о. діаконъ, «къ хересамъ и мадерамъ».

— Я не буду пить... это только сегодня.

— А тогда васъ не будутъ любить. Батюшку угощаютъ, а онъ не хочетъ... какъ можно!

Крестовоздвиженскій дромолчалъ.

— Да...а...—протянулъ письмоводитель, не получивъ отвѣта.—Ну, и денекъ же: точно лѣто!.. Вы устали?

— Пить... а что?

— Пройдемтесь по саду, пока, до танцевъ...

Крестовоздвиженскій всталъ.

— А что... не пишеть вамъ ничего Неофитъ?—спросилъ онъ, когда они уже шли по дорожкѣ, которая вела къ бесѣдкѣ въ самомъ концѣ сада.

— Неофитъ?.. Ахъ, батюшки!.. Да вѣдь я предъ вами виноватъ!—воскликнулъ письмоводитель, ударяя себя по лбу.—Вамъ письмо отъ него есть... Я еще третьяго дня получилъ... да думаю, что же пересылать, гонять человека... На свадьбѣ и отдамъ.

— Оно съ вами, значитъ?—порывисто спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Какъ же! Чуть было не забыть дома... Уже садясь въ тарантаю, вспомнилъ... взялъ и сунулъ въ пальто... Я потомъ, какъ вернемся...

— Пить, вы лучше сейчасъ принесите... Я подожду васъ въ бесѣдкѣ,—перебилъ Крестовоздвиженскій, волнуясь.

— Можно!—согласился письмоводитель.

И онъ отправился за письмомъ торопливой, не совсѣмъ твердой походкой.

Крестовоздвиженскій дожель до бесѣдки и опустился на диванъ. Душевное настроеніе его вдругъ измѣнилось.

Еще ничего особеннаго онъ не узналъ, а уже веселость исчезла, какъ птичка, спугнутая легкимъ шорохомъ. Когда писмоводитель упомянулъ о письмѣ, что-то кольнуло въ сердце Крестовоздвиженскаго, и онъ рѣшилъ, что Теофитъ пишетъ по порученію Соии, или, во всякомъ случаѣ, послѣ свиданія съ нею. У него не было основаній для такого предположенія, и все-таки онъ рѣшилъ, что это именно такъ.

По ближней дорожкѣ прошла компанія молодежи съ веселыми шутками и смѣхомъ.

Вернулся писмоводитель.

— Ну, вотъ вамъ и посланіе!

Задумавшійся Яковъ Леонасьевичъ вздрогнулъ. Писмоводитель подаль ему конвертъ. Онъ молча разорвалъ конвертъ, но, вмѣсто ожидаемаго письма, онъ нашелъ новый конвертъ, болѣе маленькій, на которомъ стояло только: «М. А. Кр—му». Почеркъ женскій, довольно красивый. Онъ не зналъ почерка Соии, но онъ не сомнѣвался, что писала она. Кровь бросилась ему въ голову, и сердце забилось, какъ пойманная птичка. Она пишетъ... Что это значить? Почему не прямо ему? и почему черезъ Исалмонѣвцева? Эти мысли съ быстротою молнии пронеслись у него въ мозгу, прежде чѣмъ онъ успѣлъ разорвать второй конвертъ. Не читая письма, Крестовоздвиженскій перевернулъ листокъ синей почтовой бумаги и посмотрѣлъ на подпись. Тамъ стояло: «всегда помнящая С.»; эта подпись не рѣшила вопроса, вышла Соия замужъ, или еще нѣтъ.

— Ну, вы читайте, а я пойду пить квасъ,—сказалъ писмоводитель и, сощуривъ глаза, добавилъ въ видѣ поясненія:—отъ этихъ «хересовъ» что-то подъ ложечкой скверно.

Яковъ Леонасьевичъ уже ничего не слышать. Онъ читалъ письмо, первыя же строки котораго словно обожгли его: «Я пишу вамъ, хотя уже ничего нельзя поправить: я — замужемъ, а вы, вѣроятно, обвѣчаны. И все-таки пишу... Я не могу допустить, чтобы вы считали меня виноватой... Это ужасно, ужасно!.. Я не могу понять, какъ это случилось... Вы не получили отъ меня письма на свое, я не получила вашей денешни. Что вы не получили, я это вижу изъ словъ вашего пріятели, съ которымъ случайно встрѣтилась на Невскомъ. Онъ остановилъ меня. Вѣрьте, что я не получала денешни. Я мучилась, не получая отвѣта, вся изстрадалась. И вдругъ мама получила письмо отъ тѣти; та сообщаетъ, что вы помолвлены, что уже назначена ваша свадьба. Я не хотѣла вѣрить, я не могла допустить... Но ваше молчаніе подтверждало все. А тѣтя писала еще: «такъ и должно было случиться, Яковъ Леонасьевичъ не могъ пойти противъ воли родителей». Это возмущало меня. Я не вѣрила все-таки... Но отъ васъ—ни слова. Значить, не устоять и стыдиться писать... Ну, что же!.. Я могла написать вамъ еще, но зачѣмъ? упрекать? бесполезно!.. Умолять о любви?.. Нѣтъ, на это я неспособна... Клянусь, я любила васъ, и... не буду скрывать,—я и теперь еще люблю васъ, но вымаливать... Нѣтъ, нѣтъ!.. Лучше пытка, смерть, чѣмъ это!.. У меня не было сомнѣнія... Какъ я могла предположить, что это все ложь... О, если бы я получила денешну—никакія силы не заставили бы меня согласиться дать слово другому!.. Но вы молчите... Тѣтя сообщаетъ, какъ вѣрно... Мама умоляетъ... Онъ просить, какъ милости, моего согласія... Я была потрясена... И не все ли равно? Отчего же не выйти за того, кто такъ любить?.. Человѣкъ хорошей—я это скажу прямо... Если

не вы... И не дава согласіе... Не любя? спросите вы. Да, не любя, но уважая, цѣня чувство любви ко мнѣ. И не солгала ему. И сказала: я уважаю васъ, но я не люблю васъ... какъ любить обыкновенно... И въ васъ не влюблена. Если вамъ этого довольно—я согласна. И онъ отвѣтилъ мнѣ, буквально, слѣдующее: «Для меня довольно. Я увѣренъ, что вы полюбите меня. Я заслужу вашу любовь». И я вышла. Не знаю, можетъ-быть, я и полюблю моего мужа... Онъ хорошій, но пока еще я не могу сказать этого... Я еще живу прошлымъ... Боже мой!.. Зачѣмъ это я пишу вамъ?.. Бѣдный мой, дорогой мой!.. Встрѣча съ вашимъ пріятелемъ меня повергла въ ужасное состояніе. Я весь день рыдала, какъ безумная... Боже, Боже!.. И кто всему виной? Какъ могли вы не получить моего письма!.. Куда дѣлась ваша денешка?.. Мы живемъ уже отдѣльно отъ мамы, но она ежедневно бываетъ у насъ... Я парочно поѣхала къ ней... и умоляла ее сказать мнѣ... Она отвѣтила, что не получала никакой денешки отъ васъ. Но я не вѣрю ей... Въ ея голосѣ мнѣ послышалось что-то неискреннее... Неужели она скрыла?.. Мнѣ тяжело думать... Я чувствую, что невольно что-то легло между мной и мамой. Но я стараюсь увѣрить себя, что это не такъ... Но какъ же?.. А кто взялъ мое письмо? Его никому не могли отдать, кромѣ васъ и вашихъ родителей. Кто же?.. Господи!.. Тутъ чувствуется какая-то невидимая рука... сила, способствующая всему... Ужели самъ Богъ противъ нашего союза? Почему? Мнѣ тяжело писать... Но я пишу... Зачѣмъ я пишу? Все непоправимо! Я плачу и пишу... Мнѣ хочется утѣшить васъ... Но развѣ это все утѣшеніе?.. Женская логика!.. Нѣтъ, примиримся со всѣмъ... Возьмемъ свой крестъ и понесемъ. Тѣтя пишетъ, что ваша невѣста—дѣвушка хоро-

ная... Пошли вамъ Богъ счастья!.. Постарайтесь полюбить ее ради своего счастья. Я буду молиться за васъ, а вы, стоя у Престола, помолитесь обо мнѣ, какъ о другѣ... Мнѣ также нужны силы... Господи!.. Господи!.. Прощайте!.. Не забывайте меня... или ибѣть: лучше забудьте скорѣе... Я сама не знаю, что пишу!.. Прощайте!.. Всегда помнящая васъ С.

«Р. С. Какъ жаль, что вы не поѣхали съ пріятелемъ! Васъ такъ поразила «моя измѣна», что вы измѣнили и мечтѣ вашей объ академіи. Другъ мой, если бы вы пріѣхали тогда, то ужели не приняли бы сразу ко мнѣ? А тогда я не была еще замужемъ и, конечно, узнавъ все, уже не вышла бы!... Да, вѣрно, такъ назначено судьбой... Прощайте!.. Всегда, всегда помнящая васъ С.»

Крестовоздвиженскій едва могъ дочитать письмо. Слезы застилали ему глаза. Кончивъ чтеніе, онъ зажалъ листокъ въ рукѣ, упиалъ головою на столъ и зарыдалъ.

Въ такомъ положеніи застала его Анна Михайловна, которая уже искала его, и, узнавъ отъ письмоводителя, что онъ въ бесѣдкѣ и читаетъ письмо отъ Псалмонѣвцева, пошла туда.

Она была поражена.

— Ишенька, родной мой, что съ тобою?—воскликнула она испуганно.

При этихъ словахъ Крестовоздвиженскій быстро поднялся и воскликнулъ голосомъ, полнымъ отчаянія и укора:

— Матушка, что вы сдѣлали со мною!

— Ина... голубчикъ!..

— Гдѣ письмо ко мнѣ отъ Соши?—продолжалъ онъ, устремляя на мать взглядъ, въ которомъ есен и видѣ-

лось еще сомнѣніе, то оно было искрой, готовой сейчас потухнуть.

Анна Михайловна растерялась. Она поблѣднѣла и едва могла отвѣтить:

— Какое письмо?.. Богъ съ тобою!.. Я... не... видѣла никакого письма отъ Соши...

Голосъ ея дрожалъ, и въ ея глазахъ сынъ прочелъ всю ту правду, которую она силсилась скрыть. Болѣзненная улыбка искривила губы молодого человѣка, и онъ засмѣялся такъ, что этотъ смѣхъ, словно пожаръ, рѣзнулъ сердце матери.

— Такъ вотъ какимъ путемъ вы захотѣли... ха-ха-ха!.. Ну, что жь... раду...

Онъ не могъ кончить и въ изнеможеніи опустился на деревянный диванъ.

— Господи!.. Что же это такое?.. Яша!.. Яша!..—со стономъ вырвалось изъ груди Анны Михайловны, и она кинулась къ сыну.—Яша!..—повторила она:—ты одинъ у меня!.. Вѣдь я тебя больше всѣхъ люблю!.. Голубчикъ, прости!..

Онъ медленно повернулъ голову въ сторону матери и чуть слышно произнесъ:

— Такъ это правда, матушка?

Что-то неувловимое проскользнуло по лицу Анны Михайловны.

Она выпрямилась и, видимо, подавляя внутреннюю боль, дѣлая усилие надъ собою, воскликнула рѣшительно:

— Нѣтъ, это неправда!.. Неправда!.. Я совсѣмъ не это хотѣла сказать!

Онъ не то съ жалостью, не то со злобой, смѣшанной съ жалостью, поглядѣлъ на Анну Михайловну и проговорилъ, вздохнувъ:

— Эхъ, матушка!..

Въ эту минуту въ бесѣдку вбѣжала Оеклуна, веселая, розовая, съ разсыпавшимся по плечамъ русыми кудрями.

— Мамочка!.. Якунь!.. что же вы?.. сейчасъ танцы!..

Она съ удивленіемъ взглянула на брата и потомъ на мать.

— Мамочка... что съ Якушемъ?

— А то, что твой братъ нилъ мало сегодня!—съ неестественной улыбкой произнесъ Крестовоздвиженскій, сѣбно пряча письмо въ карманъ брюкъ.

Онъ всталъ и взять за руки дѣвочку.

— Ты говоришь, танцы сейчасъ?.. Будемъ плясать!.. Дикіе и на похоронахъ плянуть!.. Ну, Оеклуна, живо!..

И, засмѣявшись, онъ пошелъ въ комнаты. Оеклуна побѣжала впередъ.

Мать проводила его долгимъ грустнымъ взглядомъ, постояла на порогѣ бесѣдки и, вздохнувъ, направилась также къ дому.

На послѣдней ступенькѣ террасы стояла Дуня, уже безъ фаты и сильно раскраснѣвшаяся отъ шампанскаго. Она посмотрѣла на мужа съ видомъ недоумѣнія и отчасти тревоги. Ей сразу бросился въ глаза перемѣна на лицѣ Якова Аванасевича, его красные глаза и растрепанные волосы.

— Что съ вами?.. гдѣ вы были?..—спросила она тихо.

При видѣ жены судорога пробѣжала по всему лицу молодого человѣка, его глаза блеснули недобрымъ огнемъ. Но онъ овладѣлъ собою и отвѣтилъ, улыбаясь:

— Не дошелъ, Евдокія Никифоровна!.. А вотъ сейчасъ... еще выню!..

— Не надо, Яковъ Аонасьевичъ, довольно!..

Ничего не отвѣтивъ, онъ прошелъ мимо изумленной жены и направился въ уголь, къ столу, на которомъ стояли еще бутылки съ виномъ для желающихъ. Налить стаканъ вина, не справляясь, какое оно, Яковъ Аонасьевичъ вынулъ залпомъ и сталъ наливать снова.

Къ нему подошелъ о. Аонасій

— Яковъ, не будетъ ли?—сказалъ онъ...—ты сегодня и такъ много пилъ.

— Оставьте, батюшка,—довольно рѣзко перебилъ сынъ:—вы свое взяли... дайте мнѣ свое взять... Батюшка, а какъ вы насчетъ письма Сони? а?

О. Аонасій вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Яковъ... ты, братъ, заговариваешься... не ладно...

— Такъ вы не знаете?..

Онъ пытливо поглядѣлъ на отца.

— Ничего я не понимаю... брось ты пить, ради Бога... Не привыкъ... вотъ оно...

Слова его звучали полною искренностью.

— Батюшка!.. Родной мой!..

Онъ вдругъ обнялъ отца и поцѣловалъ его.

— Все-таки легче!—промолвилъ онъ и, увидавъ подходящаго писемоводителя, крикнулъ ему:

— Выпьемъ, друже!.. Да и плясать!.. Вудъ визави!.. Надо потѣшить супругу и родителей.

Онъ налилъ вина себѣ и писемоводителю и, чокнувшись, осушилъ весь стаканъ.

— Родитель!—проговорилъ онъ, обращаясь къ о. Аонасію:—не сердись!.. это для храбрости... Сейчасъ буду съ супругой русскую плясать... Ужъ если похороны... такъ пусть же веселыя похороны!..

И, увидавъ Дуно, онъ крикнулъ:

— Евдокія!.. Дунечка!.. Русскую!..

Дуня растерянно улыбалась. Ее выручили нисемоводитель и тысяцкіѣ.

— Какая вамъ русская, что вы, Яковъ Лоанасевичъ!—сказали они чуть не въ одинъ голосъ.—Сейчасъ кадрили.

— Ну, кадрили, такъ кадрили!.. Все равно! —согласился молодой.

— Никакъ онъ съ ума сошелъ!—улыбаясь насмѣшливо, проговорила толстая кучиха изъ города, обращаясь къ женѣ псаломщика.—Или онъ перениль на радости?

— Еще радость ли, надо узнать!—съ схиствомъ отвѣтила псаломщица и, наклонившись къ уху собесѣдника, зашептала ей о чемъ-то...

— Ай-ай!.. да что вы!..—произнесла толстая кучиха, качая головою.—Вотъ оно что!.. а я и не знала!..

Начались танцы... Яковъ Лоанасевичъ плясать съ увлеченіемъ, притонивая, прическивая.

Дьяконъ стоялъ въ дверяхъ зала.

— Не дѣло это, не дѣло!..—бурчать онъ, покачивая головою.—Переборщить, отче Якове... не слѣдовало!..

— Надо ему сказать, — произнесъ лавочникъ, стоявшій рядомъ съ дьякономъ.

— Разошелся!.. Не уймень!.. Не ниль никогда... Не то, что мы... хонь снова начинай... го-го-го!..

Кадрили кончилась. Крестовоздвиженскій посадить жену и, вытирая потъ съ лица, подошелъ къ дьякону.

— Ну, дьяконъ, еще по одной!

— Не довольно ли?.. Оно того... для меня-то плевое дѣло, а вамъ-то...

— Молчи, дьяконъ!.. Ней!.. На похоронахъ всегда пьютъ!..

— Го-го-го!.. И шутникъ же вы, Яковъ Аонасьевичъ! Такое веселье... а онъ—похороны!..

— Веселья похороны, дяконъ!

— Кого же хоронять?

Они уже подходили къ столу съ бутылками.

— Кого? Рабовъ Божьихъ Якова и Софію-премудрость,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, вынимая пробку изъ бутылки.

— И не пойму! — сказать дяконъ. — Это притча, что ли?

Онъ, щурясь, посмотрѣлъ на молодого.

— Притча... А ты, дяконъ, отчего не плянешь?.. Снимай рясу и пляши!.. Похороны... а дяконъ бездѣйствуетъ!

Онъ вынулъ залпомъ стаканчикъ.

— Фу, кисло какъ!—сказать онъ, дѣлая гримасу.

Дуня видѣла все, сидя между подругами. Она старалась казаться веселой и улыбалась. Но ея лицо поблѣднѣло, и она едва удерживалась отъ слезъ.

Заиграла музыка.

Вторую кадрили Яковъ Аонасьевичъ танцовать опять съ женой, а слѣдующую съ Оеклушей, что доставило дѣвочкѣ невыразимое удовольствіе.

— Якушь,—сказала она брату между фигурами:—ты совсѣмъ сегодня не похожъ на себя... Тебѣ очень весело?

— Очень, Оеклуша!

— И мнѣ очень!.. А только, что такое говорить дяконъ?.. Я слышала—смѣется и говоритъ: Яковъ Аонасьевичъ сказать: веселья похороны сегодня!.. Что такое... я не понимаю... Какія веселья похороны?.. Развѣ могутъ быть похороны веселья?

— Могутъ, Оекдуна... только дай Богъ, чтобы ты ихъ не знала... Ну, валий! Намъ теперь!

Девочка изумленно посмотрѣла на брата и взяла протянутую ей руку.

Разсказъ дьякона сталъ скоро извѣстѣе многимъ, въ числѣ ихъ и о. Пикифору. Онъ неодобрительно покачалъ головой. Анна Михайловна, проходя мимо псаломщицы и толстой кучихи, уловила фразу «веселья похороны». Она остановилась и промолвила, обращаясь къ кучихѣ:

— Веселья похороны? Это еще что такое?

— А это вашъ сыночекъ пошутить,—съ злорадствомъ отвѣтила псаломщица:— о. дьяконъ говоритъ: веселая свадьба... а сыночекъ вашъ: да, говоритъ, веселья похороны! Шутникъ онъ у васъ!

Псаломщица засмѣялась. Закигло на сердцѣ у попады, но она сдержалась и произнесла небрежно:

— Онъ сегодня немало глупостей сказалъ... наповли его...

И она прошла далѣе, провожаемая насмѣшливыми взглядами псаломщицы.

«Веселья похороны» были въ разгарѣ. Играли вальсъ. Пары носились по небольшому залу, иногда сталкиваясь между собою, что вызывало неудержимый смѣхъ у танцующихъ. Повидимому, всѣмъ было весело. Если дѣйствительно кого-то хоронили, какъ выразился Яковъ Аванасьевичъ, то хоронили весело.

Не веселилась только одна бабушка, но болѣзнь погъ оставшаяся дома. Она лежала на постели и молилась Богу, прося у Него счастья для «милаго Яшеньки». Она съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія дочери и зятя, чтобы

узнать съ вихрь подробности свадебнаго пира. Какаѣ-то неопредѣленная тревога мучила старуху.

О. Аонасій вернулся съ женою домой поздно ночью. Агнѣя Капитоновна еще не спала.

— Ну, что? какъ? все ли хорошо было?—воспѣнно проговорила она, когда въ комнату вошла дочь, а за нею и зять.

— Все хорошо,—отвѣтилъ о. Аонасій.—Тестюшка не покупился. Яковъ разошелся сегодня. Немножко поднѣлъ...

— И совсѣмъ не немножко,—перебила жена:—а напѣлся, какъ слѣдуетъ, и наговорилъ глупостей вдоволь.

— Какъ глупостей?—съ недоумѣніемъ и тревогой спросила старуха.

— А такъ, глупости молоть. Дьяконъ говорить: веселая свадьба, а Яковъ ему на это: да, веселья похороны!

— Ну, что же,—замѣтилъ о. Аонасій, зѣвая:—никто какъ Богъ! Лазарь умеръ, а Христось его воскресилъ.

Старуха помолчала, устремивъ въ пространство задумчивый взглядъ, и промолвила:

— А по-моему Яшенька и правъ: старое похоронено, и зачнется все новое. Софья для него умерла, да и Якова скоро не будетъ, а будетъ о. Иаковъ.

— Молодецъ теца!—радостно воскликнулъ о. Аонасій:—всегда найдется... министръ да и только!

Осталась довольна словами матери и Анна Михайловна.

